Социялістычная Савецкая Рэспубліка Беларусі

Белорусская Социалистическая Советская Республика

ПРАЦЫ

Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту ў Менску

Les Annales

de l' Université de Minsk

1926 г.

№ 11

Дзяржаўнае Выдавецтва Беларусі
МЕНСК—1926

1926 г. № 11

ПРАЦЫ

Беларусскага Дзяржаўнага Унівэрсытэту

ТРУДЫ

Белорусского Государствен. Университета

װיסנשאַפטלעכע שריפט

פון װײַסרוסישן מלוכע-אוניװערסיטעט.

PRACE NAUKOWE

Uniwersitetu Państwowego na Białorusi

LES ANNALES

de l'Université de la Russie-Blanche

1-ая Гостипография. Зак. № 2344—450 экз. Главлитбел № 17115.

От редакции.

В настоящем году исполняется первое пятилетие существования Белорусского Госуд. Университета: 11 июля этого года минуло 5 лет со дня учреждения университета правительством БССР, а 30-го октября минет 5 лет со дня начала в нем учебных занятий. Университет начал работать в очень трудное время разрухи и обнищания страны, только недавно еще освобожденной советскими войсками из-под власти белополяков, и потому неудивительно, что правительство БССР и сам университет придают большое значение факту пятилетнего существования университета; он является ручательством того, что университет окреп, что он жизнеспособен и работоспособен и что он будет в силах принести Белоруссии всю ту пользу, какой от него имеют право ожидать. За истекший год сделано опять немало в смысле дальнейшего оборудования кафедр, лабораторий, кабинетов, клиник и др. учреждений, и научно-учебная работа университета ширится и растет. В подготовленном в настоящее время к печати обзоре жизни университета за первые его 5 лет будут даны на этот счет исчерпывающие данные. Пятилетие существования университета предполагается отметить торжеством 30-го октября в то число, в какое началось 5 лет тому назад его функционирование.

С настоящего выпуска „Прац БДУ“ редакция их переходит на новую систему группировки материала. Непрерывный рост научно-литературной деятельности членов университета позволяет отныне издавать цельные выпуски из статей, написанных профессорами и преподавателями одного какого-либо факультета или отделения (или группы смежных отделений: напр., естественного, и математического, или исторического и литературного отделений Педфака).

Редакция начинает с последнего по времени учреждения, существующего пока только один год факультета права и хозяйства, трудами профессоров и преподавателей которого занят настоящий выпуск.

Из восьми статей его научных две печатаются на белорусском языке; на том же языке написана и статья о факультете права и хозяйства, дающая обзор первого года работы этого факультета.

В следующем, 12-м выпуске предполагается поместить речи, сказанные профессорами на торжественном заседании Совета университета, посвященном 20-летию поэтической деятельности белорусского народного поэта Янки Купалы.

С. З. Каценбоген.

Диалектический материализм и механистическое мировоззрение*).

I.

Маркс, Энгельс, Плеханов и Ленин относились всегда с исключительным вниманием к достижениям естествознания. Маркс оставил ряд ненапечатанных математических работ, Энгельс — „Диалектику природы".

Плеханов, хотя и не занимался специально естествознанием, проявлял, однако, большое внимание к его успехам.

Ленин в своей книге „Мат. и эмпир." посвятил новейшей революции в естествознании целую главу.

Это, конечно, совсем не случайно.

Маркс и Энгельс—творцы диалектически-материалистического миросозерцания. В своем учении они исходят, прежде всего, из следующих основных предпосылок:

1. Мир есть не что иное, как единство многообразных форм движущейся материи.

2. Эта материя (или природа) существует об'ективно, независимо от нашего сознания.

3. Различные формы движущейся материи находят свое отражение в мышлении. Следовательно, бытие определяет сознание. Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu. Следовательно, содержание сознания черпается из мира материи.

4. Формы мышления отражают формы движущейся материи.

5. Диалектика есть наука об общих законах движения материи в природе, истории и мышлении.

6. Основными законами диалектики являются следующие:

а) переход количества в качество и обратно (принцип качеств-колич. единства);

б) взаимное проникновение противоречий (или закон поляризации);

в) закон отрицания отрицаний.

Итак, основной исходной посылкой философского учения Маркса и Энгельса является учение о материи, как об'ективной реальности, различные формы движения которой развиваются согласно законам диалектики. Причем эта диалектика, в отличие от Гегелевской, не навязана природе и истории, а является реальным законом их бытия и только потому является основным законом научного познания.

Все элементы марксизма—его философия, социология и экономическое учение—тесно связаны друг с другом в единую логическую

*) Доклад, сделанный 26 ноября 1925 г. в Научном Обществе при БГУ.

систему. Но философское учение Маркса—материализм и диалектика—определяет собой все элементы Марксова учения; пренебрежительное отношение к философии марксизма означает поэтому подрыв фундамента учения Маркса и Энгельса.

Понятен поэтому и исключительный интерес основоположников диалектического материализма к естествознанию. „Природа, говорит Энгельс (в Анти-Дюринге), служит пробным камнем для диалектики, и мы должны быть благодарны естествознанию за то, что оно доставляет для ее испытания с каждым днем все возрастающий материал и тем самым доказывает, что в природе, в конечном счете, все совершается диалектически, а не метафизически“.

Могут ли успехи естествознания—различные новейшие теории строения материи: энергетическая, электрическая—заставить нас поставить пред собой вопрос о праве материализма, как философского учения, на существование?—Ни в коем случае.

Естествознание, на всех этапах своего развития, имеет дело с природой или материей, как об‘ективной реальностью, и каждое новое открытие в области естествознания лишь расширяет границы познания материи. Вопрос же о *свойствах* материи нисколько не отражается на судьбе основной исходной посылки материализма—самого существования материи, принципа об‘ективной реальности физического мира.

Ленин был поэтому, конечно, прав, когда убеждал в необходимости строго отличать философское понятие материи от эмпирического и не связывать судьбы гносеологии материализма с новейшими открытиями в области строения материи. Нуждается ли естествознание в успехах философии? Не есть ли естествознание само себе философия? На этот вопрос дает исчерпывающий ответ ныне открытая новая работа Ф. Энгельса *„Диалектика природы“*. Эта работа носит фрагментарный характер. Возможно, что в свете современных достижений физико-химических наук она во многом устарела.—Энгельс, постоянно призывая всех смотреть на историю науки, как на диалектический процесс, в котором беспрерывно происходит процесс обновления, не мог не предвидеть, что многие из его фактических положений из области физико-химических наук устареют. Он откровенно сам об этом писал: „Может, впрочем, случиться, что процесс теоретического естествознания сделает большую часть моей работы или всю ее совершенно излишней. Ибо революция, к которой теоретическое естествознание вынуждается простой необходимостью систематизировать массу накопляющихся чисто эмпирических открытий, заставит даже самого упрямого эмпирика признать диалектический характер явлений природы“.

Но если, быть может, фактически материал новой работы и устарел во многом, то тем не менее вся книга в целом имеет исключительное значение и для диалектического материализма, и для естествознания. Эта книга доказывает, что диалектический материализм есть грандиозное и сложное философское мировоззрение, пытающееся в многообразии вселенной найти единый, все синтезирующий принцип. Стремление к обобщению, гармоническому синтезу всех наших знаний о внешнем мире, равно как и стремление во всех причудливых многообразных проявлениях природы найти единое всеохватывающее начало, было известно еще и выдающимся мыслителям древности и великим механицистам XVII ст.: Декарту, Гоббсу, Спинозе и французским материалистам XVIII ст.: Ля-Метри, Гольбаху, Гельвецию, Дидро.

Однако, препятствием для построения строго научного материалистического мировоззрения являлось слабое развитие естествознания,

из отдельных отраслей которых были в то время особенно развиты лишь механика, математика и астрономия. Математическое и механистическое мышление наложило свою печать на все философские учения XVII и XVIII ст. Отсюда и столь сильное развитие так называемого социального натурализма, или социальной физики. Отсюда и увлечение во всех науках методом „more geometrorum“, господство математического способа изложения и настойчивое стремление все явления общественной жизни об'яснить с точки зрения законов механики.

Естествознание и философия XVII и XVIII ст. были насквозь метафизичны. „За природой, говорит Энгельс, отрицали всякое изменение, всякое развитие“. Мысль об абсолютной неизменности природы являлась препятствием для построения правильного научного мировоззрения. „Наука все еще глубоко сидела в теологии“.

Философ Кант своей „Всеобщей естественной историей и теорией неба“, своим, по словам Энгельса, гениальным открытием пробил брешь в этом „окаменелом мировоззрении“.

Развитие физики и химии, геологии, палеонтологии и особенно эволюционное учение Дарвина проложили мост к созданию научного современного естествознания.

Современное естествознание пронизано бессознательным, „стихийным“ материализмом.

Для того, чтобы огромный накопленный современным естествознанием эмпирический материал мог лечь в основу правильного научного понимания природы, он нуждается в сознательном руководстве со стороны диалектического метода.

Один лишь эмпиризм, без теоретического методологического руководства, обречен на жалкое описание—элементарную, первичную ступень научной работы.

„Одно эмпирическое наблюдение, пишет Энгельс, никогда не может доказать достаточным образом необходимости. Post hoc, но не propter hoc“.

Так называемый „ползучий эмпиризм“ приводил крупнейших ученых к самым неожиданным результатам. Доверившись грубому эмпиризму, Уоллес и Крукс попали в сети самаго обскурантского спиритизма, о чем Энгельс обстоятельно сообщает в статье „Естествознание в мире духов“.

Основное положение о неразрушимости движения заимствовано им у философии (у Декарта).

Современная научная теория происхождения солнечной системы была предвосхищена учением Гегеля о диалектической связи процессов притягивания и отталкивания.

Естествознание вынуждено пользоваться услугами философии. Не лучше-ли ему, однако, спрашивает Энгельс, вместо того, чтобы пользоваться услугами скверной метафизической и идеалистической философии, которая приводит его то к спиритизму, то к витализму, вооружиться философией диалектического материализма, которая дает в его руки могучий метод познания реальных, об'ективно действующих в природе процессов и их законов.

Между современным научным естествознанием, стихийно влекомым к материализму, и современным научным диалектико-материалистическим методом должна установиться тесная взаимная связь.

Некогда Вирхов говорил о том, что каждый естествоиспытатель, вне своей, собственной специальности, является тоже только полузнайкой, профаном.

Если, справедливо добавляет к этому Энгельс, теоретики являются полузнайками в области естествознания, то такими же полузнайками

являются современные естествоиспытатели в области теории, в области того, что называлось до сих пор философией...

„И именно диалектика является для современного естествознания самой правильной формой мышления, ибо она одна представляет аналог, и значит метод об'яснения, происходящих в природе процессов развития, всеобщих связей природы, переходов от одной области исследования к другой“.

Стихийный материализм современного естествознания недостаточен. „Возврат естествознания к материализму, говорит Ф. Энгельс, может *прорваться стихийно*, благодаря просто силе самих естественно-научных открытий“... „Он может быть значительно сокращен, если теоретизирующие естествоиспытатели захотят познакомиться основательнее с диалектической философией в ее исторически данных формах“.

Некогда, в период несовершенного развития естественных и социальных наук, философия об'явлена была наукой наук, царицей наук, наукой об итогах наук, стоящей над другими науками. Ныне, когда онтологическая и гносеологическая проблемы философии могут считаться окончательно разрешенными Марксом и Энгельсом, философия материализма превращается в науку о законах мышления и диалектике.

Так именно смотрели основатели диалектического материализма на задачи современной философии.

В своей работе „Диалектика природы“ Энгельс, следовательно, прежде всего непоколебимо устанавливает, что современное естествознание, как впрочем, и социальные науки, не может плодотворно развиваться без сознательного, а не стихийного усвоения диалектически-материалистического метода. Этим дан ответ и всем современным упразднителям философии, которые утверждают, что „наука сама себе философия“.

Диалектический материализм, будучи научной философией марксизма, является вместе с тем незаменимым научным методом для всех наук.

II

Сила диалектически-материалистического метода коренится в том, что он формулирует общие законы, действующие в природе, истории и мышлении.

Исключительное значение новой работы Энгельса и заключается в том, что она учит нас умело пользоваться этим тончайшим орудием научного мышления—диалектикой. Энгельс на ряде многих примеров из области естествознания обнаруживает диалектические законы природы.

Основная, центральная идея работы заключается в установлении *единства* всех форм мирового процесса, выражающегося в *обще-обязательных законах движения материи.*

В этом отношении исключительное значение играет закон сохранения и превращения энергии и материи, устанавливающий несоздаваемость материи и энергии, их неуничтожаемость, единство природы, отсутствие резких, непреходимых, метафизических граней в ней.

Диалектика обнаруживает „всеобщие связи“ природы, переход от понимания единичного к пониманию целого, к проникновению во всеобщую связь явлений.

Основным свойством материи является движение. Познание различных форм движения материи: превращения механического движения в теплоту, электричество, свет и т. д. и обратно—и есть познание самой материи.

Движение материи устанавливает универсальную связь явлений, диалектическое единство многоразличий в природе и цепь незаметных переходов. Метафизика находила резкие, непреходимые грани между отдельными формами материи. Диалектика эти непреходимые, вечные грани уничтожает в единстве всех процессов, обнаруживая различия и в этих различиях устанавливая единство. Идея развития, движения— центральный нерв диалектики.

Движение материи, развиваясь путем превращения одной ее формы в другую, цепью незаметных переходов, узловых пунктов, скачков связывает все звенья единой цепи мировой материи. Канто-Лапласовская теория происхождения солнечной системы нанесла сокрушительный удар теологически-метафизическому взгляду на мир и землю, как нечто раз навсегда созданное, застывшее, неразвивающееся. Спектральный анализ установил химическое тожество мировой материи. Научная геология установила ряд этапов в истории земли. Теория механического эквивалента теплоты доказала превращение механической силы в теплоту и обратно.

Грове доказал переход всех так называемых физических сил— механической теплоты, света, электричества, магнетизма и химической друг в друга (подтвердив тем самым теорию философа Декарта о том, что количество имеющегося в мире движения неизменно). С момента искусственного изготовления в химической лаборатории органических соединений заполнилась, казалось, непроходимая брешь между неорганической и органической материей. Данные сравнительной анатомии, физиологии, эмбриологии и палеонтологии уничтожили представление о неизменной органической природе. Исчезли границы между отдельными видами растений и животных.

„И вот, говорит Энгельс, мы снова вернулись к концепциям великих основателей греческой философии о том, что вся природа, начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел, начиная от песчинки и кончая солнцем, начиная от протиста и кончая человеком, находится в вечном возникновении и уничтожении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении".

Диалектический закон перехода количества в качество и развития путем противоречий подтверждается Энгельсом многочисленными примерами из физики, химии, математики, биологии и истории. С точки зрения диалектики абсолютных различий нет. Казалось бы, говорит Энгельс, резкая, непреодолимая граница отделяет *свет от тьмы*. Однако, и это ошибочно. Так, существуют темные световые лучи. Глубокая темнота и яркий свет одинаково ослепляют. „В зависимости от длины колебаний, солнечные лучи оказывают различные действия. Лучи с наибольшей длиною волны переносят теплоту, со средней— свет, с наименьшей—химическое действие".

Движение материи путем противоречий—закон, обязательный для электричества, магнетизма и т. д.

Весь мир, все формы материи находятся в постоянном взаимодействии, исходя из которого „мы приходим к реальному каузальному отношению".

С точки зрения современного естествознания, нет принципиальных, непреходимых границ внутри и всего животного мира, включая человека. Живая материя есть лишь особая историческая ступень в развитии мертвой материи, порождающей на определенной ступени, путем перехода количества в качество, первичную клеточку. И мышление есть, конечно, также не что иное, как свойство особым образом организованной материи.

Столь же тонка граница, отделяющая человека от антропоморфных. И здесь принципиальных отличий почти нет. Основной элемент психики—рефлекс—имеет место и у животных, и у человека; элементы языка имеются у муравьев („язык усиков"), ревунов, попугаев; общение, стадность—особенно у антропоморфных. Граница здесь условна. Она и есть, и нет ее.

Основной вопрос здесь, как и во многих иных случаях, в господствующем значении определенных признаков, в их преобладающей роли в жизни определенных животных. У животных, даже пользующихся орудиями, на $99^3/_4$ проц. условия борьбы за существование определяются естественными органами. Поэтому и Pithecanthropus Erectus и даже Homo Heidelbergensis еще не могут быть названы людьми. Антропоморфные наши предки лишь в той мере становятся людьми, поскольку все более пользуются изготовляемыми орудиями, влияющими и на их физическое перерождение.

И здесь также, следовательно, долгий путь медленных, многовековых количественных накоплений порождает качественно новый животный вид—Homo Sapiens.

И будучи противоположен по ряду признаков другим животным видам, человек генетически един с ними.

И здесь, следовательно, действует положение диалектики о единстве противоположностей.

Итак, основным свойством материи является движение, и цепь многоразличных форм ее дает нам картину мира.

Основной формой движения является механическое движение.

Могут ли, однако, все прочие формы движения материи, изучаемые в физике, химии, биологии и тем более социологии, быть просто сведены к механике?

Достаточно ли наличия одних лишь механических законов для об'яснения всей совокупности сложных форм движущейся материи?

Как мы уже выше отметили, естествознание и „социальная физика" XVII и XVIII столетия давали на этот вопрос утвердительный ответ.

Единственными развитыми науками, на коих покоилось естествознание, были математика и механика. Математически-механическое миросозерцание нашло своих первых и выдающихся выразителей в Декарте, Гоббсе, Спинозе и французских материалистах XVIII столетия.

Н. Н. Алексеев („Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов"—„Очерки по истории и методологии общественных наук", ч. I, стр. 5) в общем верно уловил основную сущность этого механицизма, который выражается в том, что здесь „научное об'яснение имеет дело не просто с причинами, но с причинами *измеримыми*, выражаемыми в количественных формулах".

Декарт во всех явлениях материи видел одну только категорию количества. Поэтому он считал, что универсальный математический метод требует отвлечения от всякой особой материи.

На точке зрения чисто количественного анализа явлений природы стояли и французские материалисты XVIII столетия.

Значение Гегеля, вся сущность его диалектического метода заключается главным образом в том, что он не считал возможным ограничиться одним лишь количественным изучением явлений. В своей „Науке логике" Гегель решительно настаивает на важности конкретно-качественного изучения действительности. Основное положение Гегелевской диалектики о том, что истина всегда должна быть конкретна, заставляет в мире единой материи (единого количества) находить и изучать ее качественные своеобразия.

Совершенно определенно отмечал недостаточность механической точки зрения Л. Фейербах.

В своей „Истории новой философии“ он писал: „Это без сомнения возвышенная и справедливая мысль, что движение есть принцип природы“; но ошибка Гоббса и Декарта заключалась в том, что „они возвышали на степень всеобщего начала только частный случай движения, именно движение механическое, определенное в математических признаках“....... „Качество, которое именно одушевляет природу и составляет ее истинную физическую сторону, сводится у них к математической концепции, к чему-то превзойденному, идеальному, является простой акциденцией, чем-то нереальным“.

Фридрих Энгельс также решительно возражает против узкого механицизма.

Совершенным упростительством и вульгаризацией материализма было бы изучать мир только со стороны его механических процессов—процессов пространственного перемещения. Диалектический материализм трактует о единстве противоположностей, но не о единстве тожественности. Количественный анализ явлений сам по себе, без учета качественно-конкретного многообразия явлений материи, упрощает реальную действительность.

Представители механизма само движение понимают чрезвычайно. упрощенно, исключительно как механическое движение—перемещение Между тем, „движение в применении к материи“—это изменение вообще. Энгельс отмечает, что яростное стремление свести все к механическому движению смазывает специфический характер прочих форм движения. Высшие формы движения, хотя всегда и связаны с механическим движением, но оно „не исчерпывает существа главной формы в каждом случае“. Химическое действие невозможно без изменения температуры и электричества, органическая жизнь невозможна без механических, молекулярных, химических и проч. изменений, но от этого их *специфическая природа не уничтожается*. „Мы, говорит Энгельс, несомненно „сведем“ когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу, но исчерпывается ли этим сущность мышления?“

Следовательно, основной вопрос, требующий решения,—это, „сводимы ли физика, химия, биология, психология, а тем более социология к простым законам механики?

Вопрос этот не следует отнюдь понимать в том смысле, действуют ли законы механики в указанных областях?

Против того, что физико-химические законы сохраняют все свое значение в мире неорганическом, органическом и психическом, возражений ни с чьей стороны в лагере материалистов нет.

Попытки сведений явлений физики и химии к каким-то непостижимым мистическим силам, равно как желание некоторых реакционно мыслящих биологов воскресить жизненную силу столь несерьезны, что о них говорить не приходится. Вопрос сводится, следовательно, к иному: достаточно ли одних законов механики для об‘яснения, для закономерного истолкования явлений физико-химических, психических и социальных?

Мы утверждаем, что стремление все сферы жизни об‘яснить исключительно законами механики ничего в этой жизни не об‘ясняет, ибо один лишь факт движения ничего не говорит нам о содержании, или специфическом характере этого движения. Представители механицизма, подобно Лапласу, ищут ту магическую математическую формулу,

в прокрустово ложе которой можно было бы уложить все качественное многообразие вселенной.

Неомеханицисты—тов. Степанов и другие—со всей категоричностью заявляют, что механистическое естествознание это и есть диалектический материализм.

Подобные воззрения ни в коем случае состоятельными признать нельзя. Во-первых—потому, что диалектический материализм не есть „последние выводы естествознания“; он не является магической кастрюлей, в которой механически собрана вся выжимка из современного естествознания. Во-вторых—потому, что диалектический материализм, как гносеология и метод, нисколько *не зависит* от тех или иных течений в вопросе о строении материи и т. п. В третьих—потому, что современное естествознание, даже стихийно материалистическое, нуждается в сознательном руководстве со стороны диалектически-материалистического метода. В противном случае оно неизбежно будет, подобно Уоллесу и Круксу, оставаться в плоскости метафизического ползучего эмпиризма. В четвертых—потому, что механистическое естествознание суживает задачи, стоящие перед различными сферами естествознания. В пятых, наконец, потому, что *механистическое миросозерцание есть нечто совсем иное, нежели диалектический материализм.*

III

Диалектический материализм признает универсальную, непрерывную связь всех явлений мира и действительность для природы, истории и мышления одних и тех же законов диалектики.

Но означает ли *единство* мира тожество всех развивающихся в нем процессов?

Неомеханицисты, как и их предшественники, все явления мира сводят исключительно к механическому движению тожественных мельчайших частиц—положительных ядер и отрицательных электронов, сводя тем самым качественное многообразие материи исключительно к количеству.

Есть ли, однако, движение материи исключительно односторонний количественный процесс?

Мы утверждаем противное: диалектический материализм не игнорирует узловых моментов в развитии материи, находя прерывистость в непрерывном движении. Нет абстрактных количеств, равно как и качеств. Существуют вещи, представляющие собой количественно-качественное единство. Таким образом, в каждом количестве уже неизбежно имеется и некое качество, равно как и наоборот—в любом качестве имеется некое его количество. Нельзя, следовательно, сводить качество исключительно к количеству. В движении материи мы наблюдаем сложный, многосторонний процесс обратимости, и игнорирование качественного многообразия материи убивает основной жизненный нерв диалектического материализма—изучение конкретной действительности.

Очень многие буржуазные философы и социологи, обрушиваясь на механическое истолкование исторического процесса, имеют в виду лишь одно—детерминизм и закономерность. По словам, например, L. Stein'а, в природе царит безусловная механическая закономерность. В общественной же жизни—имманентная телеология. Поэтому в природе мы наблюдаем вечные и безусловные законы, в общественной же жизни—одни лишь „ритмы“... Для нас подобные опровержения „механицизма“, конечно, неприемлемы. Каузальность механическая имеет

место не только в неорганическом и органическом мире, но и в социальном.

Природа, характер этой каузальности, равно как и законов, действующих во всех гранях универсума, одна. И тут, и там лишь при наличии определенных условий мы наблюдаем определенные следствия.

Следует ли, однако, из этого, что *содержание* законов, действующих в мире неорганическом, органическом, психическом и социальном, тожественно? Следует ли из этого, что в каждой из этих форм материального мира нет своих особых, специфических законов?

Может ли диалектический материализм ограничиться одним лишь перенесением физико-химических законов или же законов термодинамики на области органической, психической и социальной жизни?

Не превратятся ли тогда все существующие науки в отделы универсальной механики?

Не уничтожаются ли этим специфические об'екты наук или даже специфические методы рассмотрения единого об'екта, или же— что то же самое—не упраздняются ли механическим (или механистическим) миросозерцанием все науки?

Неомеханицисты, возглавляемые тов. Степановым, в защиту своих намерений заменить диалектический материализм механистическим пытались сослаться на авторитет Энгельса. Последняя работа Энгельса заставила их, однако, усомниться в авторитетности самого Энгельса. Тов. Степанов ныне пытается доказать, что, если бы Энгельс был современником современного естествознания, то он безусловно не нападал бы на механическое миропонимание. Это, однако, гадание на кофейной гуще. Не лучше ли обратиться к самому первоисточнику— к самому Энгельсу и у него самого, отнюдь не прибегая к спиритизму, спросить: каково же отношение основоложника диалектического материализма к механистическому миропониманию?

В „Людвиге Фейербахе“ Энгельс, критикуя французский механический материализм, писал: „Исключительное применение мерила, заимствованного из механики, к химическим и органическим явлениям, т.-е. к таким явлениям, в области которых механические законы, хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план перед другими, высшими законами,—составляет первую специфическую, неизбежную тогда черту ограниченности классического французского материализма“. Метафизичность французских материалистов заключалась, следовательно, прежде всего, в отсутствии у них исторического взгляда на природу и общество, в игнорировании конкретного качественного своеобразия явлений природы и общества.

Мы уже выше отмечали, что и в новой работе „Диалектика природы“ Энгельс также нападает на „яростное стремление свести все к механическому движению“, что „смазывает специфический характер прочих форм движения“. Приведем из этой работы еще ряд выдержек. Все они полностью доказывают, что Ф. Энгельс видел чрезвычайную ограниченность, узость и упрощение многообразия явлений природы в механизме: „Количественное превращение отдельных форм движения друг в друга еще ничего не говорят о качественной природе этих отдельных форм движения: если мы знаем, в какое количество механического движения превращается определенная масса теплового движения, то мы еще ничего не знаем о природе теплоты, как бы ни необходимо было изучение этих превращений для исследования этой природы теплоты“... „Естествознание в последнее время доказало в подробностях тот факт, что истинное конкретное тожество

содержит в себе различие, перемену. Как и все метафизические категории, абстрактное тожество годится лишь для домашнего употребления, где рассматриваются незначительные отношения или короткие промежутки времени. Но для синтетического естествознания абстрактное тожество совершенно недостаточно"... „Механизм в применении к жизни—беспомощная категория; мы можем, в лучшем случае, говорить о химизме, если не желаем расстаться окончательно со смыслом слов"...

О механическом естествознании Ф. Энгельс говорит: „Механика, как наука о массах, является основой химии (как науки об атоме) и физики (как науки о молекулах)". Однако, „безусловное сведение даже химических процессов к чисто механическим с‘ужает неподобающим образом поле химии".

Эта тенденция стала столь модной, что Геккель просто отожествляет слова: „механический" и „монистический", утверждая, что современная физиология дает в своей области место только механическим силам. „Называя физику механикой молекул, химию—физикой атомов, далее, биологию—химией белков, я желаю этим выразить переход одной из этих наук в другую и, значит, связь, непрерывность, а также различение, разрыв между обоими областями. Идти же дальше этого—называть химию своего рода механикой, по-моему, нерационально. Механика в более широком или узком смысле слова знает только количества, она оперирует скоростями и массами и, в лучшем случае, об‘емами. Там, где на пути у нее стоит качество, как, например, в гидростатике и аэростатике, она не может придти к удовлетворительным результатам"... „Но в физике, а еще более в химии, не только происходит постоянное качественное изменение в результате количественного изменения, не только наблюдается переход количества в качество, но приходится также рассматривать множество изменений качества, относительно которых совершенно не доказано, что они вызваны количественными изменениями". Количественным анализом нельзя исчерпать физику и химию. „Механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места,—в над механических областях оно является также и изменением качества. Мышление есть тоже движение". В том, что теплота представляет собой молекулярное движение, еще нет анализа теплоты. Механическая концепция сводится именно к этому; она об‘ясняет всякие изменения из изменений места, все качественные различия из количественных и не замечает, что отношение между качеством и количеством взаимно, что качество также переходит в количество, как количество в качество, что здесь имеется взаимодействие. Если мы должны сводить все различия и изменения качества к количественным различиям и изменениям, к механическим перемещениям, то мы с необходимостью приходим к тому положению, что вся материя состоит из *тожественных* мельчайших частиц и что все качественные различия химических элементов материи вызываются количественными различиями в числе и пространственной группировке мельчайших частиц при их об‘единении в атомы. Но до этого нам еще далеко". По словам Энгельса, только незнакомство современного естествознания с иной философией, кроме „ординарнейшей вульгарной философии", процветающей в немецких университетах, позволяет им оперировать выражением „механический", совершенно не давая себе в нем отчета. Энгельс резко нападает на идею „качественной тожественности материи".

Гегель хотел унизить материализм, отожествив его с „механическим", но „французский материализм XVIII столетия был действительно механическим", ибо физика, химия и биология были тогда еще в совершенно зачаточном состоянии.

„Материя, как таковая, это—чистое создание мысли и абстракция". Поэтому материя, как таковая, в отличие от определенных существующих материй, не является чем-то существующим. Нападая на механическое, исключительно количественное толкование материи, Энгельс пишет о том, что стремление естествознания отыскать материю, как таковую, сводя все качественные различия исключительно к количественным различиям состава тожественных мельчайших частиц аналогично поискам вместо груш, яблок, вишен—плода, как такового.

Как доказал уже Гегель, это воззрение, эта „односторонняя математическая точка зрения", согласно которой материя определима только количественным образом, а качественно исконно одинакова, является „именно точкой зрения" французского материализма XVIII столетия. Она является даже возвратом к Пифагору, который уже рассматривал число, количественную определенность, как сущность вещей.

Итак, после приведенных выдержек точку зрения Ф. Энгельса можно считать достаточно выясненной: Ф. Энгельс *механическое миропонимание отвергал*; механическое миропонимание (или правильнее: неомеханическое) есть возврат назад, понятное движение в истории материалистической мысли—возрождение ионической, примитивно-материалистической натурфилософии. К непосредственным предшественникам современных неомеханицистов—Фогту, Бюхеру, Молешотту—Маркс, Энгельс, Ленин и Плеханов относились самым отрицательным образом.

IV.

Наши неомеханицисты, однако, не ограничивают себя сферой одного лишь естествознания. Нет! Тов. Степанов в законе сохранения энергии и превращения ее форм из одних в другие находит универсальный ключ, отмыкающий двери всех наук. Он утверждает, что и психическая, и социальная жизнь „без остатка" об'ясняется сим универсальным законом.

Таким образом, и психология, и социология также об'являются не чем иным, как отделами термодинамики.

Увы! „В новизне твоей
Старина слышится!"

И при том древняя и давно изжитая старина!

Многое в словах современных неомеханицистов заставляет вспомнить и энергетическую натурфилософию Оствальда, и эмпириомонизм Богданова, реакционность которого столь решительно вскрыл В. И. Ленин.

Мы убедимся вскоре, какую бесплодную смоковницу родила так так называемая механическая социология.

Механическая социология родилась в XVII и XVIII столетии. Еще Галилей рекомендовал Гоббсу построить этику математическим методом и политику more physico et geometrico. О стремлении Декарта изобразить человека как машину и свести всю его жизнь к математически-механистическим законам мы уже говорили. Еще более решителен был Гоббс. Он призывал „изучить основания человеческих действий с той же точностью, с которой познаются основания величины в фигурах".

Органически-договорная теория общества и государства Гоббса есть также не что иное, как их механистическое понимание. По мысли Гоббса, основная задача философии свести все явления к основным и универсальным законам движения. Но движение это Гоббс понимает чисто механистически. Подобно тому, как механистическое естествознание, разлагая весь мир на простейшие элементы, ничего кроме их не видит, так и механистическое воззрение на общество (Гоббс и др.) разлагает и социальный мир на личности—атомы. Поэтому Гоббс и не знает исторического взгляда на общество. Новгородцев („Кризис современного правосознания", стр. 261), конечно, прав, когда говорит, что для Гоббса общество есть „сочетание однородных атомов, находящих в своем единении только то, что присуще каждому из них в отдельности, и что в общественной среде повторяется не качественно-повышенным, но количественно-умноженным". Общество таким путем представляется как механическая, количественная сумма элементов. „Социальный натурализм"—механизм Гоббса—был совершенно беспомощен в анализе социальных явлений. Социальные явления суть явления sui generis. Их изучить и понять можно не путем пустых и бессодержательных аналогий с механизмом и организмом, но лишь путем изучения тех специфических особенностей, которые выделяют определенный круг явлений в явления социальные.

Comparaison n'est pas raison!.. В истории социологической мысли мы знаем много бесплодных попыток обосновать социологию путем аналогий. Органическое направление Шефле, Лилиенфельда, Вормса и др. привело только к причудливым сравнениям человеческих нервов с железнодорожными путями, сердца с механизмом часов и т. п.

Спенсер и Конт пошли далее: путем аналогии различных классов общества с различными слоями кожи—экзодермой, эндодермой и мезодермой—они пытались обосновать незыблемость классового строения современного общества.

Столь же сильно было желание механистически приложить к анализу общественных явлений дарвинов закон борьбы за существование.

Исходя из этого закона, Спенсер и его последователи доказывали вред всяких попыток пойти на помощь угнетенным, слабым, подавленным классам общества.

Такие же бесплодные попытки об'яснения общественных явлений с помощью естественного отбора делал и Богданов.

Заодно приведем справку о том, как смотрел на попытки об'яснения общественной жизни дарвиновым законом Ф. Энгельс.

Фридрих Энгельс отмечает, что нынешние приверженцы дарвинова закона борьбы за существование некогда отстаивали идею „гармонического сотрудничества в органической природе". Однако, исключительное положение о борьбе, как и о сотрудничестве, односторонне. „Но совершенное ребячество подводит все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу „борьбы за существование": это значит ничего не сказать или и того меньше". Учение Дарвина—отражение Гоббсова учения и буржуазного экономического учения о конкуренции; оно не может быть „вечным законом общественной жизни". Разница вот в чем: „животное в лучшем случае доходит до собирания средств существования, человек-же производит их; он добывает такие средства существования (в широчайшем смысле слова), которых природа без него не произвела бы. Это делает сразу недопустимым всякое перенесение без соответственных оговорок законов жизни животных обществ на чело-

веческое общество. „Здесь—при общественном производстве средств существования—совершенно неприменимы уже категории из животного царства. Уже понимание истории как ряда классовых битв гораздо содержательнее и глубже, чем простое сведение ее к слабо отличающимся друг от друга фазам борьбы за существование".

Мы знаем в современной социологии целую механистическую школу, которая исходит в большинстве случаев из закона сохранения энергии, приходя к совершенно нелепым, бесплодным и часто весьма реакционным выводам.

Эволюционная теория Спенсера покоится на обобщении и применении физических принципов сохранения материи и энергии, ритмов движения или равновесия, интеграции материи и дифференциации формы. Гиддингс справедливо называет философию Спенсера *физической социальной философией.*

Неорганическое развитие переходит в органическое, а последнее в надорганическое. Фактором социальных явлений надо считать внутренние и внешние обстоятельства. Внешние заключаются в климате, почве, флоре и фауне, внутренние—в физических особенностях, чувствах и интеллекте. Общества делятся Спенсером на простые, сложные и вдвойне сложные. Всеобщие физические законы сохраняют свою силу в биологии, равно как и в социологии. Поэтому социологические феномены должны быть сведены к биологическим, а последние растворены в чисто физических законах. Поэтому дарвинов закон борьбы за существование Спенсер приветствовал, не будучи им полностью удовлетворенным, ибо в 1859 г. он еще не мог найти моста от биологии Дарвина к физике своего эволюционного учения. Но в 1864 г. Спенсер нашел мост между биологией и физикой—в *законе параллелограмма сил,*—в учении Клаузиуса, по которому энтропия, или рассеяние мировой энергии, стремится к максимуму,—что должно, очевидно, наступить тогда, когда установится повсеместно равномерная температура.

Так создалось Спенсерово универсальное *учение о равновесии.* Все изменения в природе, учит Спенсер, стремятся к равновесию. По пути к абсолютному равновесию, т. е. к покою, происходит во многих случаях процесс относительного или лабильного равновесия. Каждый организм представляет собой пример подобного относительного равновесия, прекращение коего означает смерть. Каждое поколение знает индивидов с меньшими колебаниями равновесия, и они поэтому сохраняются дольше, нежели другие. Подобные индивиды и являются лучшими, переживающими других индивидов, с менее благоприятно функционирующей системой равновесия. Они, выражаясь языком Дарвина, и являются наиболее приспособленными.

Таким образом, переживание и воспроизведение наиболее приспособленных есть не что иное, как чисто *физический процесс,*—непосредственный результат всеобщего рассеяния материи и движения.

Так Спенсер социологические феномены подчиняет общим биологическим, а последние—законам физики.

Исходя из своей механической концепции, Спенсер приходит:

1. К монистическому агностицизму и примирению науки с религией.

2. К утверждению, что теория естественного отбора, отражая обще-мировой, универсальный закон стремления к равновесию, требует безразличного отношения к угнетенным, социально слабым и т. д.

3. К утверждению, что классовая борьба—необходимое средство для установления в обществе той социальной гармонии (или упрочения

социально более мощных классов), которая есть не что иное, как частный случай обще-мирового закона равновесия.

Так классовая борьба получает благословление от самих вечных законов космоса.

4. Отсюда совершенно понятна и вражда Спенсера к социалистическому учению, которое вдребезги разбивает его учение о социальной, а следовательно и всемирной гармонии.

Английский ученый *Фиске* также развивает учение о применении эволюционных мировых законов к социальным явлениям.

Мисмер (французский ученый) ищет основ социологии в естественных законах. Социальное явление он основывает на общем *законе тяготения*. Отсюда возникают социальные законы: 1) закон солидарности, 2) прогресса, усовершенствования.

Первый закон есть не что иное, как проявление закона притяжения молекул. Вместе с тем из закона тяготения и солидарности он выводит необходимость и незыблемость классов и аристократии.

Бельгийский ученый *Ваксвейлер* утверждает, что социальная жизнь есть результат постоянных взаимоотношений между индивидом и окружающим миром. Социология есть физиология процессов реакций на внешний мир.

Английский ученый *Карей* утверждает, что законы социальной жизни покоятся на формуле: *Человек—молекулярная единица общества и, как таковой, представляет собой об'ект социальных наук.* Необходимое условие существования человека—*закон молекулярного тяготения.* Человечество образует общий организм; физиологические законы действительны и для общества. Так, физиологическое разделение функций людей на органы циркулирующие и регулирующие применимо и к обществу: правительство—это социальный ум, орудия дыхания—рабочие; координированная нервная система—власть обуздывания.

Французский ученый *Винярский* сделал попытку дать систему социальной механики. Он рассматривает всякий аггрегат, как систему находящихся в постоянном движении частей, притягивающихся и отталкивающихся.

Энергетика должна лечь в основу всех наук. Основа новой философии—*закон сохранения материи и энергии*: биологические явления сводятся к механическим. Все интеллектуальные, хозяйственные, политические, гражданские, моральные, религиозные и друг. явления покоятся на физиологической основе жизни (голоде и любви) и являются только борьбой наших организмов против других. Механическая энергия превращается в биологическую и социальную. Социальная энергия подчинена космическим законам, т.-е термодинамической энергии. Социальная масса энергии без приобретения и потери массы превращается в психическую. Так как все формы космической энергии покоятся на тепле, то и все формы биосоциальной энергии покоятся на законах экономии энергии. Но так как в термодинамике при равномерном распределении температуры невозможна никакая плодотворная работа, то и в обществе полное равенство классов означает гибель труда. Средством для изучения действия социальной энергии является статистика; единицей изучения социальной энергии, их эквивалентом являются деньги. Биологическая энергия—центральный мотор социальных явлений, обусловливающий политические, юридические, моральные процессы, и кончается она в экономической энергии, измеряемой деньгами. Социальное развитие есть частное проявление стремления материи к равновесию.

Маринис, разделяя механическую точку зрения на социальные явления и рассматривая их как результат единого закона, управляющего движением материи, устанавливает, что проблема социологии не может быть отделена от механики. Единство социального мира отражает единство космоса; причинная необходимость в социальном мире— механической природы и поэтому свободна от всякого произвола. Механические законы поэтому являются и законами социальными. Вледствие единства природы между различными науками отсутствует принципиальное различие, и так как механика основана на всеобщей действительности, то она и является универсальной наукой. Единственным и первым принципом механики является движение материи. Различные колебания в сочетаниях материи образуют многообразие мира—экономические, физиологические, химические, физические, биологические, психические и социальные процессы. Общество развивается соответственно законам мировой энергии, но отсутствуют точные математические методы для установления сего. Вследствие фундаментального тожества природы и науки не может быть абсолютной разницы, но лишь специфическая, между биологическими и социологическими феноменами. Так как мир социальный связан с биологией, то и общества животных не могут быть устранены из сферы социологии. Классификация обществ: 1) основанные на питании и 2) на воспроизводстве. Социальный мир —последная часть космического целого; социальные феномены это только взаимодействия психических структур индивидов.—И у нас в России в 1889 г. появился свой родной механицист в политической экономии—*Н. Батюшков*, который в книжке „Связь экономических явлений с законом энергии", исходя из принципов механики, опровергает экономическое учение Карла Маркса, глубокомысленно доказывая, что надо „смотреть на работу человека с точки зрения механики, а на работу человечества с точки зрения притока энергии лучей солнца".

Итак мы видим, к каким бесплодным и часто весьма реакционным выводам приводит механицизм в социологии.

V.

Подводя итоги, отметим следующее.

Тов. *Степанов* в своей „Электрификации РСФСР" пытался дать энергетическое об'яснение техническим процессам, считая, что тем самым он дал и обоснование всей общественной жизни. Закон сохранения энергии не может нам нисколько помочь уразуметь законы общественной жизни. Вряд ли можно хотя бы закон классовой борьбы об'яснить, исходя из пресловутого универсального закона тов. Степанова. Закон сохранения энергии об'ясняет нам только процессы, имеющие место в технике, но отнюдь не в хозяйстве. Также не уничтожается и психика в ее индивидуальном своеобразии простым сведением ее к физико-химическим процессам. Единство всех форм мирового процесса выражается лишь только в одном—в общеобязательных законах движения материи, или в общеобязательных законах диалектики. Но содержание этих законов будет иное в различных сферах материального мира—неорганической, органической, психической и социальной.

Общий процесс движения материи вовсе не стирает, не уничтожает качественных границ между различными формами движения материи.

Механическое миропонимание упрощает материалистическое миропонимание, из конкретного делая его математически-абстрактным. В мире абстрактного, метафизического, пифагорийского числа нет места закону противоречий, нет места диалектике.

Не могут, тем более, законы механики поглотить психологию и социологию. Машина с механической точки зрения есть не что иное, как система мертвых движущихся рычагов. Машина, как экономическая категория, есть элемент производительных сил.

Рабочий, как организм,—об'ект биологии. Рабочий, как элемент производительных сил,—категория социальная, и никакие физико-химические законы не могут об'яснить нам общественной жизни.

Э. Ресзерфорд в своей замечательной статье об „Электрической природе материи" говорит о том, что наша эпоха есть эпоха „ренессанса в физике". Атом является наиболее основной для нас системой. Его свойства, вообще говоря, должны об'яснять свойства всех более сложных систем.

Электричество имеет атомное строение.

И атом—электрическое строение.

Ресзерфорд приходит в общем к вполне материалистическим выводам: „Согласные результаты, полученные с помощью чрезвычайно разнородных физических методов, дали большую уверенность в правильности *атомистического представления* о материи. Метод, оказавшийся наиболее точным, основывается на окончательном доказательстве атомистической природы электричества и на точном определении основной единицы заряда".

Таким образом, знаменитый физик, очевидно, в новейших теориях электричества видит лишь подтверждение учения о материи. Несомненно, этот вывод заслуживает большего внимания, нежели утверждение итальянского физика Августа Риги о том, что „новая система просто ставит электричество на место материи".

Естествознание в своем развитии лишь подтверждает гносеологию материализма—основной принцип об'ективной реальности „физического мира". В этом отношении исключительный интерес имеют слова В. И. Ленина:

„Материализм и идеализм различаются тем или иным решением вопроса об источнике нашего познания, об отношении познания и „психического" вообще к физическому миру, а вопрос о строении материи, об атомах и электронах есть вопрос, касающийся только этого „физического мира". Когда физики говорят: „Материя исчезает", они хотят этим сказать, что до сих пор естествознание приводило все свои исследования физического мира к трем последним понятиям—материя, электричество, эфир; теперь же остаются только два последние, ибо материю удается свести к электричеству, атом удается об'яснить как подобие бесконечно малой солнечной системы, внутри которой вокруг положительного электрона двигаются с определенной (и необ'ятно громадной, как мы видели) быстротой отрицательные электроны. Вместо десятков элементов удается, следовательно, свести физический мир к двум или трем (поскольку положительный и отрицательный электроны составляют „две материи существенно различные", как говорит физик Пелла). Естествознание ведет, следовательно, к „*единству материи*"—вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которая сбивает с толку столь многих. „Материя исчезает"—это значит: исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор,—наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как отно-

сительные, присущие только некоторым состоянием материи. Ибо *единственное* „свойство" материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть об'ективной реальностью*, существовать вне нашего сознания".

Поэтому Энгельс приводил свой пример с открытием ализарина в каменноугольном дегте и критиковал *механический* материализм. Чтобы поставить вопрос о единственно правильной, т. е. диалектически-материалистической точки зрения, надо спросить: существуют-ли электроны, эфир и так далее вне человеческого сознания, как об'ективная реальность или нет?

Итак, наш общий вывод:

Механическое миропонимание—вульгаризация диалектического материализма. Диалектический материализм изучает материальный мир, как сложное количественно-качественное единство, но не тожество.

И. Я. Ґерцык.

О некоторых проблемах теории Политической Экономии*).

В настоящем докладе я ставлю себе целью затронуть исключительно теоретические проблемы, вызванные условиями развития капитализма в Западной Европе в последние десятилетия, в особенности в послевоенный период.

I

Капитализм, в отличие от предшествующих ему хозяйственных форм, характеризуется быстротою своего развития. Он бурным потоком врывается в чуждые ему формы хозяйственной жизни, беспощадно разделывается со всеми препятствиями, стоящими на его пути, и устанавливает порядки, благоприятные его дальнейшему развитию. В последний период до войны он проникает во все части света, ломает старые, тысячелетиями державшиеся устои хозяйственной жизни, революционизирует окружающую среду, вовлекает ее в свою орбиту. Он не знает границ; он не может успокоиться, пока не захватит весь земной шар и не установит единого мирового хозяйства, с характеризующими его противоречиями, на присущей ему основе эксплоатации труда производителей,—если, конечно, не будет сменен до окончания своей „миссии" более высокой формой хозяйственной жизни. Он в своем развитии непрестанно ставит перед исследователем все новые задачи, которые требуют своего разрешения. Но теоретики очень редко успевают за жизнью; они обыкновенно стараются разрешить возникающие проблемы по старым шаблонам на основании „законов", представляющих обобщение аналогичных явлений, имевших место при других хозяйственных условиях. Лишь дальнейшее развитие хозяйства, выявление новых противоречий, от которых уже нельзя отмахнуться, заставляет их постепенно отказываться от установленных понятий и взглядов; процесс этот совершается крайне медленно, несоответственно революционному характеру капитализма. К Политической Экономии особенно применимо много раз цитировавшееся мнение Гегеля о философии: „Для поучения тому, каков должен быть мир, философия во всяком случае приходит слишком поздно. Как мышление мира, появляется она впервые в то время, когда действительность уже закончила процесс своего формирования и готова... Когда философия рисует свое серое по серому, тогда образ жизни уже стар и серым по серому его можно не омолодить, а только познать; сова Минервы только тогда, когда пробиваются уже сумерки, начинает свой полет".

---

*) Доклад, читанный в Научном Обществе при Бел. Государствен. Университете (в декабре 1925 г.)

Этими словами так же верно и метко рисуется развитие науки экономии, как и философии.

Все экономисты в настоящее время признают, что экономия занимается изучением законов развития хозяйственной жизни капиталистического общества, но далеко не всегда делают из этого положения надлежащие выводы. Не принимается часто во внимание, что капитализм не есть нечто однородное, всегда себе равное. Капитализм имеет свои фазы развития, каждая из которых заключает в себе много своеобразного, подчиняется своим законам, не применимым, или по крайней мере, не полностью применимым к другим циклам развития данной формы хозяйства. Ошибка может быть значительной, если выводы, верные по отношению к определенному периоду развития капитализма, будут использованы для об'яснения явлений, относящихся к другому периоду.

Рассмотрим, например, выводы Рикардо, крупнейшего экономиста начала XIX столетия по вопросу о земельной ренте. Основываясь на законе падения производительности труда в сельском хозяйстве при повторных вкладываниях капитала, которому Рикардо придавал решающее значение, он приходит к заключению, что рента неминуемо должна все более повышаться, так как с ростом населения общество вынуждено переходить к худшим участкам земли, менее плодородным и менее выгодно расположенным; доля землевладельцев в общем продукте страны должна увеличиваться, цены на хлеб будут расти, норма прибыли капиталистов понижаться, положение рабочих станет все более тяжелым [1]). Учение Рикардо было величайшим достижением своего времени; факты жизни его постоянно подтверждали. Против теории земельной ренты Рикардо выступали только или присяжные защитники существующего строя в роде Бастиа, уверявшего, что капитализм есть воплощение лучших сторон коммунизма [2]), или такие односторонние оптимисты, как американец Кери, очарованный могучим, неслыханно быстрым развитием своей родины, почти не замечавший отрицательных сторон и противоречий победоносно шествовавшего капитализма. Но дальнейшее развитие капиталистического строя создает новые условия в положении сельского хозяйства. Усовершенствование сельско-хозяйственной техники, переворот в условиях транспорта, возможность переполнения европейского рынка заокеанскими зерновыми продуктами, приводят в последнюю четверть XIX столетия к последствиям, диаметрально противоположным предсказанным Рикардо: цены на хлеб падают, рента понижается, сельское хозяйство во всех культурных странах Европы переживает кризис... А экономисты все еще продолжают, основываясь на выводах Рикардо, об'яснять „естественными" условиями, недостаточностью благ природы бедность населения [3]).

Десятки лет теоретики экономисты неправильно оценивали изменения, внесенные в условия хозяйственной жизни ростом и быстрым развитием акционерн. обществ и их об'единений. Еще в 90-ых г. прошлого

---

[1]) Сочин. Рикардо. ПБГ. 1882 г. перев. Зибера стр. 51—52, 60—64.

[2]) Oeuvres complètes de Frederic Bastiat, tome sixieme „Harmonies èconomiques" стр. 142.

[3]) Наиболее полный разбор теории земельной ренты Рикардо и выяснение условий поступления дифференциальной ренты дал Маркс в III-м томе „Капитала" часть II (Госуд. Изд. 1923 г. стр. 180—283) и „Теория прибавочной стоимости", том II, I ч., (стр. 112—202) Петрогр. 1924 г.

Относительность закона падения производительности труда в сельском хозяйстве наиболее ярко выяснена Лениным (IX том. Собр. Сочин. Госуд. Издат. 1925 г.), стр. 45-56

столетия развитие акционерных обществ рассматривалось экономистами сторониками существующего строя, как явление, опровергающее закон концентрации капитала, установленный Марксом. Указывалось, например, что акции могут принадлежать и небогатым людям, в том числе рабочим. Последние, следовательно, становятся участниками крупных предприятий, заинтересованными в их прибылях: классовые противоречия отступают на задний план. Более экспансивные предвещали даже наступление периода примирения труда с капиталом. Окончательно рассеять указанные иллюзии, выяснить их эфемерность на фоне последнего, переживаемого нами фазиса развития капитализма выпало на долю Гильфердинга. Его труд „Финансовый капитал", вышедший в 1909 г., представляет значительное явление в истории нашей науки.

В этом сочинении подведены итоги новому периоду развития капитализма, указаны изменения важнейших экономических категорий, составлявших основу существующего капиталистического строя, согласно мнению крупнейших экономистов прежних десятилетий, в особенности классиков. Гильфердинг прекрасно выяснил, как под влиянием изменений в развитии капитализма изменяются и естественные законы экономии. Основной столп хозяйственной жизни предыдущего периода закон конкуренции, стихийно устанавливающий рыночные цены, много теряет в своем значении при развитии крупных трестов и синдикатов. Эти об'единения захватывают в свои руки важнейшие отрасли народного производства, командные высоты, как их принято называть у нас; они регулируют производство, определяют цены, совершенно не считаясь с мнением мелких предпринимателей, которые с ними конкурировать не могут, подавляют их и заставляют подчиняться своей воле. Цены уже не продукт стихийных рыночных условий, а устанавливаются сознательной волей человека [1]). Увеличение основного капитала, медленность его изнашивания затрудняет переливание капиталов из одной отрасли производства в другую и сильно модифицирует выявление другого важного фактора хозяйственной жизни предыдущего периода—закона уравнения нормы прибыли [2]).

Гильфердинг доказывает, как акционерная форма предприятий является лучшим средством для концентрации капитала. Подавляющее большинство акций сосредоточивается в руках немногих капиталистов; они одни являются заправилами предприятий, устанавливающими порядок ведения дел, распределения прибылей; пользуясь выработанными практикой приемами, представители крупных акционеров повышают и понижают цены акций, причем с интересами мелких акционеров совершенно не считаются, принося их в жертву своим целям [3]).

Гильфердинг обратил также внимание на изменение экономической политики капиталистических государств по отношению к загранице, на появление нового протекционизма, отнюдь не родственного протекционизму предыдущих периодов, ставившему себе воспитательные цели—развитие отечественной промышленности, а наступательного, защищающего исключительно интересы небольшой группы магнатов капитала и приводящего неминуемо к империализму [4]).

Ко влиянию новых крупных об'единений на отношения труда и капитала, выясненному Гильфердингом, мы вернемся ниже.

Конечно, произведение Гильфердинга не свободно от многие недостатков, отмеченных в свое время, как марксистской, так и

---

[1]) Гильфердинг. „Финансовый капитал". Госуд. Изд. 1924 г. стр. 267-268
[2]) „ „ „ „ „ 207-216
[3]) „ „ „ „ „ 134-137
[4]) „ „ „ „ „ 351-365

не марксистской критикой (интересными мне кажутся особенно замечания советского экономиста тов. Павловича-Вельтмана). Указывалось правильно, что Гильфердинг часто обосновывал свои выводы исключительно на исследовании условий развития Германии, что его заключения относительно господства банков над промышленностью правильны по отношению к молодым капиталистическим странам, как Германия и царская Россия, но совершенно иное положение создалось в Соединенных Штатах и Англии, где промышленники владычествуют в банках, создают свои банки и направляют их в своих интересах. Несмотря, однако, на отдельные ошибки, мы должны признать труд Гильфердинга одним из крупных явлений в нашей науке.

II.

В хозяйственной жизни последнего полустолетия происходят значительные изменения и в отношениях труда и капитала. Установленный Рикардо закон тяготения заработной платы к минимуму средств существования, с легкой руки Лассаля известный под названием железного закона заработной платы, не может быть, без значительных оговорок, применен к сложным условиям нашего времени. Классики, как и позднейшие экономисты, при выяснении образования заработной платы имели в виду индивидуальный договор капиталиста предпринимателя с каждым рабочим. Но развитие крупных капиталистических предприятий неминуемо приводит во всех капиталистических странах к развитию профессиональных организаций рабочих, к проведению под давлением рабочего класса все в большем размере законов об охране труда, к расширению области государственного капитализма и так наз. муниципального социализма, к быстрому росту рабочей коопераціии. Несомненно, эти учреждения находятся под сильным давлением господствующих классов, порою дают уродливые ростки, но однако они значительно влияют на установление заработной платы и условий труда. С другой стороны, как отметил и Гильфердинг в выше указанном труде „Финансовый капитал“, благодаря крупным капиталистическим об'единениям новейшего времени, классовая борьба становится более организованной. Не отдельные капиталисты противостоят рабочим своих предприятий, а класс классу. Борьба становится более обостренной, отражается на важнейших для всего общества функциях хозяйственной жизни [1]). Указанные явления не могли не внести тех или других изменений в установленные теоретиками основы прежнего периода. Первый том „Капитала“ Маркса вышел в свет, когда все эти факты едва начали проявляться. Маркс уже тогда указал на их огромную важность для развития хозяйственной жизни. В своем великом труде он отводит много страниц изложению истории рабочего законодательства в Англии. Но уже после выхода I-го тома „Капитала“ (в 1867 г.) рабочее движение сильно расширяется в Англии, окончательно легализуется во Франции и других западных странах; получают также все большее значение указанные нами хозяйственные явления. Чисто теоретических трудов, отвечающих на вопросы, как все эти новые явления отразились на положении труда, повлияли на распределение дохода между различными классами,—трудов, поставивших себе целью пересмотр установленных категорий периода ярко выраженного индивидуализма, когда отдельному капиталисту противопоставлялся отдельный рабочий, когда на рынке превалировал бой капиталистов друг с другом, а их об'единения еще слабо давали себя чувствовать

---

[1]) Гильфердинг. „Финансовый „капитал“, стр. 425—432.

можно указать очень мало. Интересные попытки постановки этого вопроса с различных точек зрения мы имеем в сочинениях русских ученых проф. В. Я. Железнова[1]) и проф. С. И Солнцева[2]).

По иронии судьбы в начале 70 г.г. прошлого столетия марксистской теории противопоставляется и получает широкое распространение теория психологической (австрийской) школы, основанная исключительно на изучении индивидуальных отношений предпринимателей или отдельных предпринимателей и рабочих. Время расцвета этой теории как нельзя лучше доказывает, как бессознательно экономисты стараются отмахнуться от новых явлений, настоятельно призывающих к изучению вносимых ими изменений. Крупнейшие из английских и американских экономистов: Джевонс, Кларк, Маршалл, признавая необходимость предоставления свободы развитию профессиональных союзов, более чем скептически относятся к возможности влияния их борьбы на хозяйственные явления. По мнению этих экономистов, заработная плата определяется производительностью труда последнего рабочего, его предельной полезностью и т. д. То же самое приходится сказать и о немецких экономистах, начиная со старика Рошера. Большинство из них не прочь высказать некоторые соображения сочувственного характера о профессиональных союзах, о государственном капитализме; но эти мнения не оказывают никакого влияния на теоретические отделы их курсов, являющиеся простыми пересказами взглядов классиков (а еще чаще вульгарных экономистов), у которых они не прочь, раньше выругав их, заимствовать главное. Даже один из крупных немецких экономистов последней четверти прошлого столетия Ад. Вагнер, находившийся под сильным влиянием социалиста Родбертуса, ничего нового в этом отношении не дал. Вагнер понимает исторический характер капиталистического строя; он даже развивает мысль, что государство может распоряжаться собственностью граждан страны, в особенности недвижимой. Оставление собственности в руках частных лиц, заявляет он, вопрос не принципа, а целесообразности. Как же Вагнер реагирует на расширение области государственного капитализма и на другие, отмеченные нами выше явления хозяйственной жизни? Наш, несомненно выдающийся, экономист указывает, что при существующем капиталистическом строе надо различать три формы хозяйства: частное, государственное, или общественное и каритативное (благотворительное). Но каково соотношение между этими типами хозяйств, как влияет государственное хозяйство на частное, как при об'единениях капиталистов устанавливаются цены на заработную плату, об этом наш автор не говорит. Значение профессиональных союзов Вагнер, сторонник реформ „сверху" (в покойной германской юнкерской империи), не может, конечно, об'ективно анализировать.

Считаю нужным отметить появление в 1896 г. в Германии труда K. Stolzmann'а „Die soziale Kategorie in der Volkswirthschaftslehre", т. I. Автор не член академической среды: он, как в Германии говорят, „Privatgelehrter"[3]). Труд его обращает на себя внимание свежестью высказываемых им взглядов, свободою подхода к научной проблеме, выгодно отличающей его от некоторых подавленных традицией цеховых ученых. Главная идея его книги: доли предпринимателей, банкиров, землевладельцев и рабочих не устанавливаются соответственно их экономическим функциям, а в зависимости от той социаль-

---

[1]) В. Я. Железнов „Главные направления в разработке теории заработной платы". Киев 1904 г.

[2]) С. И. Солнцев „Заработная плата, как проблема распределения".С. Петербург.1911 г. (Вышло III издание Госуд. Издат. 1925 г.).

[3]) Только после революции назначен профессором.

ной силы, которая имеется в распоряжении каждой из названных групп, т. е. от соотношения сил заинтересованных классов, изменяющегося в период развития капитализма. Это большой шаг вперед по сравнению с учениями старых университетских школ. Но наш автор не развивает дальше свою мысль. Он боится далеко заглядывать в будущее. Он, как и представители исторической школы, пользуется историческим методом только для выяснения связи настоящего с прошлым, но не для установления тенденций дальнейшего развития; он не представляет себе радикального изменения капиталистической формы хозяйства. Он даже прерывает строго об'ективное изложение, чтобы обратиться к социалистам с предложением не задаваться утопическими планами изменения существующего строя, не пускаться в опасные авантюры, а постараться улучшить положение рабочего класса при существующей форме народного хозяйства[1]). Автор также совершенно не задумывается над вопросом о взаимоотношении и связи социальной и экономической категорий. Понятно, при этих условиях, поставленный вопрос не мог получить надлежащего разрешения.

Интересно отметить, что вопрос о социальных отношениях экономических групп, об их влиянии на государство, занимал в последние годы жизни одного из вождей психологической школы Бем Баверка. В одной из последних своих статей в „Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik u. Verwaltung" [2]). Бем Баверк прямо заявляет, что влияние профессиональных союзов и другие социальные явления последнего времени не были им приняты во внимание при разработке теории и что необходимы поправки в этом отношении. Но голос вождя не нашел отклика у последователей. И неудивительно, ибо указанные поправки при последовательном их проведении свели бы на-нет теорию, построенную на чистом индивидуализме в хозяйственной жизни.

Отметим, наконец, труд, появившийся в России перед самой войной. В 1912 г. талантливый молодой профессор московского университета С. Н. Булгаков выпустил I том сочинения „Философия хозяйства" [3]), как диссертацию на степень доктора. Работа эта не могла не обратить на себя внимание уже по оригинальному подбору материала. Автор в ней много говорит о пределах научного познания, об его относительности, о том, что религиозное откровение и есть настоящее, истинное познание. Он, правда, признает значение теории экономического материализма, как обратившей внимание общества на важность хозяйственных явлений, на необходимость считаться с ними, но конечно, отвергает эту „грубую" теорию, претендующую быть миросозерцанием. О хозяйстве автор говорит мало, в 4-х главах из 13-ти. Он определяет хозяйство, как соприкосновение суб'екта с об'ектом, как вхождение суб'екта во внешний мир. Кроме подобных общих соображений, такой „философии", вы в названном произведении ничего не найдете. Но на главный вывод автора мы должны обратить внимание,—он повторяется и другими. Хозяйство, согласно проф. Булгакову иррационально: оно не может быть наукой исследовано в своих основах, наука может выяснить только внешние проявления хозяйственной деятельности. Как видим, полный отказ от изучения внутренних пружин хозяйствования, нам, по мнению автора, недоступных,—признание полного банкротства.

---

[1]) R. Stolzmann. „Die soziale Kategorie in dez Volkswirtschaftslehre" 1896 г. стр. 96—97.

[2]) Band VII, Heft III стр. 425 ислед. Цитир. у проф. Железнова „Главные направления в теории заработной платы", 1904 г., стр. 396.

[3]) Изд. Путь.

III.

Наступила великая война. Заставила переоценить многие ценности. С самого начала войны вмешательство правительств в хозяйственную жизнь во всех воевавших странах принимает огромные размеры. Уже во время войны многим становится ясно, что полного возврата к прежнему нет, что наступает новый период. Конечно, внимательному исследователю явлений хозяйственной жизни ясно было, что уже в предвоенный период создавались основы нового: власть финансового капитала, крупные об'единения капиталистов, могучие рабочие организации, профессиональные и кооперативные, коллективные договоры и т. д. После войны вопрос о социализации, в особенности в западных побежденных странах, ставится на очередь. Образуются комиссии, издающие много проектов перехода к социализму. Как на это реагируют экономисты-теоретики? Вначале, во время общего развала капиталистического хозяйства, наступившего после войны, их увлекают новые, открывающиеся перед ними горизонты. Они вступают в комиссии при министерствах, участвуют в выработке планов перехода к новым основам хозяйственной жизни (в Австрии был даже членом первого коалиционного министерства после революции, министром финансов, один из крупнейших немецких экономистов настоящего времени проф. Шумпетер; он, однако, в скором времени отказался от непривычных для него идей [1]): затруднения в проведении этих планов в жизнь быстро охлаждают их пыл. Огромное большинство отмахивается от пересмотра основ, от стремления теоретически увязать новое со старым. Статьи их, в лучшем случае, производят впечатление докладов спецов, которые получили задания и добросовестно стараются их выполнить. Мы находим в этих статьях много практических интересных соображений о том, какие предприятия и почему могут раньше перейти к государству, какие позже, находим заслуживающие внимания указания на препятствия к проведению тех или других проектов в жизнь и средства их преодоления. Разбираются важнейшие вопросы о возможности влияния перехода к государству той или другой отрасли производства на производительность труда, на дальнейшее расширение предприятий данного типа, на повышение или понижение цены данного продукта. Но теоретических работ, выясняющих связь хозяйств нового типа со старыми, их взаимодействие и влияние на основные экономические категории, нельзя указать. И это в то время, когда привычные для экономистов-индивидуалистов формы хозяйства рушатся не по дням, а по часам. Практики, политические деятели, вынуждены под напором событий предлагать передачу государству некоторых отраслей промышленности, даже национализацию земли (известный проект Ллойд Джорджа); с другой стороны, образовавшиеся во время и после войны гигантские концерны монополизируют чуть ли не все мировое производство важнейших отраслей хозяйства; классовая борьба обостряется; в конфликтах труда и капитала, охватывающих целые отрасли промышленности, противостоят друг другу союзы рабочих и об'единения капиталистов целых стран, а теоретики повторяют старые, неприменимые в настоящее время, „законы".

Для выяснения вопроса, как себе представляют перспективы будущего развития хозяйственной жизни те немногие теоретики-экономисты, которые ставят перед собою эту проблему, следует обратить

---

[1]) Интересные факты у Отто Бауэра „История австрийской революции", изд. Пролет. 1925 г. стр. 252—285.

внимание на произведение Людвига Мизеса „Die Gemeinwirtschaft. Untersuchungen über den Sozialismus“, вышедше в 1922 г. Л. Мизес, профессор Венского университета, известный ученый, обративший на себя внимание специалистов своими работами по вопросам денежного обращения. Наш автор в своем труде отдает себе ясный отчет в том, что все, совершающееся в настоящее время в области хозяйства, ведет к разрушению существующего капиталистического строя и подготовляет экономическую базу страны к переходу к социализму. С точки зрения экономиста-специалиста он прямо ставит вопрос, возможен ли такой переход, и отвечает категорическим „нет“. В хозяйственной жизни, пишет Мизес, необходим учет, необходимо определить, какие производства выгодны, какие нет, как могут быть распределены и обмениваемы один на другой продукты. Как сторонник теории предельной полезности, автор считает возможным выявление этих отношений только на рынке, где сталкиваются производители и потребители. Только свободная игра экономических сил дает нам возможность выяснить экономическую целесообразность того или другого хозяйственного акта. При отсутствии рынка нет учета, вещает наш автор, а без учета невозможно долгое время ведение хозяйства и в особенности его расширение. (Ведение в прежнем размере, с грехом пополам, некоторое время еще возможно, полагает наш автор, так, как для определения стоимостей продуктов будут пользоваться старыми ценами капиталистического периода; но малейшее изменение техники и в особенности расширение производства опрокидывают все расчеты). Отказ от капиталистической формы хозяйства, следовательно, невозможен, сохранение и укрепление капитализма необходимо. Но оно не только необходимо,—оно желательно, продолжает наш автор. Этот строй лучше всякого другого удовлетворяет потребностям общества, он вознаграждает каждого по заслугам, предоставляет все возможности выдвинуться талантам. Все дурное—империализм, войны—является только следствием сохранившихся остатков феодального строя. Последовательное проведение капитализма, по мнению нашего автора, приведет к пасифизму и братству народов. Забываешь порой, что перед тобою труд современного ученого. Кажется, читаешь писателя школы Бокля, Спенсера, деливших историю человечества на периоды военный и мирно-промышленный, уверенных, что войны между культурными нациями уже невозможны. Мы не разбираем социологических, явно несостоятельных соображений нашего автора, опровергнутых всей историей культурного человечества за последние десятилетия. Мы останавливаемся только на его экономических доводах, сводящихся к невозможности учета при социализме из-за отсутствия рынка, невозможности, следовательно, перехода к социализму, необходимости повернуть вспять, как предвещает наш автор, на дорожку, протоpенную капитализмом доброго старого времени. В виду важности темы, г. Мизес счел нужным вкратце изложить выводы своего труда в журнале „Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik“ [1]). Талантливую отповедь на страницах этого журнала в той же книжке дал ему г. Маршак [2]). Маршак напоминает нашему автору, что свободный рынок, который должен регулировать цены, имеется только в воображении г. Л. Мизеса. В действительности такого рынка нет (а в чистом виде, добавлю и не было). В важнейших отраслях производства тресты

[1]) 51 Band, 2 Heft 1923 L. Mises „Neue Beiträge zum Problem der sozialistischen Wirtschaftsrechunng. Стр. 488—501.

[2]) 51 Band, 2 Heft 1923. I. Marschak „Wirtschaftsrechunng u. Gemeinwirtschaft. Zur Miseschen These von der Unmöglichkeit sozialistischer Wirtschantsrechung“ стр. 501—521.

и синдикаты уже давно диктуют свои цены. Правительства своей таможенной, акцизной и железнодорожной политикой также влияют решающе на условия рынка. Коллективные договоры работодателей и рабочих не в меньшей степени ограничивают свободную конкуренцию. Однако, культурные страны хозяйствуют, расширяют свое производство, совершенствуют технику, повышают качество продукта. Более последовательно проведенный план хозяйства, что и будет при социализме, не угрожает в этом отношении никакими неожиданностями.

В социалистической печати отнеслись к этому произведению, как к своего рода знамению времени. Труд г. Мизеса, по мнению социалистов, выражает „обреченное на неудачу стремление предпринимателей освободиться от государственных и профсоюзных цепей“ [1]). В журнале „Gesellschaft“ рецензент книги Л. Мизеса с добродушной иронией излагает взгляды нашего автора, но опровергать их для читателей своего журнала считает излишним. Но Л. Мизес нашел сторонника в лице русского эмигранта, известного экономиста, профессора, академика П. Б. Струве.

Струве еще раньше полемизировал с социалистами на страницах русской зарубежной печати. Он доказывает иррациональность народного хозяйства, невозможность его планирования и следовательно несостоятельность и утопичность социализма. Во многом П. Б. Струве повторяет выше изложенные нами идеи С. Н. Булгакова. В настоящее время Струве готовит большой труд по политической экономии „Основы Политической Экономии“. Главу из этого сочинения под названием „Некоторые основные понятия экономической науки“ автор поместил в „Ученых записках“, издаваемых в Праге [2]). Эта глава весьма характерна и предрешает содержание будущего труда автора. (Струве уже напечатал несколько глав своего нового сочинения в заграничном журнале „Экономический Вестник“, но мне, к сожалению, не удалось с ними познакомиться).

Струве не считает возможным измерять трудом продукты хозяйства. „Непосредственно измерять труд, говорит он в главе, помещенной в „Ученых записках“, можно лишь, как физиологическую функцию. Как экономическая же функция, труд качественно многообразен, и его разные проявления или обнаружения непосредственно неизмеримы и несоизмеримы [3]). Автор здесь говорит о конкретном труде, который, как Маркс указывал, может быть сведен к абстрактному труду [4]). Автор, несогласный, очевидно, с Марксом, считает даже ненужным опровергать его. Струве находит, что хозяйствование имеет дело исключительно со скудостью благ. „При неограниченном количестве благ, пишет он, или человек непосредственно пользовался бы ими, либо он их приобщил бы себе, и тогда захват потребителей был бы единственным видом хозяйствования, и усилия измерялись бы трудом. Но это есть предельный случай, которому не соответствует никакая реальность“ [5]). Невольно напрашивается вопрос; а те блага, которые могут быть воспроизведены в практически каком угодно количестве и которые составляют большинство потребляемых благ, почему они не измеряются трудом? Прямого ответа наш автор не дает. Можно только догадываться: согласно выше изложенному мнению автора, для производства различных продуктов требуются различные виды труда,

---

[1]) Отто Бауэр История австрийской революции, стр. 332.

[2]) Выпуск III-ий, том первый (1924 г.) стр. 75—89.

[3]) „Ученые записки“ III-ий вып. I т. стр. 79.

[4]) Маркс „Капитал“ т. III-ий стр. 6—16 (изд. 1872 г.).

[5]) „Ученые записки“ т. I-й вып. III-ий, стр. 78.

которые друг с другом несоизмеримы. Как же измеряются продукты? Струве различает первичное и вторичное измерения. „Первое носит совершенно суб'ективный характер. Учет ориентируется на потребностях, а таковые всегда носят в высокой степени суб'ективный характер. Вторичное измерение проявляется на рынке. Оно есть единственно естественное измерение. На всем хозяйственном лежит клеймо цены"[1]). Для установления цены необходимы деньги. Цена и деньги тесно связаны с легальными основами хозяйствовани : „собственностью, хозяйственным самоопределением и возможностью хозяйственных действий. Там, где этих основ или предположений нет, но хозяйствование все-таки как-то желают подвергнуть и подвергать учету и измерению, нужно искусственно создавать цены и деньги, и они являются таким образом настоящими артефактами" [2]). Автор в другом месте главы говорит: „Жизненный смысл нашего различения между первичным и вторичным хозяйствованием заключается, между прочим, в окончательном теоретическом осознании самого понятия социализма" [3]). Итак, естественною основою хозяйствования являются собственность, деньги, рынок. В этом неразрешимая проблема социализма. Струве в конце статьи еще более уточняет свою мысль: „Поскольку же суб'екту властвования (очевидно, при попытках введения социалистического строя *И. Г.*) не удается искусственно строить цены и творить деньги, а естественное их построение и творение не допускается властью или законом, постольку рядом с легальными артефактами цены и денег, оборот и рынок нелегально создает их удвоения" [4]). Мы видим, что по мнению автора, без частной собственности и „свободного" рынка не обойтись. Понятно, искать теоретических обоснований последней фазы капитализма у Струве не приходится. Его произведение с тем же успехом—правильнее, с гораздо большим могло бы появиться лет 80-100 тому назад.

Я только упомяну, не имея возможности остановиться подробнее о современном, превозносимом в некоторых научных кругах Германии экономисте Дитмаре Шпанне. Этот писатель в своем главном труде „Общественное хозяйство" зовет назад к сословному, правильнее, к полицейскому государству. Отто Бауэр характеризует Д. Шпанна, как выразителя стремлений буржуазной интеллигенции, которому с Л. Мизесом, несмотря на различие их исходных точек зрения, „обще-страстное отрицание социализма, страстная ненависть к рабочему движению [5]).

Не лишены интереса стремления вызвать к жизни произведения давно забытого экономиста Ф. Баадера начала прошлого века, выступавшего против Ад. Смита, предлагавшего частичное восстановление цехового строя, укрепление поместного дворянства, усиление государственной регламентации (не без порядочного душка антисемитизма[6]).

Теоретического обоснования нового фазиса хозяйственной жизни, не считая фундаментального труда Гильфердинга и немногих других, появившихся до войны, конечно, далеко не исчерпывающих вопроса и не конкретизирующих его, мы пока не имеем. Ждать такового от экономистов немарксистов, как показала история нашей науки за последние

---

[1]) „Ученые записки" т. I-ий, III-ий вып. стр. 82.
[2]) „ „ „ „ стр. 88.
[3]) „ „ „ „ стр. 82.
[4]) „Ученые записки" I-ий том. III-ий вып. стр. 88.
[5]) Отто Бауэр „История австрийской революции" стр. 332.
[6]) См. Jahrbücher für Nationalökonomie u statistik viertes heft Juli-Augurt 1925. J. Sander „Die Grundlegunder deutschen Volkswirtschaftslehre durch Franz von Baader". стр. 433—487.

десятилетия, нельзя. У них нет необходимых для анализа экономических явлений этого периода предпосылок: признания капитализма не естественной формой хозяйственной жизни, а исторической, преходящей; понимания неминуемости в переживаемый нами фазис капитализма значительного изменения казавшихся основными экономических категорий. Только вооруженный марксистским методом исследователь, исходя из выше указанных общих принципов, даст нам об'ективное, всестороннее теоретическое обоснование последней фазы стабилизированного капитализма.

В. Н. Ширяев.

Основные начала уголовного законодательства СССР*).

Уголовное законодательство СССР до настоящего времени пережило в своем развитии три стадии.

В 1919 г. были опубликованы Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (Собр. узак. 1919 г. № 66, ст. 570).

В 1922 г. был издан Уголовный Кодекс РСФСР (Собр. узак. 1922 г. № 15, ст. 153), получивший распространение на всей территории Союза с некоторыми изменениями для Украины и других членов Союза. И наконец, в 1924 г. были обнародованы „Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик" (Собр. узак. 1924 г. № 24, ст. 203).

Исходным пунктом законодательного творчества являются, таким образом, „Руководящие Начала", и влияние их на последующее законодательство—вне всякаго сомнения.

Но в то же время нельзя сказать, что последующее законодательство является простым воспроизведением „Руководящих Начал": некоторые из этих начал оно восприняло, развило и углубило, другие переработало и весьма существенно, от некоторых сочло возможным отказаться совершенно и внесло взамен их нечто новое.

Таким образом, советское уголовное законодательство уже прошло некоторый путь развития, и в настоящее время можно говорить об его эволюции.

В дальнейшем изложении я и имею в виду отметить наиболее существенные моменты этой эволюции.

I.

„Руководящие Начала" подводят итоги пролетарского правосудия за два истекшие года существования советского строя и диктатуры пролетариата (1917—1919 г.); с другой стороны, они должны были „помочь органам советской юстиции выполнять свою историческую миссию в области борьбы с классовыми противниками пролетариата".

В VIII отделах и 27 пунктах Руководящих Начал давалось определение уголовному праву (I, п. 1, 2, 3), уголовному правосудию (II, 4), преступлению и наказанию (III, 5-16), стадиям осуществления преступления (IV, 17-20), соучастию (V, 21-24), указывались примерно виды наказаний (VI, 25) говорилось об условном осуждении (VII, 26) и о пространстве действия уголовного права (VIII, 27).

---

*) В основу этой статьи положен доклад, прочитанный автором в Правовой секции Научнаго Общества БГУ. Автор, к сожалению, не имел возможности использовать для этой работы материал по переработке, в соответствии с Осн. началами, общей части Угол. Код. для БССР. По опубликовании эти материалы будут разработаны автором в следующей статье.

Все содержание Руков. Начал можно было разбить на две части: одна давала определение общих понятий уголовного права и имела характер декларативный, другая имела значение руководящих указаний в собственном смысле

К первой части могли быть отнесены п. п. 1, 2, 3, содержавшие определение права вообще, уголовного и советского уголовного права в частности: п. п. 5-9, определявшие понятия преступления и наказания; п. п. 17—20, говорившие о стадиях осуществления преступления; п. п. 22-24, указывавшие признаки соучастников; остальные п. п. имели значение руководства в соб. см.

Уголовный Кодекс, построенный по типу современных уголовных кодексов, усвоив общие идеи Руков. Нач., не включил в свою общую часть полностью их содержания: декларативная часть Рук. Начал в значительной мере отпала,—хотя кое-что из нее осталось, как, напр., ст. ст. о целях и свойствах наказания,—уступив место инструктивной, которая, напротив, в уголов. кодексе получила большее развитие [1]).

Уголов. Кодекс за короткое время своего существования подвергался неоднократно изменениям и дополнениям, но все они касались главным образом особенной части кодекса, оставляя его общую часть почти без изменений.

Уголов. Кодекс 1922 г. был разработан в весьма спешном порядке, и это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться на его содержании. Довольно суровую оценку Уголов. Кодексу дал в сравнительно недавнее время стар. пом. прок. республики Крыленко: „Общая часть Угол. Код. в редакции 1922 г. не только употребляла сплошь и рядом такие чуждые нашим правовым воззрениям и перешедшие к нам лишь по традиции, по наследству от старого буржуазного права термины, как „кара", „наказание", „вина", „вменяемость" и т. п., но и содержала в себе статьи, в которых эта терминологическая невыдержанность превращалась в невыдержанность по существу, отражаясь вслед за тем и на всем практическом проведении судебной политики" [2]).

Действительно, Угол. Кодекс, подобно большинству современных западно-европейских кодексов, представлял плод компромисса между построением уголовной ответственности на принципе вины и учением об опасном состоянии; отсюда проистекала и „терминологическая невыдержанность", и более важная „невыдержанность по существу".

Несмотря на многочисленные изменения и дополнения, в спешном порядке регистрировавшие новые явления уголовно - правовой жизни, Уголов. Код., действовавший с небольшими отступлениями, (главн. образ. для Украины), на территории всего союза, очевидно, не вполне и не во всех своих частях отвечал правосознанию населения отдельных членов союза, ибо Союзный Совет и Совет Национальностей Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР в октябре 1924 г. стали в отношении уголовного законодательства на путь партикуляризма: они приняли и утвердили проекты основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и положение о воинских преступлениях.

---

[1]) Наличие декларативных положений и подчеркивание классового характера законодательства—таковы, по мнению М. М. Исаева, характерные черты Угол. Кодекса, отличающие его от кодексов буржуазных.—См. Общ. ч. уг. права—стр 108.

[2]) См. „Известия ЦИК СССР" 1925 г. № 231.—Новый проект уголовного кодекса. Беседа с т. Крыленко. Срав. также об'яснительную записку к проекту уголовного кодекса.—Еженед. Сов. Юст. 1925 г. № 38-39 стр. 1232 и след.

Дальнейшая разработка уголовного законодательства предоставляется отдельным членам Союза на основе начал уголовного законодательства Союза ССР в соответствии с местными условиями и особенностями.

II.

Это вступление на путь партикуляризма в области уголовного законодательства вытекает не только из общего духа союзной конституции, предоставляющей отдельным членам Союза широкую самостоятельность, но и опирается на определенное постановление конституции СССР (разд. II, гл. I, ст. 1, п.).

Уголовное законодательство полнее, чем какая-либо другая отрасль законодательства, отражает существующий социальный строй. Поэтому, поскольку социальный строй отдельных членов союза является общим, постольку общими чертами должно отличаться и союзное уголовное законодательство. Действительно, если мы сравним уголовные кодексы западно-европейских стран, то мы можем отметить среди них черты значительного сходства как в построении общей части, так и в обрисовке составов отдельных преступных деяний в особенной части кодексов. Сходны не только составы деяний, но и вообще границы преступного и наказуемого. Если существует различие, то разве только в социально-этической оценке отдельных деяний, т. е. в установлении различных санкций за одни и те же преступные деяния. Об'яснение этого явления следует искать в характере уголовного права: „оно, как замечает И. Д. Ильинский, по видимости менее окрашено классовым элементом, чем другие отрасли права. Борьба с некоторыми видами преступлений (изнасилование, поджог, разбой)—общий интерес всех классов общества. Преступники точно так же вербуются из всех общественных классов. Правда, беднота и невежество платят тюрьме несравненно большую дань, чем богатство и культура. Однако, поджигатель, изнасилователь, бандит, из какого-бы класса он ни вышел, враждебен всем. Отсюда сравнительная внешняя об'ективность нового уголовнаго права буржуазии и относительно ранняя его разработка в социологическом духе“ [1]).

Не отрицая бытовых особенностей за отдельными частями, входящими в состав Союза, нужно полагать, что части эти, жившие в течение долгого периода времени в одинаковых исторических условиях, а в настоящее время усвоившие основы советского строя, в значительной мере проникнуты единым правосознанием, и их бытовые особенности поэтому легко могли бы быть уложены в рамки единого уголовного кодекса, соответственным образом приспособленного в отдельных частях к местным условиям.

Между тем, Основ. Нач. уголовного законодательства допускают широкий простор для развития партикулярного уголовного законодательства.

Они предоставляют уголовным законам союзных республик определить „отдельные виды преступлений и порядок применения к ним мер соц. защиты (за исключением преступлений государственных и

[1]) См. И. Д. Ильинский. Введение в изучение советского права, ч. 1, стр. 87—88. Совещание Наркомюстов Союза республик так формулировало причины тожества уголов. права союза республик: „в виду тожественности стремлений борющихся за свое социальное освобождение трудящихся масс всех советских республик основные принципы карательной политики и основные начала производства судебных и следственных дел во всех советских республиках по существу одинаковы“. Цит. по Исаеву. Общ. часть, стр. 161.

воинских)“ (ст. 3 Осн. Нач.), „устанавливать и иные меры соц. защиты в соответствии с настоящими основами и общими принципами уголовного законодательства Союза ССР“ (примечание 1 к статье 13 Основных Начал).

Кроме этих двух главных пунктов: установление отдельных видов преступлений и отдельных видов мер соц. защиты,—законодательству отдельных республик предоставляется простор для самостоятельного решения целого ряда других, более мелких вопросов. Так, кодексами союзных республик определяется:

a) возраст несовершеннолетних и малолетних, как равно и обязательные случаи применения к несовершеннолетним мер соц. защиты судебно-исправительного характера и предел смягчения последних (прим. к ст. 8 Осн. Нач.);

b) сроки давности в отношении их понижения (прим. к ст. 10 Основн. Нач.);

c) порядок зачета предварительного лишения свободы (ст. 18 Осн. Нач.);

d) характер и организация принудительных работ и порядок их замены (ст. 19 Осн. Нач.);

e) порядок удаления из отдельной местности в пределах одной и той же союзной республики (ст. 22 Осн. Нач.);

f) количество необходимого для проф. работы инвентаря, предметов питания и денежных сумм, подлежащих оставлению осужденному (ст. 25 Осн. Нач.);

g) порядок замены штрафа принудительными работами (ст. 27 Осн. Нач.);

h) условия и порядок применения условного осуждения (ст. 37 Осн. Нач.);

i) порядок применения условного досрочного освобождения (ст. 38 Осн. Нач.).

Из приведенного перечня видно, что за законодательством союзных республик признано право самостоятельного решения не только многих частных вопросов уголовного законодательства, но—что гораздо важнее—отдельные республики имеют возможность расширять пределы преступного и наказуемого по своему усмотрению и вводить новые меры борьбы с преступностью.

Правда, Президиуму ЦИК Союза ССР предоставляется право в необходимых случаях указывать союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой карательной политики (ст. 3 ч. 2 Осн. Нач.); но несмотря на такую оговорку, тем не менее, в результате может получиться весьма пестрая картина уголовно-правового законодательства, способная неблагоприятно отразиться на укреплении правосознания, особенно если принять во внимание близость связей, соединяющих отдельных членов Союза ССР.

Поэтому лучшим исходом, на мой взгляд, явилось-бы усвоение отдельными республиками не только Основных Начал, имеющих значение главным образом для общей части, но и основных начал особенной части Угол. Код. РСФСР, с отступлениями от них лишь в отдельных случаях, действительно вызываемых местными бытовыми условиями и особенностями.

По какому пути пойдет последующее законодательство, предрешать не будем; думаем, что это будет скорее путь единства, подсказываемый не только соображениями практического удобства и целесообразности, но и общностью социально-экономических условий в отдельных частях Союза.

III.

Если сравнить Осн. Начала с постановлениями Общ. части Угол. Код. и с Руков. Нач., то можно видеть, что поправки, вносимые Осн. Началами, отчасти носят редакционный характер (изменяется лишь форма, но не содержание), отчасти являются изменениями существующих постановлений Угол. Код. и Рук. Начал, и отчасти, наконец, вносят начала новые, до сих пор неизвестные советскому уголовному законодательству.

Среди всех этих исправлений и дополнений, вносимых Осн. Началами, наиболее интересным и важным представляется установление того, насколько Осн. Нач. последовательно проводят систему мер борьбы с социально-опасными элементами и тем самым устраняют ту „невыдержанность (основных принципов) по существу“, которой страдало предшествующее уголовное законодательство и на которую указывал ст. пом. прок. респуб. Крыленко.

В дальнейшем изложении я и постараюсь проследить все внесенные Осн. Началами поправки последовательно, в системе общей части Уголовного Кодекса.

Так, прежде всего, о пределах действия уголовного законодательства.

Очерчивая в ст. 1 „Пределы действия уголовного законодательства“, Осн. Начала устанавливают их в более узких границах по сравнению с Руковод. Началами (п. 27) и Угол. Код. (ст. 1—4).

Основн. Начала говорят лишь об ответственности граждан Союза ССР как за деяния, совершенные на территории Союза, так и за границей, и ничего не говорят о возможности привлечения к ответственности у нас иностранцев, учинивших преступные деяния за границей, которые, на основании п. 27 Рук. Нач., признавались наказуемыми наравне с гражданами РСФСР, а согласно ст. 3 Угол. Код. могут быть привлекаемы к уголовной ответственности в случае посягательства их на основы государственного строя и военной мощи РСФСР. Осн. Нач. обходят молчанием эти последние случаи и ничего не говорят о действии советского уголовного законодательства в отношении посягательств на эти интересы.

Ограничивая пределы действия советского уголовного законодательства в отношении иностранцев, Основ. Начала, напротив, раздвигают их в отношении подданных Союза, поскольку они не только узаконяют применение уголовного законодательства по аналогии, но и предоставляют для ее применения несколько более широкий простор.

Постановление о применении уголовного закона по аналогии (ст. 10 Угол. Код.) появилось у нас только с изданием Угол. Кодекса, Руков. Началам оно было неизвестно.

Если сравнить ст. 10 Угол. Код. с ч. 3-ей ст. 3-ей Осн. Нач., то можно усмотреть между ними различие, и довольно существенное.

Не касаясь здесь принципиальной стороны вопроса о допустимости применения уголовн. закона по аналогии, я думаю, что ст. 10 Уг. Кодекса имела в виду, прежде всего, пробелы закона, возникшие вследствие казуистического характера диспозиции угол. закона, выработанного в спешном порядке, и что применение ее могло иметь место *главным образом* в отношении преступных деяний контр-революционных и направленных против порядка управления. В ст. ст. 57 и 74 Уг. Код. даются общие определения этих преступлений, далее перечисляются отдельные виды их и перечисляются довольно казуисти-

чески, что неизбежно ведет к пробелам, которые, на основании ст. 10 Уг. Код., и могут быть пополнены путем аналогии. Такой смысл, на мой взгляд, имеет ст. 10 Уг. Код., говорящая: „в случае отсутствия в уг. код. *прямых указаний на отдельные виды преступлений...*“ Осн. Начала говорят: „если общественно-опасные деяния прямо не предусмотрены уг. законодательством...“, т. е. допускают создание путем аналогии новых преступных деяний, без всяких ограничений, а не только при пробельности законодательства, вследствие казуистичности редакции. [1])

Не давая, в противоположность Рук. Началам (III,5) и Угол. Код. (ст. 6), общего определения преступного деяния, ст. 2 Осн. Нач., говоря о классификации преступных деяний, воспроизводит с большей точностью формулировки положение, содержащееся в ст. 27 Угол. Код., которого так же, как и ст. 10 Уг. Код. не было в Руков. Началах.

Ст. 27. Угол. Код. говорила о преступлениях *а)* „направленных против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемых ею наиболее опасными...“

Осн. Начала говорят о преступлениях *а)* „направленных против основ советского строя, установленного в Союзе ССР волей рабочих и крестьян, и потому признаваемых наиболее опасными...“

Таким образом, критерий для классификации преступных деяний сохранен без изменения, осталась и форма санкций для той или другой группы деяний.

IV.

В отношении мер борьбы с преступностью советское законодательство пережило довольно значительную эволюцию.

Руководящ. Начала говорили о наказании и только о наказании, понимая под ним „меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего“ (III, п. 7).

Угол. Код. говорит уже о наказании и других мерах соц. защиты, не определяя того, что он понимает под первым и вторым, а только перечисляя их, и, наконец, Основ. Нач. говорят только о мерах соц. защиты, также оставляя это понятие без определения.

Осн. Нач. предусматривают три группы мер соц. защиты:

1) меры судебно-исправительного характера;
2) меры медицинского характера;
3) меры медико-педагогического характера (ст. 5 Осн. Нач.).

Две последние группы мер были известны отчасти и Угол. Код. (ст. 46): новой является первая группа—меры судебно-исправительного характера, но под это понятие Осн. Начала подводят по большей части те меры, которые в Угол. Код. именовались наказаниями (ст. 32).

Из сравнения ст. 13 Осн. Нач., перечисляющей меры соц. защиты судебно-исправительнаго характера, со ст. 32 Угол. Код., содержавшей перечень наказаний, можно усмотреть между ними следующее различие:

1. К мерам судебно-исправительного характера отнесены:

---

[1]) Изложенные в тексте понимание ст. 10 Уг. Код. вытекает, на мой взгляд, из тех прений, которые имели место на III сессии ВЦИК IX созыва (речи Курского, Крыленко) и подтверждается циркуляром НКЮ 1922 г. 8 июня за № 48 о допустимости аналогии в исключительных случаях. Совпадают с указанным толкованием и взгляды проф. Познышева: Очерки основ. начал науки уголовн. права, ч. 1 и проф. Люблинского: Применение уголовного закона по аналогии (Право и жизнь, 1924 г. кн. 1. стр. 41). Напротив, Чельцов-Бебутов подчеркивает принципиальное значение ст. 10 Уг. Код. и отказывается видеть в ней „случайное преходящее явление“ (Вест. Сов. Юст. 1923 г. № 2). Осн. Нач. угол. зак. склоняются в сторону этого последнего понимания.

п. *а*—об'явление врагом трудящихся с лишением подданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда;

п. *ж*—удаление из пределов союзной республики или из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового, с запрещением проживания в тех или иных местностях или без такового запрещения (другими словами, ссылка и высылка);

п. *и*—запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом;

п. *н*—предостережение.

Перечисленные в п. п. „*а*" и „*н*" меры соц. защиты являются новыми, по сравнению с системой Угол. Код.; указанные же в п. п. „*ж*" и „*и*" отнесены к этой группе из ст. 46 Угол. Код. (п. п. „*в*" и „*г*") с небольшими, правда, добавлениями: высылка из определенной местности в некоторых случаях может превратиться в ссылку, которой Угол. Код. не знал.

2. Условное осуждение, упоминаемое в Угол. Код. среди наказаний (ст. 32, п. 2), Осн. Началами относится к порядку применения судом мер соц. защиты, что конечно, более отвечает природе данного института, называемого иногда „погасительной отсрочкой наказания".

3. О возложении обязанности загладить вред (п. „к" ст. 32) Осн. Начала совершенно не упоминают, отказываясь от этой весьма целесообразной меры борьбы с некоторыми видами преступности.

Введенная в жизнь еще Руков. Началами (VI, 25: восстановление, а—при невозможности его—возмещение причиненного ущерба), эта мера придавала публично-правовой характер обязанности загладить причиненный преступным деянием вред и могла быть с успехом применяема в ряде правонарушений, напр., неосторожных [1]). При наличии этой меры пред'явление гражданского иска имело второстепенное значение, и судебно-следственные органы по собственному почину, независимо от заявления потерпевшего, были обязаны принимать меры для обеспечения его интересов (см., напр., ст. ст. 119, 121, 276, 330, 388, 389 УПК). С устранением этой возможности возлагать на осужденного обязанность заглажения вреда, в качестве меры соц. защиты,—обеспечение интересов потерпевшего падает исключительно на его собственные плечи.

Что касается мер соц. защиты медицинского характера, то список их, по сравнению с Угол. Код., пополнен указанием на „помещение в медико-изоляционные учреждения" (ст. 15 Основ. Нач.).

Обрисовка мер медико-педагогического характера (ст. 16 Осн. Нач.) дана в Основ. Нач. несколько иная, вследствие чего расширился круг мест и лиц, на попечение коих могут быть отдаваемы несовершеннолетние; прежняя оговорка в Угол. Код.: „при условии всестороннего ознакомления суда с образом жизни и личностью поручителя" опущена (срав. п. „д" ст. 46 Угол. Код.).

Далее, вместо учреждений для умственно или морально дефективных ст. 16 Осн. Нач. говорит вообще о помещении в специальные заведения.

Таким образом, устранив прежнее деление мер борьбы с преступностью на наказание и другие меры соц. защиты, Осн. Нач. устранили существовавшую в Угол. Код. неясность относительно взаимоотношений, существовавших между теми и другими мерами.

---

[1]) Об уголовно-политическом значении этой меры см. Ферри—„Уголовная Социология", перевод под ред. проф. С. В. Познышева, стр. 522 и след.

Теперь, след., и „лишение свободы“, и „конфискация“, и „штраф“ являются мерами того же порядка, что и „помещение в медико-изоляционное учреждение“. Применение той или другой меры должно обусловливаться не тяжестью деяния, а характером опасности преступника. Одна мера соц. защиты отличается от другой не степенью строгости, как это имеет место при системе наказаний, а большей или меньшей целесообразностью применения в каждом отдельном случае.

Таковы естественные и логические последствия построения борьбы с преступностью с помощью мер соц. защиты, которые, конечно, должны были бы найти себе отражение на построении как общей, так и особ. части Угол. Код.

Замена наказаний мерами соц. защиты судебно-исправительного характера облегчалась тем, что уже и раньше советское уголовное законодательство смотрело на наказание, как на меру оборонительную, и противопоставляло этот взгляд воззрениям буржуазного законодательства, построенного на идее возмездия. Я не буду здесь останавливаться на вопросе о том, насколько такое противопоставление представляется обоснованным и точным, а укажу только, что момент оценки деяния, присущий наказанию, не чужд и мерам соц. защиты судебно-исправительного характера при том их построении, какое имеет место в Осн. Началах[1]).

В виду этого не должно казаться неожиданным, что те требования, которые ранее законодатель пред'являл к наказанию, он теперь применяет к мерам соц. защиты.

Ч. 2 ст. 60 Осн. Начал воспроизводит отчасти III, п. 10 Руков. Нач. и ст. 26 Угол. Код., несколько смягчая только категоричность прежней формулировки, которая не соответствовала действительности.

В Руков. Нач. III, п. 10 говорилось: „поэтому наказание не есть возмездие за вину, не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий“. Ст. 26 Угол. Код. воспроизводила без всяких изменений вторую часть указанного положения.

Осн. Нач. в ч. 2 ст. 6 говорят: „Задач возмездия и кары уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик себе не ставит. Все меры соц. защиты должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физического страдания и унижений человеческого достоинства“.

„Задач возмездия и кары“ уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик себе не ставит, но тем не менее элементы возмездия имеют место и в мерах соц. защиты судебно-исправительного характера, поскольку имеется особенная часть Уголов. Кодекса с составами отдельных преступных деяний, различно расцениваемых с социально-этической точки зрения и влекущих за собой последствия различной тяжести. Прежняя редакция говорит об отсутствии в нака-

---

[1]) Еще более сближает наказание и меры соц. защиты М. М. Исаев (Общая часть угол. права): „И наказанию, и мерам соц. защиты против лиц вменяемых присущ элемент правового осуждения (стр. 145). Правовое осуждение, как существенный элемент мер соц. защиты репрессивного характера, не находится в противоречии с основ. началами уголов. права переходного времени. Правовое осуждение является существенно-необходимым в интересах сов. строя. Каждой общественной группе важно внедрить в сознание своих членов представление о желательности или нежелательности соответственного поведения. В этих целях группа прибегает или к отрицательной оценке, наиболее резкой формой которой является „наказание“, или к положительной „похвале“, „награде“. (Стр. 146).

зании признаков мучительства и о непричинении преступнику бесполезных и лишних страданий.

Осн. Пол. говорят, что причинение физического страдания и унижений человеческого достоинства не должно быть целью мер соц. защиты.

Это последнее требование уже давно было выдвинуто уголовной политикой; но, к сожалению, ни наказание, ни меры соц. защиты нельзя совершенно очистить от элементов физического страдания или элементов унижения: всякое лишение свободы или высылка неизбежно связаны с некоторыми физическими лишениями, воспринимаемыми болезненно, а иногда и вызывающими действительное заболевание; далее, всякое наказание и всякая мера соц. защиты, поскольку они связываются с принуждением,—а едва-ли без принуждения можно найти какое-либо наказание или меру соц. защиты, – неизбежно связаны и с унижением, так как во всяком принуждении имеется неизбежно элемент унижения.

Поэтому, прежняя редакция, несмотря на категоричность своей формулировки, м. б. не вполне соответствовавшей действительности, была более полна содержанием, чем новая, которая при своем буквальном и узком толковании имеет в виду давно вышедшие из жизни наказания болезненные и осрамительные. Впрочем, м. б. в виду широкого допущения местного правотворчества такое упоминание и не представляется излишним; ведь были же мы свидетелями в 1918/19 г.г. возрождения мер воздействия эпохи XVII и XVIII в. в.[1]).

Как Руков. Начала (III, п. п. 8, 9), так и Угол. Код. (ст. 8), говоря о целях наказания, выдвигают как цели общего, так и специального предупреждения, с указанием способов достижения этой последней. Правда, редакция этих ст. ст. не была удачной, и указанный выше смысл их мог быть выведен лишь путем толкования.

Осн. Нач., отказавшиеся от понятия наказания в пользу мер соц. защиты, должны были-бы говорить только о специальном предупреждении (ст. 4 Осн. Нач.), и такая постановка была-бы последовательной, т. к. меры соц. защиты имеют в виду прежде всего воздействие на данную преступную личность, а не на остальное общество или его „неустойчивые элементы", как говорила ст. 8 Угол. Код. Но редакция п. *а* ст. 4 Осн. Нач. имеет довольно общий характер; он говорит вообще „о предупреждении преступлений". При такой формулировке следует в первую очередь предполагать цели общего предупреждения, что однако не соответствует природе мер соц. защиты. Поэтому было-бы точнее в соответствии с п. п. *б* и *в* ст. 4, говорящими о воздействии на общественно-опасные элементы и на осужденных, говорить не о предупреждении преступлений, а о предупреждении преступника, имея в виду преступника случайного, требующего не исправления, а тем более обезвреження, но нуждающегося в простом напоминании, во внушении, в предупреждении в соб. см. слова.

Отказ от наказаний и замена их мерами соц. защиты должны были-бы отразиться и на порядке выбора и назначения мер соц. защиты, определяемом началом целесообразности в борьбе с социально-опасными элементами. Но в действительности ст. ст. 30, 31 и 32 Осн. Нач. в существенных своих чертах воспроизводят положения, содержавшиеся в ст. ст. 24 и 25 Угол. Код. и III, п. п. 11 и 12 Рук. Нач., но лишь в более развитой и уточненной форме.

---

[1]) См. об этом М. М. Исаев—Общая часть угол. права, стр. 57.

Соответствующее постановление Руков. Начал (III, п. 11) указывало судьям, чем им следует руководствоваться при выборе меры воздействия, и представлялось вполне понятным при отсутствии Уголовн. Кодекса и его особ. части, где отдельные преступные деяния разграничены и взвешены с точки зрения их социальной опасности.

Ст. ст. 24 и 25 Угол. Код. давали указание судье, как ему следует поступать при выборе наказания, в виду широких рамок относительно определенной санкции.

Ст. 30 Осн. Начал и прежние ст. 24 Угол. Код. и III, 11 Руков. Начал имеют общий руководящий характер, указывая сторону, в которую прежде всего должен быть направлен взгляд судьи; дальнейшие постановления указывают конкретные обстоятельства, влияющие на выбор меры воздействия в смысле ее повышения или понижения. При этом следует отметить, что целый ряд п. п., влияющих на усилении ответственности (как, напр., п. п. „а", „б", „в" и „г") имеют в виду об'ективную сторону деяния; таким образазом здесь, в целях усиления классового характера правосудия, опускается из виду усвоенный основной критерий уголовного законодательства— критерий социальной опасности личности.

Таким образом, в вопросе о мерах борьбы с преступностью Осн. Начала устранили до известной степени то, что м.б. названо „терминологической невыдержанностью", но не сделали еще решительного шага к устранению „невыдержанности по существу". Поэтому представляются не лишенными основания те замечания, которые были сделаны в Харьковском Юридическом Обществе при обсуждении доклада проф. Гродзинскаго об основных началах уголовного законодательства и которые квалифицировали реформу уголов. законодательства в отношении замены наказаний мерами социальной защиты, как „терминологическую" [1]).

V

Напротив, совершенно в духе учения об опасном состоянии сформулированы ст. ст. 11 и 12 Осн. Нач. о значении начатой, но не доведенной до конца преступной деятельности и о значении различных видов участия в преступлении.

Эти ст. ст. заменили собою IV и V разделы Руков. Начал и ст. ст. 12-16 Угол. Код., воспроизводившие в полном виде постановления современных кодексов, стоящих на признании вины основанием ответственности, соразмеряемой с тяжестью преступной деятельности.

Согласно ст. 11 Осн. Начал, остановившийся на стадии приготовления м. б. подвергнут той-же мере социальной защиты, что и закончивший с желаемым успехом преступное деяние, а на основании ст. 12 пособник—той же мере воздействия, что и исполнители или подстрекатели.

Оба эти пункта последовательно отвечают началу выбора целесообразной меры воздействия в соответствии со степенью социальной опасности; ибо и лицо, застигнутое в стадии приготовления, и второстепенный пособник могут оказаться гораздо опаснее, чем достигший желаемого результата главный виновник.

Точно так же, в соответствии с общим взглядом законодателя на способы борьбы с преступностью, ст. 29 Осн. Нач., допуская возможность применения мер соц. защиты медико-педагогического характера и медицинского характера до суда и помимо суда, указывает на возможность их применения и судом, как скоро применение мер соц.

[1]) См. Вестник Сов. Юстиции, 1925 г. № 9, стр. 380 и след.

защиты судебно-исправительного характера оказывается несоответствующим данному случаю.

Нельзя того же сказать про некоторые другие положения, развиваемые Осн. Началами.

Так, об'ективный момент—тяжесть преступного деяния—оказывает влияние на выбор меры соц. защиты в случае совокупности преступных деяний; ст. 33 Осн. Нач. говорит, что в этом случае „меры соц. защиты определяются по тому преступлению, которое влечет за собой *более строгую меру*", т.-е., усваивая систему поглощения, применяет по отношению к мерам соц. защиты расценку большей или меньшей строгости, более соответствующую наказаниям.

Сама система поглощения, как и противоположная ей система сложения, точно так же более соответствует институту наказания, соразмеряемого с тяжестью учиненного преступного деяния, а не мерам социальной защиты, которые, как было отмечено выше, отличаются друг от друга не степенью строгости, но большей или меньшей целесообразностью применения в отдельном случае.

В пользу сохранения значения за об'ективным моментом говорит и ст. 18, ч. 2: „время предварительного заключения, а также время, проведенное в заключении с момента об'явления приговора до вступления его в законную силу, *обязательно* засчитывается в срок лишения свободы, определенный судом. При применении иных мер социальной защиты, указанных в п.п. *г*, *д*, *е*, *ж*, *з*, *и*, *к*, *л* ст. 13 настоящего закона, суду предоставляется право принимать во внимание предварительное лишение свободы до суда".

Обязательный зачет предварительного заключения, равным образом принятие его во внимание при выборе мер соц. защиты, является вполне понятным и последовательным при взгляде на наказание, как на воздаяние, соответствующее тяжести преступления и вины; оно слабо соединимо с наказанием, как мерой целесообразности, избираемой в соответствии не с тяжестью вины, а со степенью соц. опасности преступника, и совершенно не соединимо с мерами соц. защиты, т. к. назначение последних зависит исключительно от степени опасности, вследствие чего часто учинение и незначительного по тяжести проступка может свидетельствовать о серьезной опасности лица и требовать применения предварительного заключения, в качестве меры пресечения до суда.

Точно так же более соответствует системе наказаний, а не мер соц. защиты положение ст. 34 Осн. Нач., воспроизводящее собой содержание ст. 28 Уг. Код.—о назначении меры соц. защиты ниже низшего предела, установленного законом в соответствующей статье.

Отказавшись от наказания и заменив их мерами соц. защиты, Осн. Начала не отказались от понятия вменяемости, которая, как известно, является одним из условий виновности, но которая представляется излишней, как скоро система борьбы с преступностью построена на принципе опасного состояния.

Осн. Начала не только не отказываются от понятия вменяемости, но и вносят в формулировку т. н. психологического критерия вменяемости весьма существенную поправку.

Усвоенный ст. 17 Угол. Кодекса „психологический критерий вменяемости" был взят из Руков. Начал, где в III, 14 говорилось как о лицах, которые не подлежат суду и наказанию, а к которым применимы лишь лечебные меры и меры предосторожности,—„когда совершившие его (преступление) не отдавали себе отчета в своих действиях". В силу этого критерия вменяемыми могли быть признаваемы лишь при

наличии разумения, понимания, волевая же сторона оставалась вне внимания. Между тем, в жизни весьма нередко м. б. случаи, когда при полной ясности разумения у человека ослаблены или парализованы совершенно задерживающие центры, и человек не может воздержаться от совершения тех или других актов; таковы, напр., алкоголики; такого случая ст. 17 Угол. Код. не предусматривала, и в этом отношении наблюдался существенный пробел.

Осн. Начала восполняют этот пробел, формулируя „психологический критерий", как такое состояние, „когда не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими". При такой формулировке ст. 7 Основ. Нач. приближается к ст. 39 Угол. Улож. 1903 г., которая точно так же говорила о способности понимать свойство и значение совершаемого и способности руководить своими поступками. Вместо способности „руководить своими действиями" можно было-бы сказать: „поступать (или действовать) в соответствии с сознанным". При такой редакции существо критерия не изменилось-бы, но более подчеркивалась-бы зависимость нашего поведения от преобладающих в психике деятеля мотивов.

Сохранив понятие вменяемости, Осн. Начала естественно сохраняют и понятие виновности. Ст. 6 Осн. Начал, определяющая умысел и неосторожность, отличается от ст. 11 Угол. Код. лишь незначительными редакционными изменениями. Между тем, при последовательном проведении учения об опасном состоянии эти виды виновности теряют свой смысл, ибо учинивший преступное деяние по неосторожности иногда м. б. более опасен, чем учинивший его умышленно; в особенной же части Угол. Код. некоторые случаи неосторожного причинения вреда совершенно не предусмотрены, некоторые влекут последствия более мягкие, чем случаи умышленные. Словом, если в общей части Угол. Код. действительно не встречается термин „вина", и сами понятия „умышленного" и „неосторожного" деяния следует рассматривать исключительно как понятия технические, то с другой стороны— построение составов отдельных преступных деяний и установление последствий их учинения в особ. части вполне соответствуют построению уголовной ответственности на принципе вины [1]).

Не внесено существенных перемен в ст. 9 Основ. Начал по сравнению со ст. ст. 19 и 20 Угол. Код., говорящими о необходимой обороне и крайней необходимости. И в том, и в другом случае расширен круг правовых интересов, подлежащих охране: в 1-м случае—путем упоминания вновь о советской власти и революционном порядке, а во 2-м—путем исключения перечня охраняемых интересов, хотя тот и другой институт—и необходимая оборона, и крайняя необходимость— при усвоении учения об опасном состоянии, являются излишними, и и законодатель мог-бы обойтись и без специального о них упоминания.

Усвоение всех этих понятий Основ. Началами сближает их с существующими уголов. кодексами, стоящими до сих пор на компромиссной точке зрения: с одной стороны—опасное состояние и меры социальной защиты, с другой—виновность и наказание, соответствующие тяжести преступления. Различие заключается только в том, что в то время, как в русском дореволюционном праве и в современных западно-европейских кодексах уголовная ответственность строится на

---

[1]) „Что представляет собою разграничение умысла и неосторожности, как не разграничение степени виновности? замечает Пашуканис. Какой смысл имеет понятие невменяемости, если не существует понятие виновности? Наконец, зачем нужна вся особ. часть Кодекса, если дело идет только о мерах социальной (классовой) защиты?" (Пашуканис.— Общая теория права и марксизм, стр. 157).

принципе вины и опасное состояние имеет значение дополнительное к главному основанию ответственности, в современном советском праве наблюдается тенденция отказаться от старых устоев уголовного правосудия и построить систему мер борьбы с преступностью прежде всего на признаке опасного состояния, с сохранением, однако, и прежнего, традиционного построения уголовной ответственности [1]).

VI.

Сохраняя таким образом известную двойственность принципов, Основ. Начала в ст. 8 несколько даже отступают назад от той позиции, которую уголовный законодатель занимал ранее в отношении несовершеннолетних: меры медико-педагогического характера обязательны лишь в отношении малолетних (т. е. до 14 л. по Угол. Код.; но этот возраст местным законодательством м. б. изменен—см. прим. к ст. 8 Осн. Нач.), в отношении же несовершеннолетних они м. б. применяемы, когда будет признано невозможным соответствующими органами применение мер судебно-исправительных.

Таким образом, в отношении к несовершеннолетним в первую очередь ставится вопрос о применении мер судебно-исправительных, и только в случае нецелесообразности их применения возможно говорить о применении мер медико-педагогических. Такая формулировка существенно отличается от ст. 18 Угол. Код., которая вместе со ст. 18-а и 18-б, в свою очередь, далеко отступила от первоначально усвоенных законодателем принципов в отношении малолетних и несовершеннолетних.

Уголовный Кодекс ввел институт давности (ст. 21-22) в форме давности преследования и давности приговора, неизвестных Руков. Началам. Основ. Начала сохраняют этот институт (ст. 10), но видоизменяют сроки давности и, кроме того, вместо давности приговора с удвоенными сроками, вводят единую давность наказания в размере 10 лет.

Видоизменение коснулось также и условий течения давности. По Угол. Кодексу, в качестве таких условий были:

1. Отсутствие какого либо производства или следствия в течение давностного срока по данному делу. 2. Если совершивший преступление, покрываемое давностью, не совершил за указанный в законе срок *какого-либо другого преступления*.

Основ. Начала, оставляя без изменения первое условие, второе условие формулируют более точно: „не совершил за указанный в настоящей ст. срок какого-либо другого *однородного* или *не менее тяжкого* преступления“.

Новая формулировка более соответствует основаниям погашающей силы давности, т. к. лишь учинение однородного преступления свидетельствует об устойчивости состояния опасности деятеля. Второе условие, прерывающее течение давности, носит характер формальный, выдвигая момент об‘ективной тяжести вместо суб‘ективной опасности.

Вносят далее Основ. Начала изменения как в систему мер соц. защиты судебно-исправительного характера, так главным образом и в порядок их применения.

Так, Основ. Начала, стоящие в большинстве случаев на уровне требований современной уголовной политики, неожиданно возвращаются ко временам весьма отдаленной старины и оживляют институт „гражданской смерти“—„mort civile“.

---

[1]) См. замечания Эстрина о происхождении учения об опасном состоянии в Энциклопедии права и государства. Срав. также М. М. Исаев. Общая часть угол. права, стр 91.

В самом деле „об'явление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и с изгнанием из пределов Союза ССР навсегда", восстановляя ряд мер, намеченных еще Руководящими Началами, в качестве примерных (VI, 25, п. *л*—об'явление врагом революции или народа; п. *о*—об'явление вне закона), сильно напоминают т. н. гражданскую смерть, из которой с течением времени выработалось поражение прав.

Правда, изгнание подвергнутых этой мере воздействия из пределов Союза ССР навсегда снимает с государственной власти заботу об устройстве быта таких бесправных, что представляется задачей неразрешимой и что заставляло отказываться от удержания этой меры в системе наказаний.

Реальным в этой мере соц. защиты является только пожизненное изгнание из пределов Союза; все остальные составные части этой меры соц. защиты имеют скорее декларативный характер. „Об'явление врагом трудящихся"—мера позорящая, близкая прежнему „шельмованию"—имеет в виду социально-этическую оценку поведения преступника и едва-ли может преследовать какую-либо иную цель из тех, которые стоят перед мерами соц. защиты. Очевидно, применение этой меры должно ограничиться весьма узкой группой преступности.

Возвращаются Основ. Начала к Руководящим Началам, включая в систему мер соц. защиты судебно-исправительного характера „предостережение"; Руков. Начала говорили о внушении. Применение этой меры Основ. Начала связывают с оправдательным приговором (ст. 28 Основ. Нач.).

Было-бы, конечно, последовательнее применять предостережение, как и другие меры соц. защиты судебно-исправительного характера, только при обвинительном приговоре, т. к. и эта мера заключает в себе все те элементы, что и остальные меры соц. защиты судебно-исправительного характера.

Соединение оправдания с мерой соц. защиты „неправильно,—по замечанию одного из оппонентов по докладу проф. Гродзинского в Харьковском Юридич. Обществе,—и с логической, и с юридической точки зрения. Логически—потому, что суд, вынося лицу оправдательный приговор, тем самым признает его невиновным и социально-неопасным, присоединение же к оправдательному приговору меры соц. защиты, хотя-бы и в форме предупреждения, свидетельствует о „виновности" данного лица и потому противоречит его оправданию. Соединять в одном и том же приговоре оправдание с мерой соц. защиты нельзя, м. б. лишь или оправдательный, или обвинительный приговор. С другой стороны, поскольку лицо признано судом не совершившим преступления — общественно-опасного действия (стр. 6 Уг. Код.) и оправдано, постольку оно и не является социально-опасным, и след. ему нельзя выносить предостережения, которое, будучи мерой соц. защиты, подлежит применению лишь к социально-опасным лицам" [1]).

В возможности применения к оправданному предостережения проглядывает свойственный нашему законодательству параллелизм: построение ответственности на принципе вины и борьба с преступностью с помощью мер соц. защиты, назначаемых в соответствии со степенью опасности. В оправдательном приговоре суда заключается ответ на вопрос о виновности, применение же меры соц. защиты свидетельствует о признании подсудимого социально-опасным.

---

[1]) См. Вестник Сов. Юст., 1925 г. № 9, стр. 379—прения по докладу Гродзинского об основ. началах угол. законодательства.

Такая же двойственность имеется и в отношении условий применения высылки. Ст. 22 Осн. Начал, соответствующая ст. 44 Угол. Код., прежде всего повышает самый срок высылки до 5 лет вместо прежних 3-х лет.

По ст. 49 Угол. Код., высылка м. б. применяема судом лишь в отношении лиц, признанных судом „социально-опасными", при чем естественно предполагалось возбуждение против данного лица уголовного преследования за определенное преступное деяние, остановившееся хотя-бы на стадии приготовления (ст. 12 Угол. Код.), и признание подсудимого виновным. По ст. 22 Осн. Начал, эта мера м. б. применяема судом, по предложению органов прокуратуры, к указанной категории лиц как независимо от привлечения их к судебной ответственности за совершение определенного преступления, так и в том случае, когда они, будучи привлечены по обвинению в совершении определенного преступления, будут судом оправданы, но признаны социально-опасными.

Таким образом, на основании ст. 22 Осн. Начал, допустима высылка в силу признания социально-опасным элементом—без пред'явления конкретного обвинения, и возможна высылка после пред'явления обвинения, окончившегося оправданием.

Устанавливая такие возможности, Осн. Начала противопоставляют осуждение—признание лица виновным—признанию человека социально-опасным; оба эти момента в одних случаях могут совпасть, в других разойтись, и след. момент осуждения, виновность приобретает и в этих случаях самостоятельное значение, что не соответствует стремлению уголовного законодательства построить борьбу с социально-опасными элементами с помощью мер соц. защиты (см. об этом ст. 30 Осн. Нач.) и отказаться от наказания, как социально-этической оценки виновности поведения преступника.

Усвоение положительным законодательством ст. 22 Осн. Начал должно повлечь за собой неизбежно изменение ст. 4 Угол. Проц. Код., согласно п. 5 коей уголовное преследование прекращается при отсутствии в действиях, приписываемых обвиняемому, состава преступления. В противном случае ст. 22 Осн. Нач. не будет иметь применения.

Предоставляя прокуратуре широкие полномочия по применению мер соц. защиты к лицам, признаваемым социально-опасными, Основ. Начала не дают никаких руководящих указаний для отнесения того или другого лица к категории социально-опасных, не устанавливают никаких признаков, по которым можно было-бы судить о социальной опасности человека, и отдают решение этого вопроса всецело на усмотрение прокуратуры и затем суда [1]).

Отсутствие этих указаний может вызвать значительные колебания и неустойчивость в практике, со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными последствиями.

Предоставляя суду в некоторых случаях применять меры соц. защиты в отношении оправданных (высылка и предостережение), Осн. Начала (ст. 35) допускают возможность и противоположного положения: именно, когда подсудимый осужден, но применение к нему какой-либо меры соц. защиты кажется нецелесообразным. В этом случае суду предоставляется право ходатайствовать перед соответствующими инстанциями либо о полном освобождении, либо о снижении

---

[1]) Последовательное проведение принципа охраны общества требовало-бы не зафиксирования отдельных составов преступлений (с чем логически связана мера наказания, определяемая законом или судом), но точного описания симптомов, характеризующих общественно-опасное состояние, которое нужно в каждом данном случае применять для того, чтобы обезопасить общество. (Пашуканис—указ. соч., стр. 158).

меры соц. защиты. Здесь, след., подсудимый является формально-виновным, но социально неопасным.

При праве суда выносить оправдательные приговоры, при широких рамках судейского усмотрения, которые присущи уголовному законодательству, специальная оговорка ст. 35 Осн. Нач. может быть и излишней, и если законодатель считает нужным о ней упоминать, то это свидетельствует только о том, что признаку формальной виновности он придает самостоятельное значение.

Менее существенные поправки и изменения внесены Осн. Началами в такие меры, как поражение прав (ст. 20) и конфискация имущества (ст. 25).

Ст. 20 Осн. Начал, говорящая о поражении прав, расширяет об'ем этой меры соц. защиты: оставляя без изменения п. *а* о лишении активного и пассивного избирательного права, в п. *б* она говорит о праве *быть* членом общественных и профессиональных организаций, а не только об активном и пассивном избирательном праве в профессиональные и другие организации, что не так точно и не соответствует природе института поражения прав и природе права быть членом профессионального союза; п. *в* ст. 40 Угол. Код. перечислял конкретно те должности, которые пораженный в правах не имел права занимать; соответствующий п. *в* ст. 20 Осн. Нач. говорит вообще о праве занимать те или иные государственные должности, исполнять общественные обязанности и носить почетное звание, что также более правильно в смысле соответствия природе поражения прав.

Поправки скорее редакционного характера вносит ст. 25. Осн. Начал, воспроизводящая в общих чертах ст. 38 Угол. Код.; она предоставляет законодательству союзных республик устанавливать „количества необходимого для профессиональной работы инвентаря, предметов питания и денежных сумм, подлежащих оставлению осужденному". Ст. 38 Уголовного Код. оставляла в распоряжении осужденного предметы питания, необходимые для личного потребления осужденного и его семьи на срок не менее 6 мес., а также инвентарь, необходимый для профессиональной работы. Новая редакция допускает более широкий об'ем конфискации в отношении профессионального инвентаря, предметов питания и денежных сумм.

Исключив совершенно правильно из числа мер соц. защиты „условное осуждение", Основ. Начала, не употребляя этого термина, содержат постановление об этом институте среди. условий и порядка применения мер соц. защиты (ст. ст. 36 и 37 Осн. Начал). Согласно этим постановлениям, он может иметь применение при приговоре не только к лишению свободы, но и к принудительным работам (в отличие от 36 ст. Угол. Код.), и применение его отпадает, как скоро приговоренный в течение испытательного срока (1—10 л.) не совершит нового *не менее тяжкого преступления,* а не только тожественного или однородного, как это имело место в Угол. Код. Здесь опять степень тяжести преступлений является критерием общеопасности преступника.

Такая же замена критерия сделана Основ. Началами и в отношении условного досрочного освобождения (ст. 38 Осн. Нач.), которое м. б. отменено, как скоро в течение испытательного периода учинено не менее тяжкое преступление, по сравнению с тем, за которое преступник был подвергнут мере соц. защиты. В отличие от существовавшего порядка услов. освобождение может заключаться в замене одной меры соц. защиты другой, более мягкой и в применении этой меры по определению суда.

Таковы те изменения, которые внесены были Основными Началами в действовавшее уголовное законодательство.

Из изложенного видно, что часть этих изменений носит исключительно редакционный характер, оставляя в силе существующее, но придавая ему более законченную и отчетную формулировку; другая часть, напротив, имеет характер более решительной реформы: не ограничиваясь формой, изменяется и содержание. Но эта перемена содержания также не всегда однородна: одни изменения продиктованы сохранением значения за об'ективным началом, в других, напротив (и таких большинство), усиливается момент об'ективный.

В результате всех изменений общий характер законодательства, однако, не изменился: законодательство не отказалось еще окончательно от построения ответственности на принципе вины и не усвоило вполне и всецело учения об опасном состоянии. Ведь последовательное проведение этого учения делало бы излишним разграничение вменяемых от невменяемых, не требовало бы учинения преступного деяния, даже как повода для применения мер соц. защиты, делало бы, наконец, ненужной всю особ. часть угол. кодекса [1]).

„Недостаточно провозгласить понятие вины и виновности предрассудком,—справедливо замечает Пашуканис,—для того, чтобы сразу же на практике перейти к такой карательной политике, которая делала бы эти понятия действительно ненужными“ [2]).

Несомненно, что уголовный законодатель должен бороться со старыми предрассудками и всякого рода пережитками, что он должен быть руководителем и внедрять в сознание широких масс здравые идеи, но он не может в то же время пренебрегать теми социально-правовыми понятиями, которые не только жизненны, но и жизнеспособны.

К числу таких жизненных и жизнеспособных понятий следует отнести и понятия вины и наказания [3]). Отказываться от них было-бы преждевременно. „Закон, не имеющий корней в живой социально-хозяйственной действительности, умирает, как растение, посаженное на чужую почву“ [4])

Этим может быть об'яснена известная двойственность начал советского уголовного законодательства.

---

[1]) М. М. Исаев, поставив этот вопрос „о бытии“ особ. части, заявляет, что к его решению необходимо подходить диалектически (стр. 56) и что нельзя выбросить ее (т. е. особ. части) в 1925 г. (стр. 60). См. Понятие соц. опасности в Осн. Нач. Угол. Зак., Сов. Право № 4 (10).

[2]) Пашуканис. Общая теория права и марксизм, стр. 156.

[3]) Весьма показательным в этом отношении представляется заявление в докладе на XIV партс'езде „О работе проф. союзов“ М. П. Томского: „Перед партийным с'ездом и перед любым собранием беспартийных рабочих я ни капельки не постесняюсь сказать открыто, что я требовал и буду требовать для растратчиков рабочих денег самых строгих наказаний. Я считаю это своим долгом“. (Голоса: „Правильно!“ Аплодисменты). (Цит. по Извест. ЦИК СССР 1926 г. № 1). Строгое взыскание, очевидно, должно следовать за тяжкой виной растратчиков.

[4]) Ильинский. Право и быт. 1925 г.

Проф. М. О. Грёдингер.

Брак и закон.

До сих пор вопрос о месте, принадлежащем семейственному, а в частности, брачному праву, в общей правовой системе, остается спорным. Должно-ли отнести его в область публичного права или права гражданского,—на этот счет и раньше замечалось большое разномыслие как на Западе, так и у нас [1]). А новейшая цивилистика все решительнее берет под подозрение семейственное право, поскольку оно служит основанием для личной зависимости и поставлено под специальный надзор и регламентацию государства. Но не только эта сторона проявляется в учреждениях семейного и брачного союзов. Связанное особенно тесно с капиталистическим строем, семейственное право обнаруживает и сторону имущественную, хотя, конечно, базою для последней является личное семейное право [2]).

Но, может быть, в условиях советской социально-правовой действительности праздным должен показаться вопрос о том, гражданским ли или публичным следует считать семейственное и, в частности, брачное право, когда эти исконные позиции (hujus studii duae sunt positiones) до крайности ослаблены. Быть может, приходится признать, что наиболее рационально и логически поступило азербайджанское законодательство, включив в свой гражданский кодекс и право семейное, поскольку в Советском государстве в достаточной мере проведена нивелировка основных отраслей права?

И в самом деле. Нельзя отрицать, что на наших гражданских правах, на гражданских кодексах советских республик лежит ясный отпечаток реалистической концепции Дюги, еще до недавнего времени оказывавшего чарующее влияние на наши законоподготовительные круги. Наделяя лицо гражданскими, т. е. частными имущественными, правами, государство—говорит редактор известного комментария к Гражданскому Кодексу, проф. Малицкий,—смотрит на эти права, как на защиту определенного частного имущественного интереса в использовании частным лицом его имущества, созданного не единичным трудом данного лица, а трудом и усилиями всего коллектива, и не в целях удовлетворения только частного интереса данного лица, но в целях удовлетворения интереса общественного [3]). Ни о каких прирожденных, неот'емлемых, естественных правах не может быть речи; их нет ни у отдельного человека, ни у совокупности людей. Индивид, рассуждает Дюги, только призван исполнять определенную социальную функцию, осуществляемую в интересах общежития и гарантируемую государ-

[1]) Д. И. Мейер. Русское гражданское право. Изд. проф. Гольмстена. 1915 г. стр. 3. К. Д. Кавелин. Собрание сочин. том IV, стр. 769 след.

[2]) Dernburg. Pandekten. Bd. III стр. 2.

[3]) Малицкий. Гражданский Кодекс Советских Республик. 1925 г. стр. 7.

ством [1]). А если это так, то и нет принципиальной разницы между правом публичным и правом гражданским; они по существу идентичны, и внешнее несходство их зависит только от различного способа их осуществления. Старательное обезвреживание в советских гражданских кодексах индивидуалистического момента коренным образом отличает их от буржуазных законодательств. И когда Гражданский Кодекс в своей первой статье устанавливает, что гражданские права охраняются за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением, то этим самым, в сущности, разрублен Гордиев узел, разрешена вечно юная проблема Ульпиана, стерта граница между публичным и частным правом. Индивидуалистическая концепция заменена реалистическою. И вместе с тем нанесен ошеломляющий удар узкому эгоизму, ибо закон охраняет только такое использование гражданских прав, которое не идет в разрез с интересами коллектива и других граждан, участвующих в процессе развития производительных сил страны [2]). Гражданское право пропиталось свежими, публично правными соками, публичное право оперирует в частноправных формах. Положен предел необузданному стремлению ницшеанского Uebermensch'a, не встречавшему препятствий в насквозь пропитанном индувидуализмом праве [3]). Но когда возбуждается вопрос о сущности, общественном и юридическом значении института брака, выдвигается на передний план ряд индивидуалистических моментов, которые должны, де, найти отражение в официальной регламентации этого института.

Однако, здесь требуется сугубая осторожность и законодательный такт, ибо вместе с изменяющимися жизненными отношениями и в меру этих изменений должна изменяться и регламентация. „Сохранение же старых законов в ущерб новым нуждам и потребностям есть, в сущности, нечто иное, как поддержание несвоевременных частных интересов в ущерб интересу общественному“.

* * *

Бесспорно, конечно, что брак составляет своеобразный институт, нелегко поддающийся юридической регламентации. Устанавливаемые браком отношения между двумя суб'ектами разного пола большею частью даже неуловимы для права. Личные отношения супругов не переносят законодательного вмешательства, а супружеские обязанности допускают только добровольное исполнение. Наивны и практически неосуществимы, поэтому, правила, подобные заключавшемуся в ст. 106 тома X, ч. 1, по которому: муж обязан любить свою жену, как собственное свое тело. Но это еще не значит, что законодатель должен принципиально отказаться от всякой попытки регламентировать брак, как учреждение, связанное с определенными правовыми последствиями. Вопрос только в том, какими средствами и путями для этого он пользуется и соблюдает-ли в должной мере необходимый такт и понимание, об'являя, какое именно сожительство мужчины с женщиной может рассчитывать на его покровительство.

Как известно, Советское законодательство по интересующему нас вопросу остановилось на перепутьи, стараясь разрешить проблему, что следует считать „законным порядком заключения брака“, по выражению первоначального проекта народного комиссариата

---

[1]) Duguit. Les transformations générales du droit privé depuis le Code Napoléon. 1912.

[2]) Срв. ст. ст. 1 и 4 Г. К.

[3]) М. Грёдингер. Характеристика гражданского права л. кр. 1904; стр. 7, 39.

юстиции РСФСР) [1]). Оказывается, что приравнение „законному порядку“ существующих вне официальных рамок брачных отношений не только не облегчает, а существенно осложняет разрешение вопроса Оказывается, в опасное положение попадает база, на которой зиждется весь культурный мир, моногамия,—а при допущении конкуренции между „законным“ и „внезаконным“ браками охрана интересов женщины, как более слабой стороны, легко могла бы стать призрачной. Отпало-ли, в самом деле, при советском строе основание для принципиального противопоставления юридического брака фактическому, дозрели ли мы уже до т. н. высшей формы брака, ответ на этот вопрос может дать только анализ процесса исторического развития брака на главнейших ступенях его. На них мы и остановимся в дальнейшем изложении.

* * *

Институт брака прошел через длинный и тернистый исторический путь—от коллективного брака до моногамии, к которой теперь переходит большинство даже в мусульманском мире [2]). Но если коллективный брак являет собою наглядную картину полного порабощения, бесправия женщин, то нельзя сказать, чтобы при моногамическом браке, по крайней мере на первых порах, дело обстояло лучше. Ведь сопровождающие моногамию похищение и покупка женщины для матримониальных целей, как исторические реминисценции, отражающиеся на разных обрядах еще и позднейшего времени, разве не служит прямым доказательством тому, что и при моногамии женщина могла рассматриваться не как суб‘ект, а как об‘ект, как вещь?! Не даром же существует гипотеза, что первоначальным источником рабства послужили именно похищение и покупка женщин [3]). И если обратиться к древней семье, как она, примерно, обрисовывается в сообщениях римских юристов и историков, то она представляется покоющейся на неограниченной, абсолютной власти домовладыки. Здесь все определяется как вещное отношение. Власть домовладыки определяет собою и родство, признаваемое постольку, поскольку имеется общая подчиненность главе семейства. Потому-то при такой структуре семьи кровное происхождение не играет никакой роли, и вместо когнатического принципа выдвигается вперед агнатический. Вместе с тем под ту же власть подпадает и жена, над которой муж юридически приобретает те же, лишь обычаем суживаемые, неограниченные права, какие ему принадлежат над своими детьми.

Однако, в Риме, приблизительно за 450 лет до нашего летосчисления, в эпоху создания XII таблиц, бесправные для женщин браки, браки cum manu, начинают конкурировать с свободными браками (sine manu), при которых муж не приобретает никаких прав на личность и имущество жены. Последняя юридически числится в своей прежней семье, если живы ее отец или дед; если же нет их уже в живых, то она становится вполне самостоятельным лицом, равноправным с мужем. И именно свободный брак, а не формальный, сопряженный с разными

---

[1]) См. проект законов о браке, семье и опеке, с об‘яснительной запиской Д. И. Курского. 1925 г., ст. 2.

В несколько смягченном виде это положение проведено в ст. 128 проекта нового кодекса законов УССР „о семье, опеке, браке и об актах гражданского состояния“.

[2]) Проф. С. З. Каценбоген. Спорные вопросы в учении о происхождении брака и семьи 1923 г., стр. 13.

[3]) По поводу эволюции формы установления брака посредством покупки в Германии (**Verlobung u Traung** —обручение и передача, вверение—**Selbstverlobung u Selbsttraug**) см. **Sohm, Institutionen**. 1901, стр. 431, прим.

церемониями и обрядностями, привился среди римлян,—отличавшихся, как известно, трезвым умом и рано сумевших освободиться от жреческого дурмана,—и к концу республики стал общим правилом. В связи с этим установилась также свобода бесформального расторжения брака по одностороннему заявлению кого-либо из супругов. Только институт свободного брака встречается в Юстиниановом праве, оказывавшем по мере усиления рецепции его все большее и большее влияние на европейскую культуру. По некоторым германским партикулярным законодательствам руководящая роль в семье, правда, принадлежала мужу, как авторитетному опекуну над женою (mundium)[1]). Но это не касалось формы заключения брака. Идея свободного брака, заключаемого в силу простого соглашения брачущихся и не сопровождаемого никакими официальными формальностями, так укоренилась на Западе, что все усилия церкви принять этот институт в свое исключительное ведение, долгое время оставались безрезультатными. Но чего не удалось ей достичь на Западе, то церковь осуществила в раболепной Византии. Уже со II века она стала требовать, чтобы брачный союз совершался с ведома епископа, при чем изобретен был церемониал этого акта: жених и невеста являлись в церковь, слушали литургию и молитвы всей общины о их благоденствии и мирном житии, после чего приобщались и благословлялись епископом. Забыли при этом, что основатели христианской религии вовсе не установили определенной формы заключения брака. Когда христианская церковь стала государственной, она поспешила провозгласить принцип, согласно которому брак является не только частным союзом, но и таинством. Преобладающее значение по этой теории имеет религиозная сторона, но не соглашение брачущихся, что без обиняков и своеобразно красноречиво отметил бывший учитель права и отец церкви Тертуллиан, признав брак, не более, и не менее, как аппаратом для производства членов церкви. Понятное дело, что при таком направлении и прекращение брака не могло быть предоставлено усмотрению состоящих в нем. Однако, общего распространения требование церковного благословления браков не получило. Для тех христиан, которые пренебрегали этим требованием, и для лиц других исповеданий обязательными были греко-римские законы, по которым признавались действительными браки, заключенные на основании простого бесформального согласия брачущихся. Так, напр., по указу Феодосия и Валентина (428) фактические брачные отношения, подтверждаемые взаимным согласием сожительствующих и удостоверяемые друзьями, признаются юридическим браком со всеми вытекающими из этого последствиями, хотя бы такому союзу и не предшествовали какие бы то ни были церемонии. Правило это воспроизведено в Юстиниановом законодательстве, но вместе с тем установлены были им некоторые формальности в виде составления письменных документов о приданом и брачном даре. Впрочем, это требование впоследствии сохранено было только для лиц высших рангов [2]).

В 893 г., по указу византийского императора Льва Мудрого, вводится обязательное церковное венчание. Но прошло еще целых два века, пока этот указ при Алексее Комнене был распространен также на крепостных и рабов. Запад, однако, продолжал упорствовать, открещиваясь от церковного венчания, и смотреть на брак, как на частное дело. Правда, была одна попытка до известной степени

[1]) Современное германское право этой своеобразной опеки мужа не знает.
[2]) Nov. CXVII.

унифицировать вступление в брак. Это было распоряжение Карла Великого, поручившего епископам и пресвитерам вместе с старейшинами предварительно исследовать родство желающих бракосочетаться, при чем в случае благоприятного результата проверки должно было последовать священническое благословление брака. Но так как это распоряжение не имело вовсе санкции и противоречило взглядам общества, то оно осталось безо всякого эффекта. Церковное благословление так и не привилось на Западе вплоть до второй половины XVI века. В это время Тридентский собор, верный принципам „reservatio mentalis", очень осторожно подошел к установлению обязательной формы заключения брака, об'являемой законною, а потому единственно влекущею за собой правовые последствия. Существовало ярко выраженное стремление создать удобный повод к возвращению в лоно католической церкви заблудших овец в лице приверженцев Лютера и других протестантов. Вот что постановил этот знаменитый собор: Желающие вступить в брак должны выразить свое взаимное согласие в присутствии трех свидетелей, одним из которых обязательно должен быть приходский священник. Но последний фигурирует лишь в качестве достоверного свидетеля, а не в роли совершителя брака. Из этого практика выводила, что священник может присутствовать лишь пассивно; важно только для юридической силы брака, чтобы он воспринял заявления сторон о желании их вступить в брак. Целью всей процедуры выставляется установление публичности, гласности браков; церковное же благословление на брак собором усиленно рекомендуется попутно, под шумок [1]). Старания Тридентского собора, однако же, в цель не попали. Хотя, по словам Лютера, брак—дело почтенное, святое и имеющее чрезвычайно важное значение в жизни человека, но брак—не таинство, а такое же мирское дело и предмет попечения для государства, как пища, питье, одежда, жилище. И хотя лютеране не шли на регистрацию к католическим священникам, в Германии укрепился обычай пасторского благословления на брак, как акт передачи невесты жениху, вверения ее заботливости будущего мужа (Trauung).

Так или иначе, но церковь захватила в свое ведение институт брака, и такая участь постигла также вопрос о разводе. Если в Риме и первоначально у новых народов развод составлял частное дело супругов, допускаясь даже по одностороннему желанию одного из них, то церковь наложила на эту свободу свою тяжелую руку. Греко-католическая церковь ввела пресловутые поводы к разводу, а римско-католическая церковь в этом отношении пошла еще дальше, разрешив только „разлучение от стола и ложа", раздельное жительство супругов, но без права вступления в другой брак [2]).

Свободный брак оказался в корне уничтоженным.

* * *

Для монополизации церковью формы заключения брака и расторжения его старались найти надежную опору в разных канонических текстах. Но особенно охотно оперировали иногда для оправдания догмата о таинстве брака, о тайне супружества, как озаглавил свое

---

[1]) Если, т. о., центр тяжести лежит в гласности, то и нет нужды повторять церемонию заключения брака по тридентским правилам, раз гласность была соблюдена. Поэтому прав Regnault (Le mariage, 1903, стр. 15-17), когда об'ясняет: „Lorsque deux protestants ou deux juifs déjà mariés se convertissent au catolicisme, point n'est besoin d'une benediction nuptiale nouvelle.—Французская теология истолковала тридентские правила в том смысле, что только венчание, как таинство, приобщает браку юридические последствия.

[2]) Separatio quoad mensam et thorum.

исследование проф. М. И. Горчаков, с известным фрагментом Дигест, приписываемым юристу Модестину. Этот источник казался особенно привлекательным, ибо за ним числился авторитет „писанного разума“.

Модестину, „последнему из могикан“, заключающему собой блестящий список корифеев римской юриспруденции, приписывается знаменитое определение брака, гласящее так: Nuptiae sunt conjunctio maris es feminae et consortium omnis vitae; divini et humani juris communicatio, т. е. „брак есть союз мужчины и женщины и об‘единение их на всю жизнь; общение по божескому и человеческому праву“.

Приведенное определение, изложенное в 1.1 D. de ritu nupt. 23,2, требует к себе сугубого внимания и тщательного анализа.

Наиболее характерным и в то же время сомнительным местом в указанном фрагменте является последняя часть его, определяющая брак, как общение по божескому и человеческому праву.

Спрашивается: откуда у Модестина, язычника, жившего в III веке по Р. Х., взялась эта специфическая характеристика брачного союза, встречающаяся в учениях отцов церкви? Или сила христианских идей в период жизни этого юриста была так велика, что он незаметно для себя подпал под их влияние?

Обратимся сначала к исследованию этого вопроса. Как известно, христианство с течением времени надолго стало культурным элементом европейского миропонимания. Но это произошло значительно позднее. С другой стороны, мы уже видели, с каким упорством послеримский Запад сопротивлялся стараниям духовенства облечь брак в церковную форму. Для ученого же мира руководящим при этом правилом служил принцип, выраженный в 1. 30 D. de R. I., в силу которого: Nuptias non concubitus, sed consensuns facit, при чем центр тяжести передвигался на момент взаимного согласия. Соответственно этому брак стал рассматриваться как устанавливаемый на основании взаимного согласия нравственный союз, в котором физический элемент отступает на задний план и который создается в силу неформального договора.

Таким образом, гипотеза о влиянии на Модестина христианского представления о браке отпадает.

Проблема, содержащаяся в занимающем нас фрагменте, требует для своего раз‘яснения иного подхода.

Как известно, определение Модестина дословно перешло в каноническое право. Попав первоначально в знаменитую Эклогу Льва Исаврянина и Константина Копронима (ekloge ton nomon) VIII века, оно оттуда заимствовано было Кормчей книгою, 49 главу которой и составляет Эклога под названием Главизны Леона, царя премудрого, и Константина, верного царя. „Вот“ и дословный текст фрагмента Модестина, воспроизведенный в Кормчей: „Брак есть мужа и жены сочетание, бытие всей жизни, божественные же и человеческие правды общение!“ Отсюда вытекает, что в VIII веке, т. е. пятьсот лет спустя появления в свет соответствующего сочинения Модестина приписываемое ему определение брака не возбуждало сомнений.

Однако, совершенно ясно, что, если догма о таинстве брака могла утвердиться только в конце IX века и то лишь на Востоке; если весь Запад бережно отстаивал свободное и не связанное никакими стеснительными религиозными обрядами заключение браков, то в период жизни Модестина приписываемый ему взгляд на брак, как на учреждение, основанное на общении по „божескому закону“, отзывается юридическою ересью. И не наводит-ли при том на некоторое размышление то обстоятельство, что в Институциях ничего об этом divinum jus

по поводу брака не говорится? В § 1 F. de patr. pot. (1,9) читаем: Nuptiae autem sive matrimonium est viri et mulieris conjunctio, individuam consuetudinem vitae continens. Напомним, кстати, что Дигесты и Институции составлены были одновременно. Все это, вместе взятое, дает основание отнестись к последней части приведенного Модестиновского фрагмента с некоторым подозрением. Мысль о том, что она внесена была впоследствии каким-либо богобоязненным переписчиком Дигест, напрашивается сама собою. Весьма вероятно, что мы здесь имеем дело с интерполяциею. Но если это так, то ускользает один из главных козырей, которыми подкрепляли обоснованность церковного венчания.

* * *

Итак, свободный брак был в корне уничтожен, уступив место церковной форме заключения брачного союза. Но уже в самой постановке вопроса о венчании, как она выявилась на Тридентском соборе, заключались данные для огосударствления этого института. Ибо главнейшею целью церковной формы тридентское постановление выставило обеспечение публичности, гласности бракосочетаний, конечно, с применением reservatio mentalis. Казалось, почва для перехода к светской регистрации была достаточно подготовлена. Но непосредственно введение гражданского брака обусловлено было практическими потребностями и возникновением значительного количества религиозных обществ, отделившихся от господствующей церкви. Начало светской регистрации браков—если не считать скоропреходящего опыта Кромвеля, отмененного реставрированными Стюартами,—сделано было в Голландии. Там положение диссидентов было особенно тяжело, так как их, для получения благословения на брак, заставляли обращаться к чуждым им кальвинистским священникам. Решилось придти на помощь протестантам и правительство Людовика XVI, установив для них альтернативу регистрировать брак или у католического священника, или у местного судьи. Но в воздухе уже носились другие идеи. Ж.-Ж. Руссо убежденно и убедительно доказывал, что брак—не более, и не менее, как гражданский договор и что пора оставить догмат о его таинстве. Вскоре вспыхнула великая французская революция, восстановившая до известной степени и свободный брак. Закон 1791 г. провозгласил принцип, по которому брак рассматривается как частное соглашение[1]). Но вслед затем, в 1792 г., введен был гражданский брак, которому единственно присваивается способность произвести правовые последствия. Своим острием эта новая форма заключения брачного союза, конечно, направлялась против церковного венчания, которое об'явлено было факультативным. Но введением регистрации браков, в сущности, подрывается смысл декларации 1791 г. о том, что брак n'est qu'un contrat civil, так как регистрационный порядок означает установление государственного надзора за совершением брака, который таким образом уже перестает быть только частным делом [2]). Участие чиновника, ведущего записи гражданского состояния, обеспечивает не только правильность формы совершения брака, но вместе с тем предупреждает юридически недопустимые браки. Для этой цели обращается внимание широкой публики на предстоящий брак посредством своевременного

[1]) La loi ne considère le mariage que comme un contrat civil.

[2]) Частным делом брак мог считаться по каноническому праву; церковным брак является по постановлению Тридентского собора и по различным протестантским уставам.

оглашения [1]). Законы 1791 и 1792 г. г. внесли известную двойственность в понятие о брачных документах. Под брачным актом стали понимать запись, вносимую чиновником по ведению актов гражданского состояния в соответствующую книгу и служащую основанием для известных прав. Под брачным же договором подразумевают договор, совершаемый у нотариуса до брака и регулирующий имущественные отношения будущих супругов. Публичность введенной во Франции системы регистрации браков еще усилилась благодаря тому, что она введена была для всех, безотносительно к вероисповеданию брачущихся.

Гражданский брак на протяжении ста лет с небольшим совершил свое победоносное шествие по всей Европе. Только самые отсталые страны не восприняли его. После того, как по биллю лорда Дж. Росселя в Англии в 1836 г. введен был факультативный гражданский брак, голландский кодекс в 1838 г. установил гражданскую форму бракосочетания. Италия последовала этому примеру в 1866 г., в Испании и Португалии брак введен был лишь для некатоликов [2]). Но в Германии (1875), Швейцарии (1876) и Венгрии (1894) гражданский брак введен как обязательная для всех форма совершения браков.

Гражданский брак выдвинут также как орудие борьбы государства с церковью. Понятно, поэтому, что прежняя Россия не знала этой формы заключения брака, как общего правила; даже проекту гражданского уложения она неизвестна. Только браки раскольников, впоследствии официально названных старообрядцами, приобретали законную силу посредством внесения записей о них в установленные при полиции метрические книги. Правда, в законе 1874 г. было сказано, что предшествовавшее записи брака исполнение соблюдаемых между раскольниками брачных обрядов ведению полицейских чиновников не подлежит, из чего сенат сделал вывод, что актом, служащим основанием брачного союза раскольников, закон признает религиозный акт венчания, но не запись в метрические книги [3]). Такое мнение было вызвано заключением А. Ф. Кони по делу Парфенова, судившегося за двоеженство. Кони полагал, что закон 1874 г. гражданского брака не вводил и что запись раскольничьего брака в метрическую книгу лишь удостоверяет предшествовавшее событие венчания. Но так толковать значит насиловать юридическую норму. Как известно, лишь в 1906 г. старообрядческие священники были официально признаны. Спрашивается, каким же образом можно было придавать официально законное значение совершаемым ими религиозным актам, пока раскольничьи священники еще не были оформлены? Совершенно ясно, что приведенное решение страдает противоречием. С другой же стороны, не следует забывать, что и после 1906 г. гражданский брак в России не может считаться вышедшим в тираж. Ведь, остались же еще раскольники-беспоповцы и баптисты, для которых гражданская форма брака сохрани-

---

[1]) Колер (Kohler). Современное гражданское право Германии (перев. под ред. проф В. М. Нечаева). 1910 г. стр. 322 (Holtzendorffs Enzyklopädie der Rechtswissenschaft; Bürgerl. Recht).

[2]) По испанскому кодексу 1887 г. гражданская форма заключения брака для не католиков состоит в том, что оба брачущиеся или один из них в сопровождении специально уполномоченного представителя другого и двух дееспособных свидетелей являются к местному судье, который оглашает относящиеся к правам и обязанностям супругов законы, спрашивает, по взаимному-ли согласию заявители хотят вступить в брак и, получив утвердительный ответ, об'являет брак заключенным, при чем акт об этом подписывается всеми перечисленными лицами.

[3]) Решение сената № 69—1902 г. См. у Тютрюмова, Законы гражданские. 2-ое изд. стр. 27 Этот взгляд самым решительным образом был опровергнут Розенблюмом в Журнале юрид. общ., март 1895 г.

лась в полицейской обстановке [1]). Предоставляя старообрядцам совершать те или другие брачные обряды, закон не придавал им никакого юридического значения, считая их вполне безразличными и, следовательно, в отношении указанных лиц, признавая только гражданскую форму брака [2]).

* * *

Законы о семье и браке принадлежат к числу первых законодательных актов, изданных Советской властью. Уже в декабре 1917 г. опубликован был декрет о гражданском браке, детях и ведении актов гражданского состояния. К нему примыкает и декрет о расторжении брака. Через год после октябрьской победы, а именно 22 октября 1918 г. (С. Уз. и Расп. Раб. и Крест. Прав. № 76—77, ст. 818), вышел „Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве“, который в общем и целом продолжает действовать и поныне на территории Союза ССР [3]). Новая власть не могла не начать своей законодательной работы с урегулирования семейственного права, ибо семья есть основная клетка, на которой зиждется общественность, являясь основным атомом организованной социальной жизни [4]). И немецкий комментатор нашего гражданского кодекса с удовлетворением отмечает, что семейственное право—единственная область частного права, которая не была уничтожена (beseitigt) диктатурою пролетариата [5]). Но если вспомнить, что рождение, брак и смерть являются предположениями почти всех прав, присваиваемых гражданину, что с моментом появления человека на свет связывается его правоспособность, и что смерть, в свою очередь, становится основанием для прав других лиц, то и понятно, что этот краеугольный камень советского строительства не мог быть заброшен ни на минуту. Не остановился, однако, немецкий комментатор советского права на оценке того исключительного по важности переворота, который совершил Кодекс законов об актах гражданского состояния в брачном праве молодой республики. Между тем, этот Кодекс перевернул вверх дном все основы прежнего брачного права. Если вкратце формулировать социальное значение этого нового законодательства, то его можно выразить в следующих положениях: 1) Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве заменил церковный брак гражданским или светским браком, лишив религиозный акт церковного венчания всякого правового эффекта; 2) Кодекс этот установил принцип полного равноправия обоих супругов в браке и 3) этот Кодекс принял за базу взаимоотношений между родителями и детьми действительное происхождение последних от первых, следовательно, принцип кровной связи.

Эти основные начала категорически проведены в кардинальных статьях кодекса, из которых 52-ая устанавливает, что только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов и что брак, совершенный по религиозным обрядам и при содействии

---

[1]) Проф. А. Г. Гойхбарг. Брачное, семейное и опекунское право Советской Республики. 1920 г., стр. 8.

[2]) Проф. Н. С. Суворов. Гражданский брак. 1896 г., стр. 127.

[3]) Об УССР и Азербайджане см. выше.

[4]) Проф. К. Д. Кавелин. Очерк юридических отношений, возникающих из семейного союза. 1884 г., стр. 9.

[5]) Dr. Heinrich Freund. Das Zivilrecht Sowjetrusslands. 1924, стр. 16.—Что касается отношения Советского законодательства к частному праву, то об этом см. выше.

духовных лиц, не порождает никаких прав и обязанностей для лиц, в него вступивших, если он не регистрирован установленным порядком. А ст. 133 провозглашает: Основой семьи признается действительное происхождение. Никакого различия между родством внебрачным и брачным не устанавливается.

Отсюда явствует, что законы о браке и семье преследуют двойную цель: с одной стороны,—они направлены на борьбу с церковным венчанием, а с другой—на обеспечение интересов жен и детей, этих фактически более слабых элементов, несмотря на проведенное равноправие супругов. Достижению указанных целей должна содействовать публичность браков, совершаемых в специально для этого предназначенном помещении [1]). В силу принципа публичности вступающим в брак и региструющим его в отделе записей актов гражданского состояния предоставляется брать с собой своих друзей и приятелей, и даже всякий посторонний гражданин в праве присутствовать при производстве регистрации [2]).

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве далек от совершенства. Включение в него множества статей, имеющих лишь делопроизводственное значение, неуместно и без основания увеличивает его об'ем. Но помимо этих формальных недостатков, Кодекс во многих отношениях себя пережил. Свыше семилетний возраст его при условиях советской действительности уже сам по себе говорит за необходимость его пересмотра. УССР, не в пример другим советским республикам (точнее, именно в пример им) уже выработала проект „Кодекса законов о семье, опеке, браке и об актах гражданского состояния“ (в который, впрочем, попали и законы о праве граждан изменять свои фамилии и имена и о признании лица безвестно отсутствующим или умершим), а в РСФСР ждет своей дальнейшей судьбы „проект кодекса законов о браке, семье и опеке 1925 г.“, снабженный об'яснительной запиской Д. И. Курского, одобренный Советом Народных Комиссаров названной республики, но окончательно еще не принятый Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

Указанный проект уже подвергся легкому пересмотру, а затем поступил на обсуждение второй сессии ВЦИК, происходившей в октябре минувшего года. Но там справедливо нашли, что проект требует значительно более широкого и более обстоятельного обсуждения и что он не должен быть пропущен под шумок [3]).

Основным мотивом, руководившим выработкой этого проекта, послужило то соображение, что новый, революционный быт опередил законодательство о семейном праве.

Посмотрим, насколько это соображение соответствует действительности и насколько проект удовлетворяет своему назначению. Согласно поставленной себе задаче, ограничиваемся вопросом о брачном праве.

---

[1]) Код. зак. об акт. гр. сост., ст. 54. Только в исключительных случаях допускается отступление от этого общего правила. Это имеет место при совершении бракосочетания на судне во время плавания, а также когда медицинским свидетельством удостоверяется, что один из брачущихся по болезни не может явиться в присутственное место.

[2]) Гойхбарх, там-же, стр. 23.

[3]) Бранденбургский. К дискуссии о проекте брачного и семейного кодекса в „Еж. Сов. Юст.“ № 46--1925 г.

* * *

Кажется, ни одна проблема не стала за последнее время у нас так популярна, не вызвала такой массы толков, судов и пересудов, как вопрос о сущности, социальном и юридическом значении брака и связанных с ним отношений. Только XIV-й С'езд временно отвлек внимание от этой темы и заслонил собою жгучий, необыкновенный интерес, с которым относятся к нашему вопросу граждане на всем протяжении территории Союза ССР.

Вот в какой плоскости, в сущности, стоит проблема: а) всякое-ли сожительство мужчины с женщиной, хотя бы и постоянное и добровольное, следует считать супружеством? и б) можно-ли признать, что наше общество уже доросло до высшей формы брака, не нуждающейся ни в какой регистрации?

Дать удовлетворительный ответ на эти вопросы можно только по выяснении самого понятия о браке. Но проект НКЮ РСФСР, ни в своем первоначальном, ни в исправленном СНК виде, и не пытается этого сделать,—в чем его некоторые упрекают. Однако, не следует забывать, что определения понятий и институтов права вообще редко удаются законодателю. А в отношении брака это вдвойне верно. Кажется, до сих пор попытка Модестина еще никем не превзойдена; но и это определение, как показано было выше, требует известных поправок и сужения. Каким, напр., бледным и бессодержательным, по сравнению с ним, представляется определение брака, данное Народным Комиссариатом внутренних дел РСФСР в его проекте, внесенном им в комиссию Совета Народных Комиссаров, рассматривавшую означенный проект кодекса законов о браке, семье и опеке ранее поступления его на обсуждение сессии ВЦИК'а. НКВД считает браком: „Свободный договор мужчины и женщины о признании друг друга супругами“ [1]). Но в таком случае сам собой напрашивается вопрос о том, что же такое супруг, и проект остается в долгу с ответом на него.

Собственно брачного права первоначальный проект НКЮ касается лишь в своем разделе первом, распадающемся на три главы, из которых первая в двух статьях (ст. ст. 1 и 2) излагает общие положения, вторая глава (ст. ст. 3-5) посвящена условиям регистрации брака и, наконец, третья глава, самая обширная (ст. ст. 6-18), трактует о прекращении и расторжении брака. С кодификационной точки зрения, весь указанный раздел проекта заслуживает сплошного порицания. Прежде всего, бросается в глаза полное несоответствие заглавия главы III своему содержанию. Эта глава содержит в себе какое-то попурри положений, могущих иметь известное касательство к отношениям, связанным с брачным сожительством: он вовсе не ограничивается регулированием прекращения и расторжения брака. Чтобы в этом убедиться, достаточно будет обратиться, по очереди, к статьям проекта, следующим за ст. 8, а именно, от ст. 9 до ст. 14 включительно. О чем только в них не говорится?! Там изложено, какую фамилию могут носить лица, состоящие в браке (9), о гражданстве брачущихся (10), об имуществе, нажитом супругами в продолжение брака (12), о заключении супругами между собой имущественных сделок (13), о взаимной материальной поддержке супругов (14) и о другом. И весь этот пестрый конгломерат фигурирует под общей рубрикой: прекращение и расторжение брака. Поистине странная кодификация. С внешней стороны нужна была

[1]) Этот проект НКВД уже получил справедливую оценку в печати. См. статью Домбровского в „Еж. Сов. Юстиции, № 30—1925 г.

здесь схематическая чистка с оставлением под этой рубрикой лишь статей 6-8 и 15-18. Не более удачны и другие две главы. Но их несоответствие обнаружится из рассмотрения проектируемой нормировки по существу, к чему мы теперь и переходим. Заметим, однако, что некоторые из указанных крупных недостатков проекта не могли не обратить на себя внимания при обсуждении его в Совнаркоме. Так, прежде всего, выделены в исправленном проекте в отдельную третью главу статьи, трактующие о правах и обязанностях супругов, а в четвертую главу включены статьи, касающиеся вопроса о прекращении брака. Но этим далеко еще не устранены все недостатки проекта.

Центром тяжести его является красной нитью проходящий через него принцип официального признания фактических брачных отношений. А так как фактическое состояние логически противопоставляется состоянию правовому, юридическому, то удивительно-ли, что обывательский ум уже окрестил фактические брачные отношения именем „незаконного брака“ в противоположность браку законному, зарегистрированному? К подобной профанации благой идеи сами составители проекта подали досадный повод. Ведь они заявляют, что „лица, фактически состоящие в брачных отношениях, не зарегистрированных“ „законным порядком“, в праве во всякое время оформить свои отношения путем регистрации, (ст. 2) [1]). Таким образом, выходит, что, с одной стороны, нельзя не сознаться, что официально допущен фактический брак, а с другой стороны нельзя не признаться, что исходным моментом при регулировании брачных отношений считается „законный порядок“ совершения брака, хотя проект и уверяет, что регистрация брака устанавливается только с целью облегчить охрану личных и имущественных прав и интересов супругов и детей (ст. 1). Отсюда проистекает первородный грех всего проекта—невыдержанность положений и старание соединить несоединяемое. Не мудрено, что при такой постановке дела проект мало кого удовлетворяет, о чем красноречиво свидетельствует стенографический отчет второй сессии ВЦИК XII созыва 1925 г. Не удивительно также, что проектируемое официальное уравнение зарегистрированных и незарегистрированных браков не могло не вызвать иронического отношения к сохранению процедуры регистрации браков. В саркастической поэме Демьяна Бедного эта мысль получила особенно яркое выражение. В самом деле, не будет-ли, говорит поэт, все равно:

„Что брак юридический,
„Что нигде незаписанный, вольный, фактический.
— „Так на кой же чорт регистрировать брак,
„ Если . . . . можно и так?!

Регистрация по проекту, действительно сводится к какой-то скучной, лишней и бесцветной процедуре. Сравнивая регистрацию браков в том виде, в каком она существует по действующему законодательству, с регистрацией, предположенной ко введению проектом, Раевич справедливо замечает, что вся разница между ними аналогична разнице между значением письменной формы для сделок, в отношении которых она предписана под страхом недействительности, и значением этой же формы в тех случаях, когда она избирается сторонами, по закону к тому вовсе не обязанными[2]). Однако, полного уравнения

[1]) В новом своем виде—после обсуждения в Совнаркоме РСФСР—проект, правда, заменил выражение „законным порядком“ словами „установленным порядком“, но сущность дела этим не меняется.

[2]) С. Раевич. „Проект кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР“ в журнале „Советское право“. № 3 (15)—1925.

между „юридическим" и "фактическим" браками все же не проведено. Половинчатость исходных моментов проекта не могла не привести к известным противоречиям. Так, напр., право носить общую фамилию, согласно ст. 9 первоначального и ст. 6 исправленного проекта, принадлежит только лицам, состоящим в зарегистрированном браке. Но если с нераспространением на них этой привилегии фактические супруги еще могут примириться, то значительно серьезнее другое положение, вводимое проектом и низводящее „фактических" на положение супругов второго разряда. Примечание к ст. 14 первоначального проекта служит блестящей иллюстрацией того самопротиворечия, в которое впали составители проекта. Вот как гласит это примечание: „правом на получение содержания пользуются также и лица, фактически состоящие в брачных отношениях, хотя бы и незарегистрированных, если лицо, обязанное выплачивать содержание, не состоит в зарегистрированном браке, или хотя и состоит, но живет отдельно от лица, состоящего с ним в зарегистрированном браке".

Значит, фактический супруг не обязан поддерживать нуждающегося другого фактического супруга, раз первый из них числится в зарегистрированном браке. Последний может таким образом служить патентом на полигамию. Но могло ли бы такое положение соответствовать классовому правопониманию? Ведь, в сотнях и тысячах случаев женщина—она в огромном большинстве случаев продолжает быть более слабой стороною—и не подозревает, что лицо, находящееся с ней в фактических брачных отношениях, состоит в зарегистрированном браке. Т. Яхонтов и другие категорически требуют, чтобы супружеские права лиц, вступивших в фактические брачные отношения, не охранялись законом, раз их сожители состоят с другими лицами в зарегистрированных браках, а т. Крыленко усматривает в этом требовании „какой-то своеобразный юридический фетишизм", „какое-то своеобразное преклонение перед буквой закона"[1]). И в самом деле, не следует слишком перегибать дугу. Если дело идет об алиментах, то не может быть сомнения в том, что супруг, состоящий в зарегистрированном и незарегистрированном браке, одинаково принимает на себя обязанность материально поддерживать тех лиц, с коими находится в брачных отношениях, когда наступают предположения, при наличии которых эта обязанность должна быть исполнена. Нельзя материально наказывать женщину за то, что она сошлась с мужчиной, который состоит с другой женщиной в зарегистрированном браке, как это предлагает делать проект.

Но другой вопрос, как формулировать такое двойное (а, может быть, многократное) брачное состояние. Ведь зарегистрировать второй брак, пока не аннулирован значащийся в регистрационных книгах, нельзя. Заявляющий такую просьбу совершает преступление, скрывая, что состоит в зарегистрированном браке. Но тут опять - таки вспоминается мефистофельский вопрос: „На кой-же чорт регистрировать брак, если можно и так?" Проект же определенно устанавливает, что именно „так можно", в виду чего т. н. фактический брак любвеобильным суб'ектам покажется куда привольнее, нежели брак юридический. Чтобы спасти это, уже на первый взгляд рискованное положение, проект украинского кодекса внес существенное ограничение. В силу ст. 128 Кодекса законов о семье, опеке, браке и акт. гражданского сост. УССР, фактический брак при условии, если он продолжался не менее двух лет или сопровождался беременностью женщины или

---

[1]) См. указанный выше стенографический отчет II сессии ВЦИК XII созыва.

рождением ребенка, влечет за собой, в случае установления его по суду, а в отношении сторон также и взаимным признанием, те же правовые последствия, что и брак зарегистрированный[1]). В общем и целом точка зрения украинского законодательства правильна. Нельзя лишь согласиться с введенным им „пробным браком“ с его двухлетним искусом. Римляне знали нечто подобное в виде узуса, приобретения прав мужа посредством годичной давности.

Но, ведь, времена изменились.

Впрочем, надобно заметить, что Совнарком РСФСР уже успел исправить злополучное примечание ст. 14 проекта, опустив его последнюю часть. В новом своем виде примечание гласит: „Правом на получение содержания пользуются также и лица, фактически состоящие в брачных отношениях, хотя бы и незарегистрированных“ [2]). Нам, однако, важно было привести и первоначальный текст примечания, несмотря на его логическую и юридическую несостоятельность все еще имеющий приверженцев.

* * *

Мы, наконец, вплотную, подходим к рассмотрению кардинальнейшего вопроса о том: быть или не быть регистрации браков?

Действующий кодекс в своей ст. 52 категорически определяет: „Только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражд. состояния, порождает права и обязанности супругов“. По проекту РСФСР значение официального оформления браков существенно ослаблено, так как, согласно ст. 1, его регистрация устанавливается с целью облегчить охрану личных и имущественных интересов супругов и детей, являясь, по словам т. Курского, лишь техническим средством удостоверения определенного факта [3]). Украинский проект в этом отношении менее радикален, установив, что „брак подлежит регистрации в органах ЗАГС“. Своей первоначальной точке зрения на этот вопрос проект РСФСР не изменил и в своем исправленном виде.

Но, спрашивается: нужна-ли регистрация вообще и, если нужна, то следует-ли ее признать обязательной или только факультативной?

Раздаются голоса, которые утверждают, что записи браков могут удовлетворять лишь любознательность статуправления. Но есть еще и другая группа противников регистрации, очень многочисленная и очень влиятельная, которая находит, что с падением капиталистического и церковного строя и уничтожением сословий исчезла почва для различения между оформленным браком и браком фактическим, а также что настала уже пора к открытому признанию факта, что мы, де, доросли до высшей формы брака, не нуждающейся ни в каких формальностях, а в частности, регистрации. Однако, было бы наивно утверждать, что с капитализмом уже покончено; кажется, это указание не требует пространного опровержения. Сословия у нас, правда, уничтожены, но не они только обусловливают собой потребность в официальной форме заключения браков. А когда уверяют, что церковный брак—институт, уже окончательно сданный в архив или, по крайней мере, вымирающий, и что регистрация, имевшая своей прямой задачей способствовать искоренению церковного брака, теперь стала уже

---

[1]) Проф. В. И. Сливицкий, в статье „Кодекс Законов УССР о семье, опеке, браке и актах гражданского состояния“ в журнале „Вестник Советск. Юстиции“, № 22 (56)1925 г.

[2]) В исправленном проекте ст. 11, примеч.

[3]) Об'яснительная записка, стр. 4.

излишней, то не слишком-ли смело это сказано? Думается, не время еще сказать регистрации браков: мавр, ты сделал свое дело, теперь можешь удалиться!

Уничтожьте сегодня регистрацию и вы увидите, что длинными вереницами, сотнями, тысячами и более, потянутся под венец желающие бракосочетаться, дабы как-нибудь официально, публично, гласно ознаменовать это важное в их жизни событие. И это верно не только применительно к многомиллионному крестьянству [1]). Известно, ведь, что ни в одной области жизненных отношений обрядности не сохранились в такой степени, как при вступлении в брак [2]).

Но самое главное—неправильная постановка вопроса у противников брачной регистрации.

Мы видели выше, что проект РСФСР о браке, семье и опеке, как и украинский проект, не дает определения брака. Мы видели также, что с известными оговорками и поправками характеристика, даваемая браку Модестином, является приемлемой. „Брак есть союз мужчины и женщины и об‘единение их на всю жизнь“, поскольку не наступят отменяющие его обстоятельства. Но этому определению недостает одного необходимого признака: нет указания на то, что этот союз поддерживается правом. Поэтому точнее будет определить брак, как признаваемое законом полное жизненное общение мужа и жены. Именно этот момент, признание института брака законом, имеет первенствующее значение. Супружеский союз вовсе не представляет только индивидуальный интерес, как утверждают те, кто полагает, что мы уже доросли до „высшей формы“ брака. Подобное рассуждение—не более, не менее, как приложение к условиям советской действительности узкой, индивидуалистической точки зрения.

Брак, как основа всего семейственного права, получает ярко выраженный публичноправный интерес и не может не быть нормируем законодательством. Заявлять же, что в отношении заключения брака нам никаких законов не нужно, значит впасть в рецидив старого естественного права, игнорируя тот огромный прыжок, который совершен, благодаря Октябрьской революции.

Регистрация браков должна быть сохранена, как обязательная мера, не только потому, что государство, как коллектив трудящихся, в ней заинтересовано; она нужна для предупреждения браков, социально вредных и противоречащих классовому правопониманию, особенно крестьянских масс; она нужна также для облегчения способов охраны личных и имущественных прав супругов. Против такой формы заключения брака не может быть приведено никаких серьезных возражений[3]). С прихотью же, с капризом отдельных граждан Советский строй считаться не должен, ибо не государство существует для гражданина, а гражданин—для государства. А без формы нет права, без

---

[1]) По статистическим данным число церковных венчаний в Москве и теперь составляет 25 проц. всех браков, подлежащих регистрации.

[2]) Ср. проф. М. А. Рейснер. Право: наше право—чужое право—общее право. 1925 г., стр. 88.

[3]) При нашей склонности к разгильдяйству и халатности, (справедливо замечает П. Лебедев в статье о революционной законности, в журнале „Револ. законность“. 1926 г. № 1—2), формы особенно важны, приучая к дисциплине и четкости взаимоотношений.

права же нет революционной законности, которая одна только прочно обеспечивает путь к строительству социализма.

„Достоинство формы в том и состоит, что она гарантирует известную свободу действий. Где нет формы, там люди не могут быть уверены в успехе своих действий. Форма есть враг произвола, спутник истинной свободы, школа порядка и дисциплины“ (Иеринг).

Но этим, конечно, еще не сказано, что исключается возможность и необходимость судебной защиты, в определенных случаях, взаимных имущественных и, в частности, алиментных претензий лиц, состоящих или состоявших друг с другом в фактических брачных отношениях.

Праф. М. Грёдынгер.

Думкі аб неабходнасьці выданьня грамадзянскага працэсуальнага кодэксу для Беларусі.

Пытаньне аб неабходнасьці перагляду Грамадзянскага Працэсуальнага Кодэксу РСФСР не выклікае ніякіх сумненьняў, і ў гэтым пытаньні разгалосься ня чутно. Амаль што трохгадовая юрыдычная практыка і імпэтны рух наперад нашага гаспадарчага жыцьця ў выстарчаючай ступені выявілі, побач з бясспрэчна добрымі бакамі яго, якія выгодна адрозьніваць гэты кодэкс ад чужаземных працэсуальных законадаўстваў, таксама і пэўныя недахваты, у ліку якіх, у першую чаргу, трэба адзначыць яго непаўнату і неадпаведнасьць некаторых палажэньняў грамадзянскаму звароту, які ўсё болей і болей разьвіваецца ў сучасны момант[1]). А тым часам падняцьце і пасьпяховае разьвіцьцё вытворчых сіл краіны мае сваёй асноўнаю прадпасылкаю праўную гарантыю маемасных праў грамадзян і іх аб'яднаньняў. Мала яшчэ дэкляраваць прызнаньне субстанцыянальнага моманту, які азначае зьмест праву,—трэба наймажліва шырака забясьпечыць момант фармальны, лёгкадаступную і рэальную абарону грамадзянскіх праў.

У сваім імкненьні адхіліць недахваты ў грамадзянска-працэсуальных кодэксах, савецкія законадаўствы ішлі да гэтых пор працярэбленаю сьцежкаю, ад выпадка да выпадку, уносячы ў кодэкс тыя дапаўненьні і папраўкі, якія выявіліся патрэбнымі. Яшчэ часьцей уважалі за лепшае шляхам ведамсьцьвеных цыркуляраў і далёка не заўсёды ўдалых разьясьненьняў прыйсьці на дапамогу неўразуменьням практыкі, часта пераступаючы граніцы, якія дазваляюцца падобнымі мэтадамі, і непрыметна пераходзячы ў ролю законадаўцы. Наскольки гэта ўзгадняецца з рэволюцыйнаю або савецкаю (па словах Антонава-Саратаўскага) законнасьцю,—іншае пытаньне, якога мы тутака датыкацца ня будзем[2]).

Толькі УССР адважылася падыйсьці да агульнага перагляду ГПК. Зацьверджаны Ўсеукраінскім ЦВК-там 30 ліпня 1924 г., украінскі

---

[1]) Бязумоўныя перавагі ГПК, коратка сказаць, выяўляюцца ў наступным: наданьне пракурору права як распачаць грамадзянскую справу, так і ўвайсьці ў справу ў любой стадыі працэсу, калі гэтага вымагае абарона інтарэсаў дзяржавы або працоўных мас (арт. 2); абмежаваньне прынцыпу дыспозытыўнасьці ў сэнсе няпрыняцьця ў ведомых акалічнасьцях адмаўленьня стараны ад належачых да яе праў і судовай абароны іх (арт. 2); імкненьне да выяўленьня матар'яльнае ісьціны, а ня толькі фармальнае праўды (арт. 5) і, у сувязі з гэтым, зьбіраньне довадаў па ініцыятыве суду (арт. 118); занядбаньне прынцыпу: judex ne eat ultra petita partium (арт. 179).

[2]) *В. Антонов-Саратовский* у артыкуле „о революционной законности“ зьмешчаный у часопісу „Рев. Законность“ № 1-2 1926 г.

грамадзянска-працэсуальны кодэкс уведзены ў дзейнасьць на ўсёй тэрыторыі гэтай рэспублікі ад 1-га кастрычніка таго самага году. Зьяўляючыся паважнаю законадаўчаю работаю, гэты кодэкс ва многіх адносінах мог-бы служыць узорам пры пераглядзе іншымі савецкімі рэспублікамі сваіх грамадзянска-працэсуальных нормаў.

Аднак, покуль што пытаньне аб кодыфікацыі грамадзянска-працэсуальнага законадаўства пасоўваецца наперад вельмі туга.

Ня мае ўласнага грамадзянскага працэсуальнага кодэкса і БССР, якая вось ужо трэці год нібы пазычкова карыстаецца кодэксам РСФСР і ўважліва сачыць за зьяўленьнем працэсуальных новэль у РСФСР. Апраўданьнем або, дакладней, аб'ясьненьнем гэтага зьявішча служыць, запэўна, амаль што поўная адсутнасьць навуковых сіл у законападгатоўчых органах—прабел, які пры ўсіх акалічнасьцях дрэнна адбіваецца на посьпеху законадаўчае работы [1]).

А тым часам практычная патрэба ў беларускім грамадзянска-працэсуальным кодэксе бязумоўна існуе, і падчас востра адчуваецца. Ня кажучы ўжо аб тым, што карыстаньне чужым кодэксам вельмі ўтрудняе практычнае ўжываньне яго на тэрыторыі БССР, бо апошняя мае свае асаблівасьці і асабістыя зьявішчы, якія патрабуюць асобнага падыходу да судовае абароны тых ці іншых адносін.

Ставячы сабе задачаю выданьне грамадзянскага працэсуальнага кодэксу для Беларусі, можна падыйсьці да разьвязаньня гэтае задачы двума спосабамі: або абмежавацца механічным аднаўленьнем ГПК РСФСР, унёсшы ў яго тыя вельмі нязначныя зьмены і дапаўненьні, якія ад часу ўваходжаньня гэтага кодэксу ў сілу ў БССР, г. з. ад 1 верасьня 1923 году, праведзены на Беларусі па прыкладу РСФСР,— або пачаць грунтоўны перагляд дзеючага грамадзянска-працэсуальнага законадаўства, не азіраючыся з боязьню назад на старэйшую сястру. І сапраўды, пара ўжо сьмець і ўласну думку мець. І гэта тым болей дазвольна, што не заўсёды законапраэкты, якія выходзяць ад РСФСР уяўляюць сабою «ultima ratio» законадаўчага мастацтва [2]). Але гэтым, зразумела, яшчэ мы не сказалі, што можна не заўважаць яе шырокага і багатага досьледу.

2.

У далейшым выкладзе дазваляю сабе прывесьці шэраг прапазыцый, якія маглі-б служыць будаўнічымі каменьнямі пры ўтварэньні беларускага грамадзянскага працэсуальнага кодэксу. Яны маюць падставу ў вывучэньні лепшых сучасных узораў працэсуальнага законадаўства, адпавядаючы вымаганьням тэорыі і, як здаецца, практычнага досьледу. Вось чаму, быць можа, гэтыя ўказаньні будуць мець пэўную цікавасьць, а ўнасімая мною лепта ня будзе дарэмнаю і паможа скрануць з мёртвага пункту палючае пытаньне аб выданьні грамадзянска-працэсуальнага кодэксу для Беларусі.

Тыя дапаўненьні і зьмены, якія да гэтых пор беларускае законадаўства ўнесла ў ГПК, да крайнасьці бедныя. Да гэтага часу лік іх не перавышае 15 [3]). Гэта артыкулы: 16, 23, 25, 186, 187а, 187б, 187в, 199, 200, 211, 242, 246, 271. Орыгінальнага, беларускага пачыну ў гэтых новэлях не відаць. Усе яны зьяўляюцца перадрукам адпаведных

---

[1]) Prof. Rosenberg. Die Zukunft der deutschen Zivilprozesswissenschaft DJZ, Heft 8; 1925

[2]) Яскравы прыклад—няўдалы проэкт кодэксу законаў „о браке, семье и опеке" 1925 г.

[3]) Гл. выдадзеныя Аддзелам Законадаўчых Проэктаў НКЮ БССР „Изменения и дополнения в кодексы (sis.) БССР" 1925 г.

маскоўскіх пастаноў, і толькі вельмі рэдка можна заўважыць просьветы ў напрамку самастойнага падыходу. З другога боку, прыняўшы шэраг новых палажэньняў (таксама, як вынік маскоўскага ўплыву), беларускае законадаўства, аднак, выкліканую імі патрэбу адначасовае зьмены адпаведных артыкулаў ГПК у большасьці выпадкаў адклала „ad calendas graecas“, да агульнага перагляду кодэкса,—спосаб у кожным выпадку не заслугоўваючы пахвалы. Так, напр., устанавіўшы пастановаю ЦВК і СНК за 29 красавіка 1925 году (З. З. № 29—1925 г., арт. 274) правілы аб парадку разгляду спраў аб парваньні шлюбаў, законадаўства не зрабіла expressis verbis адмены артыкула ГПК, датычнага да гэтага самага пытаньня. Толькі вядомае палажэньне „Lex posterior derogat lex priori“ дае выхад з утворанае завады. Заўважваецца таксама неўзгодненасьць у сувязі з уведзенным у дзейнасьць новым палажэньнем аб пасярэдніцкіх судох (Пастанова ЦВК і СНК БССР за 29 красавіка 1925 г.). Зрабіўшы проста зьмену арт. арт. 199 і 200 і пабочна зьмену арт. арт. 202 і 203 ГПК, законадаўства пакінула вісець на паветры арт. 201 гэтага кодэксу[1]). Гэтакія кодыфікацыйныя хібы здараюцца ня рэдка. Яны павінны быць абавязкова адсунуты пры пераапрацоўцы дзеючага цяперака на Беларусі грамадзянска-працэсуальнага законадаўства.

Дзеля большае відавочнасьці прапанаваныя мною зьмены адпаведных артыкулаў ГПК або дадаткаў да іх выкладаюцца ніжэй па парадку прынятых у гэтым кодэксе аддзелаў (часьцей і разьдзелаў). Пры гэтым лічу патрэбным заўважыць, што ў лік праэктаваных правіл я далучыў толькі найбольш істотныя ў практычных адносінах. Зразумелыя самі па сабе пераробкі, як, напр., замена абазначэньня РСФСР літарамі БССР і да г. п., якія ня могуць не зьвярнуць на сябе ўвагу пры дапасаваньні ГПК да Беларусі, тутака таксама не паказваюцца.

3.

ЧАСЬЦЬ ПЕРШАЯ.

Разьдзел I.

Асноўныя палажэньні.

Арт. 2-гі ў апошняй сваей часьці гаворыць: „Принятие отказа стороны от принадлежащих ей прав и судебной их защиты зависит от суда, при чем принятие судом такого отказа лишает сторону права обращаться с иском, основанным на тех же основаниях“.

Прыведзенае правіла, якое ўжо нарабіла ня мала бяды ў судовай практыцы, вельмі глыбака ўрэзваецца ў прынцып дыспозытыўнасьці і можа некаторы раз шкадліва адбіцца на інтарэсах працоўных. І сапраўды, ці заўсёды будзе справядліва пазбавіць цяжбеніка права аднаўленьня справы, калі яго адмаўленьне ад іску было прынята судом? Возьмем, напр., такі выпадак, калі адмаўленьне ад іску адбылася да пасяджэньня, назначанага для слуханьня справы. Як вядома, кожны грамадзянскі працэс устанаўляе праваадносіны таксама паміж старанамі[2]).

[1]) Параўн. прыведзеную пастанову з палажэньнем аб пасярэдніцкіх судох (З. З. № 29—25 г.).

[2]) Kohler Der Prozess als Rechtsverhältniss. 1888. Асабліва ст. 6—13. („Der Prozess ist cin Rechtswerhältniss unter den Parteien: er ist nicht ein Rechtsverhältniss zwischen den Parteien u dem Gericht“). Gontra Bülow. Die Lehre von den Praceseinwendungen 1886. Ст. 2—4. („Ein öffentreshtliches Vorwältniss zwischen Gericht u Parteien“). У нас Гольметен Учебник гражданского процесса Passim. Пры савецкім ладзе позыцыя Колера сугуба няправільная і аднабокая.

Але пытаньне ў тым: у які іменна момант гэта юрыдычная адносіна павінна лічыцца ўстаноўленаю для цяжбенікаў ці тагды, калі паслана павестка для вызаву адказчыка, ці тагды, калі пачынаецца даклад справы ў судовым пасяджэньні? Але апрача гэтых двух момантаў,—пасылкі павесткі і адчыненьня пасяджэньня, высоўваюць яшчэ і трэці, зазначаючы, што ўжо папярэдняя пісьменая падрыхтоўка справы да слуханьня замяняе сабою завязку справы, якая злучае супраціўнікаў. Аднак, нельга не згадзіцца з тым, што да адчыненьня вусных спрэчак працэс знаходзіцца ў стадыі зародку, з прычыны гэтага і адмаўленьне ад іску да адчыненьня спрэчак, здавалася-б, не павінна было-б спаткаць супярэчаньняў [1]). І такі пункт погляду лепшых статутаў грамадзянскага судавядзеньня [2]). І сапраўды, прывёўшы працэс да публічнага пасяджэньня, ісьцец у большай ступені зачапляе інтарэсы адказчыка як тагды, калі ён абмяжоўваецца толькі падгатаваўчаю стадыяю. Крэдыт адказчыка, яго грамадзкае становішча, яго рэпутацыя знаходзіцца ў большай небяспецы, зробленыя яму непакой і нявыгады, бязумоўна, большыя, калі процэс прыводзіцца да спрэчак [3]). Паказанае меркаваньне ў сувязі з пастаянна вынікаючымі на практыцы савецкіх судоў незразумелымі пытаньнямі высоўваюць вымаганьне аб удакладненьні апошняе часьці арт. 2 ГПК, або дапаўненьне гэтага артыкула ўвагаю ў тым сэнсе, што адмаўленьне ад іску назаўсёды, заяўленае да адчыненьня пасяджэньня па справе, ня можа быць адхілена і цягне за сабою спыненьне вядзеньня справы.

Арт. 4 зьяўляецца няпоўным. Ён устанаўляе, што за недастачаю законаў і распараджэньняў для рашэньня якое-небудзь справы суд рашае яе, кіруючыся агульнымі падставамі савецкага законадаўства і агульнаю практыкаю Р.-С. Ураду. Аднак, грамадзяне—як гэта абвешчана дэкрэтам 22 красавіка 1922 г. аб асноўных прыватных маемасных правох—павінны мець упэўненасьць у неадкладнай і моцнай абароне сваіх, законам прызнаваных грамадзянскіх праў у выпадку іх парушэньня. Фармальны момант, уласьцівы ўсякаму грамадзянскаму праву, не павінен быць эфэмэрным. Вось чаму ў аддзеле ГПК, які трактуе аб асноўных палажэньнях, трэба даць месца прынцыпу, прынятаму ва ўсіх культурных законадаўствах і сугуба важнаму ў умовах нашага ладу, правілу, па якому „забараняецца суду спыняць рашэньне справы па прычыне непаўнаты, няяснасьці, недастачы або супярэчаньня законаў". Гэтакае правіла павінна стаяць наперад тэксту арт. 4.

Далей, пажадана, сьледуючы ўкраінскаму ўзору, у арт. 11 адзначыць, што выпіскі і копіі папер і дакумантаў падлягаюць аплаце гербавым і канцылярскім зборам толькі ў паказаных законам выпадках. Бяз гэтакае агаворкі тэкст зазначанага артыкулу можа падаць повад да непаразуменьняў, паколькі і пракуратура мае права атрымоўваць азначаныя копіі і выпіскі.

Разьдзел II.

Прадстаўніцтва на судзе.

У гэтым разьдзеле патрабуе папраўкі арт. 14, які мае значныя заганы. Яго трэба было-б напісаць прыблізна ў наступнай рэдакцыі: „Дзяржаўныя ўстановы, дзяржаўныя прадпрыемствы, коопэратывы, таварыствы, грамады, саюзы і ўсе наогул аб'яднаньні, якія карыстаюцца

---

[1]) Grödinger. Zur Abänderung einiger Artikel der C.P.O. 1907.

[2]) Гл., напр. С.Р.О. № 271.

[3]) Kohler, там-сама, ст. 41-42.

правамі юрыдычнае асобы, падаюць іскі і адказваюць па іх праз установленыя законам, статутам або дагаворам органы". У сувязі з гэтым трэба зьмяніць канец тэксту арт. 19.

Разьдзел III.

Падсуднасьць.

Неазначальны і юрыдычна расплывчаты выраз „колектыў" павінен быць адхілены таксама ў арт. 27. У якасьці першае яго часткі трэба было-б паўтарыць проэктаваную рэдакцыю арт. 14—(або зрабіць адноску на яго). Незалежна ад гэтае зьмены карысна было-б дадаць да арт. 27 увагу, у якой-бы адзначалася, што дзейнасьць апошняга артыкулу не пашыраецца на маемасныя спрэчкі паміж дзяржаўнымі ўстановамі і прадпрыемствамі.

Па правілах дзеючага цяперака ў БССР грамадзянска-працэсуальнага кодэксу, не прадугледжана дазволенасьць дагаворнае падсуднасьці. А тым часам, строга гаворачы, няма выстарчальна важкіх меркаваньняў практычнага характару, якія-б гаварылі супраць пророгацыі. Забараняць сторанам устанавіць дагаворную мясцовую падсуднасьць, значыцьісьці вельмі далёка ў апеканьні грамадзян і іх організацый, а часамі і саўсім тармазіць грамадзянскі зварот. Бо нельга-ж забываць, што разьмежаваньне прасторавага ведамства судовых установ, галоўным чынам, мае на мэце інтарэсы старон; калі-ж апошнія самі выбіраюць суд, у якім будзе разглядацца мажлівая спрэчка паміж імі, то супярэчыць па сутнасьці ня прыходзіцца, за выняткам выпадкаў, калі падсуднасьць вызначана катэгарычна ў законе. З прычыны паказанага ў будучы грамадзянска-працэсуальны кодэкс БССР трэба было-б увесьці артыкул гэтакага зьместу: „За выключэньнем паказаных у арт. арт. 27 і 29 выпадкаў, стораны маюць права, па ўзаемнай згодзе, устанавіць дагаворную мясцовую падсуднасьць для разьвязаньня спрэчкі".

Разьдзел V.

Штрафы.

Арт. 52 ГПК у ўкраінскай рэдакцыі дапоўнены другою часткаю і ўвагаю. З прычыны мэтазгоднасьці гэтых дапаўненьняў яны заслугоўваюць, каб іх рэцыпіраваць. Другая частка паказанага артыкулу азначае, што заяўна недобрасумленнае вядзеньне справы цяжбенікі і іх прадстаўнікі могуць падпадаць штрафу ў разьмеры да 50 руб., а ўвага гаворыць: „На постановление о размере штрафов, предусмотренных настоящей главой (ст. ст. 49—52) допускается принесение частных жалоб в семидневный срок (ст. 249)".

ЧАСЬЦЬ II.

Іскавое справавядзеньне.

Разьдзел X.

Разьбіраньне справы.

Да паказаных у разьдзеле X артыкулаў пажадана ў пачатку дадаць правіла наступнага зьместу: „Народны судзьдзя або старшыня на судзе абавязаны да назначэньня справы к слуханьню прыняць усе меры і зрабіць усе патрэбныя распараджэньні к таму, каб справа магла быць заслухана на адным пасяджэньні".

Практыка даводзіць, што ня гледзячы на зьмешчанае у арт. 6 ГПК грознае правіла, справы часта адкладваюцца разглядам, асабліва часта зацягваючыся па тэй прычыне, што ня былі сваячасна, як трэба падгатаваны да слуханьня. На гэтую, уласьцівую ня толькі нашаму працэсу хібу, у апошнія часы зьвернута паважная ўвага і ў Нямеччыне [1]).

Нельга далей, не паказаць на карыснасьць ужытку ў праэктаваным беларускім грамадзянска-працэсуальным кодэксе другой часьці арт. 96 ГПК, запісаўшы яе, аднак, не як працяг памянёнага артыкула, а па лёгічнай сувязі яе, як працяг арт. 94.

Вось тэкст гэтай новэлі: старшынствуючы ў судовым пасяджэньні кіруе ходам судовага пасяджэньня і робіць распараджэньні, патрэбныя для падтрыманьня парадку ў пасяджэньні аж да выдаленьня ўдзельнікаў у справе, а таксама старонных асоб, якія ня слухаюць прызыву да парадку. На паказаных асоб, апрача гэтага, можа быць накладзена пакараньне ў відзе штрафу або арышту на тэрмін да двух тыдняў. Разам з гэтым пажадана таксама запазычыць увагу да гэтага артыкулу, устанаўляючую, што пастанова аб выдаленьні з салі судовага пасяджэньня не пашыраецца на прадстаўнікоў пракуратуры. Аб няправільных дзеях апошніх суд паведамляе належныя ўстановы пракуратуры дзеля падняцьця дысцыплінарнага прасьледаваньня супроць вінаватых і ў выпадку патрэбы зрабіць вызначэньне аб адкладзе справы.

У разьдзеле, прысьвечаным разьбіраньню справы, спыняе на сабе ўвагу вядомаю незаконачанасьцю арт. 100. У выпадку прызнаньня судом патрэбы пэрсанальных аб'ясьненьняў стараны, якая на суд не зьявілася, гаворыць арт. 99, суд адкладае разьбіраньне справы. У выпадку-ж няяўкі без уважлівых прычын па другаразавым выкліку з зазначэньнем на патрэбу аб'ясьненьня, гаворыць далей арт. 100, справа вырашаецца на падставе даных, якія маюцца ў гэтай справе. Але гэткае становішча, зразумела, невыстарчальнае; трэба да артыкулу 100 дадаць санкцыю, вывясьці яго з кола недасканалых законаў (legis imperfectae), іначай ён застанецца мёртваю літарою. Адпаведна з гэтым, паказаны артыкул трэба дапоўніць правілам, па якому незьявіўшаяся старана без уважлівых прычын, падлягае штрафу ўстаноўленаму арт. 50 зазначанага кодэксу [2]). Нарэшце, нездавальняльна напісаны і арт. 105 ГПК. Гаворачы, што разгляданьне справы па сутнасьці пачынаецца прапановаю суда старанам даць аб'ясненьні, артыкул гэты адбівае ўжо апошні момант працадуры разбору справы, які саўсім не зьяўляецца яе пачаткам, як гэта выцякае з тэксту артыкулу. У пасяджэньні, прызначаным для слуханьня справы, акалічнасьці гэтай справы выкладаюцца народным судзьдзёю або членам-дакладчыкам, і толькі пасьля гэтага стораны дапушчаюцца да вусных спрэчак. Дзеля гэтага паказаны артыкул падлягае адпаведнай зьмене ў тым сэнсе, што разгляд справы па сутнасьці пачынаецца дакладам справы народным судзьдзёю або членам-дакладчыкам.

Разьдзел XI.

Аб пратаколах.

Арт. 109 ГПК азначае, што аб кожным пасяджэньні і аб кожнай паасобнай дзеі, якая адбылася па-за пасяджэньнем, складаецца пратакол. „Положение о судоустройстве“ у склад суда (але не абавязкова

---

[1]) V. O. 13 Febr. 1924.

[2]) Пар. пастаноўку гэтага пытаньня ў V. O. 13 Febr. 1924.

судовае калегіі) уводзіць сакратароў. Паўстае пытаньне, ці патрэбны яны пры разьбіраньні справы? Пытаньне гэта адзін час мела вялікі практычны інтарэс, прычым выявіліся два крайніх цячэньні. Адны выказваліся за поўнае адхіленьне сакратара ад прысутнасьці пры разборы грамадзянскіх спраў, а другія, наадварот, настайвалі на прыцягненьні яго для пісаньня пратаколу нават аб тых судовых дзеях, якія адбываюцца па-за пасяджэньнямі. Абодвы погляды беспадстаўныя. Калі адхіліць усякі ўдзел сакратара ў пісаньні судовых пратаколаў, то апошнія павінны будуць цалком пісацца народным судзьдзёю або адным з членаў судовае колегіі. Але немажліва адначасна па складанай грамадзянскай спрэчцы вясьці пратакол і ўважліва сачыць за ўсімі перыпетыямі працэсу, не рызыкуючы выпусьціць важныя моманты яго. З другога боку саўсім ясна, што прыцягненьне сакратара ў тых выпадках, калі адбываюцца толькі паасобныя дзеі, якія складаюць толькі некаторыя зьвеньні ў агульным ланцузе працэсу (напр. выпыт сьведкаў, мясцовы агляд і да г. п.), азначала-б ня болей, як дарэмную трату сіл і часу. Існуе, апрача таго, шмат вельмі нескладаных спраў, якія разглядаюцца ў судовым пасяджэньні, для якіх абавязковая прысутнасьць сакратара саўсім не апраўдваецца. Аўстрыяцкі статут грамадзянскага судавядзеньня з гэтым лічыцца, паставіўшы запрашэньне сакратара ў залежнасьць ад погляду старшыні [1]). Выходзячы з паказаных меркаваньняў, ня лішняе было-б і ў нас дадаць да артыкулу 109 адпаведную ўвагу, тым болей, што арт. 111 ня выстаўляе прысутнасьці сакратара абавязковаю ўмоваю.

Разьдзел XII.

Прыпыненьне вядзеньня справы.

Да арт. 114, які ў пункце „а“ дае старанам мажлівасьць прыпыніць вядзеньне справы па іх узаемнай згодзе, трэба ўнесьці абмежаваньне, па якім гэтакае прыпыненьне можа быць дазволена толькі ў тым выпадку, калі можна дапусьціць, што з прычыны перагавораў аб прымірэньні, якія вядуцца паміж цяжбенікамі, альбо з прычыны іншых уважлівых прычын, прыпыненьне вядзеньня справы зьяўляецца абгрунтаваным і мэтазгодным [2]).

Разьдзел XIII.

Аб довадах.

Паводле арт. 12 суд мае права па ўласным пачыне рабіць тыя праверачныя дзеі па паданых довадах, якія здаюцца яму патрэбнымі, а паводле арт. 118 па ініцыятыве суда могуць зьбірацца і новыя довады. Дзеля эканоміі працы здавалася-б мэтазгодным, каб да вынясеньня вызначэньня аб паданьні новых довадаў або аб правядзеньні праверачных дзей суд выслухоўваў цяжбенікаў па сутнасьці паднятага пытаньня [3]). Практычнае значэньне такога правіла выяўляецца з таго, што ў праціўным выпадку можа атрымацца дарэмная трата часу. Напр., суду можа здацца, што некаторыя акалічнасьці няясны і патрабуюць складанага дасьледваньня, а стораны ў замену грамознае і даўгое працадуры могуць альбо прызнаць спрэчную акалічнасьць, альбо прапанаваць такі лёгка даступны довад, які ў аснове адхіляе вынікшае сумненьне альбо непаўнату паданага доваднага матэрыялу.

[1]) Z. P. O. № 207, пар. V. O. 13 Febr. 1924. Art. II, 10.

[2]) Гл. V. O. 13 Febr. 1924.

[3]) Гл. „Вестник Сов. Юстиции“ № 21—1924. арт. „Гуликевича“.

Разьдзел XV.

Паасобныя віды довадаў; паказаньні сьведкаў.

Найноўшае нямецкае працэсуальнае законадаўства ўвяло вельмі добрае правіла, па якім допыт сьведкі можа быць заменены запатрабаваньнем пісьменага паказаньня, калі яно павінна асноўвацца на (гандёвых альбо іншых) кнігах, запісках або дакумантах [1]). Нельга сумнявацца, што падобнае паказаньне заўсёды будзе дакладней, грунтоўней і ясьней, чымсь унесенае ў протокол паказаньне сьведкі, дадзенае па памяці абданых, якія заключающца ў кнігах альбо запісках. Зразумела, што ў выпадку няяснасьці і непаўнаты пісьменага паказаньня, суду даецца мажлівасьць ужыць дадатковы допыт такога сьведкі. Але ў большасьці выпадкаў гэта не патрэбна.

Разам з гэтым нельга не зачапіць такога, болей агульнага пытаньня аб тым, што паказаньні сьведкаў у протаколе часта саўсім скажаюцца або выкладаюцца ў такой тэлеграмаобразнай форме, што ня могуць даць правільнага ўяўленьня аб тым, што і як сьведка сьведчыў. Супроць гэтага зла можна было-б параіць добры спосаб: прымушаць тых сьведкаў, якія больш менш бегла пішуць, выкладаць свае думкі на пісьме. Le style c'est l'homme, а для ацэнкі паказаньня ў высокай ступені важна ўлавіць усе адценьні і асаблівасьці яго.

Разьдзел XVIII.

Вынясеньне рашэньняў.

У Украінскай рэдакцыі ГПК ёсьць увага да арт. 174. Яна гаворыць: „При постановлении решения в особой комнате (совещательной) никто не должен присутствовать, кроме состава суда по данному делу“. Перадасьцярога вельмі карысная.

Далей, да арт. 178, які азначае, што пастаноўленае рашэньне агалашаецца публічна, трэба дадаць, што агалашаецца яно ад імя Беларускае Соцыялістычнае Савецкае Рэспублікі.

ЧАСЬЦЬ III.

Асобныя справавядзеньні.

Разьдзел XX.

Агульныя палажэньні.

У сувязі з пастановаю ЦВК і СНК БССР аб парадку разьбіраньня спраў аб парваньні шлюбу трэба зьмяніць пункт „д“ арт. 191 ГПК.

Пажадана было-б далей, па прыкладу Украінскага кодэксу далучыць да арт. 191, у лік спраў асобнага справавядзеньня, справы аб устанаўленьні фактаў, ад прысутнасьці якіх залежыць прызнаньне за грамадзянамі тых ці іншых палітычных праў. Гэтыя акалічнасьці настолькі важныя, што толькі суд, а іменна ў парадку грамадзянска-працэсуальным, можа з посьпехам справіцца з іх высьледваньнем. Цяперака, праўда, у паасобку ў БССР, наглядаецца імкненьне да разгрузкі судовых установ, а асабліва народных судзьдзяў, ад цэлага шэрагу спраў, якія перадаюцца адміністрацыяю. Але гэты спорт часта пераходзіць граніцы мэтазгоднасьці.

---

[1]) V. O. 13 Febr. 1924. 48—51.

Разьдзел XXII.

Аб пасярэдніцкіх запісах і рашэньнях.

Аб гэтым разьдзеле ўжо гаварылася вышэй. Ён патрабуе асноўнага перагляду ў сувязі з прынятаю ўжо на Беларусі новеляю аб пасярэдніцкім судзе. Побач таксама трэба ўнесьці ўказаньне на тое, што разгляд працоўных конфліктаў у парадку пасярэдніцкага разьбіраньня робіцца па спэцыяльных правілах, прадугледжаных законамі аб працы.

Разьдзел XXIV.

Аб выдачы судовых загадаў.

Да арт. 219 у Украінскім кодэксе далучаны карысны дадатак, які заслугоўвае быць запазычаным пры выданьні Беларускага грамадзянска-працэсуальнага кодэксу. Ён гаворыць: замест падачы касацыйнай жалабы даўжнік мае права на працягу сямі дзён ад дня атрыманьня ім паведамленьня аб выкананьні, прасіць аб адмене загаду і аб разглядзе справы ў агульна-іскавым парадку. Гэткая просьба падаецца ў парадку, ўстаноўленым для іскавых заяў, і аплачваецца адпаведнымі зборамі. Але падача просьбы аб адмене судовага рашэньня і разгляд справы ў агульна-іскавым парадку не прыпыняе выкананьне судовага загаду.

Разьдзел XXV.

Аб парваньні шлюбу.

Увесь гэты разьдзел страціў актуальнае значэньне, бо выдадзена пастанова ЦВК і СНК БССР аб парадку разьбіраньня спраў аб парваньні шлюбаў[1]).

Разьдзел XXVII.

Жалабы на дзеі натарыусаў.

Арт. 231 патрабуе ўдакладненьня. З яго ня відаць—у якім іменна парадку Акруговы Суд разглядае жалабы на дзеі натарыусаў. Тутака трэба паказаць, што такія жалабы разглядаюцца ў судовым пасяджэньні ў парадку касацыйным грамадзянскім аддзяленьнем акруговага суду.

ЧАСЬЦЬ IV.

Абжалаваньне і перагляд рашэньняў.

Разьдзел XXVIII.

Абжалаваньне рашэньняў.

Украінскі кодэкс увёў дадатковы (248. I) артыкул аб апратэставаньні прокурорам Рэспублікі, старшынёю і прокурорам Вярхоўнага Суда вызначэньняў кассацыйнае колегіі гэтага суда. Як гэты дадатковы артыкул, так і ўвага да яго, якае трактуе аб запісаньні членамі колегіі, нязгоднымі з вынасімымі вызначэньнямі, сваіх асобных поглядаў, павінны знайсьці месца ў будучым Беларускім кодэксе.

---

1) З. З. БССР № 29—1925 г., арт. 274.

ЧАСЬЦЬ V.

Выкананьне судовых рашэньняў і вызначэньняў.

Разьдзел XXX.

Агульныя палажэньні.

Разьдзел XXX я прапанаваў-бы дапоўніць наступным артыкулам: Вайшоўшыя ў сілу рашэньні, вызначэньні і судовыя загады ўсіх судовых устаноў Саюзу ССР, саюзных, аўтономных рэспублік, павінны бесперашкодна і неадкладна выконвацца ў БССР, калі яны адносяцца да грамадзян або маемасьці, якія знаходзяцца на яе тэрыторыі.

* * *

Як паказана вышэй, у артыкуле гэтым асяродак увагі зьвернуты толькі на найболей выпуклых недахватах дзеючага ў БССР грамадзянска-працэсуальнага законадаўства. Дзеля гэтага выкладзеныя прапановы зьяўляюцца далёка не вычарпаючымі. Але не магу, у заключэньне, лішні раз ня спыніцца на непажаданым з боку правільнае законадаўчае політыкі, зьявішчы: імкненьне вылучыць з веданьня суда такія адносіны, выясьненьне, ацэнка і ўстанаўленьне якіх, з прычыны іх складанасьці і выключнай соцыяльнай важнасьці, можа быць з посьпехам даручана толькі бесстароннаму судоваму органу. Пры гэтым ня трэба баяцца таго, што і ў судох часта працуюць не выстарчаюча кваліфікаваныя асобы, заданьне якіх трэба палегчыць пры дапамозе разгрузкі. Нездавальняючы асабовы склад—зьявішча ненормальнае, якое рана ці позна павінна зьнікнуць.

Да спраў, якія ў якасьці асобных справаводзтваў павінны знаходзіцца ў веданьні народнага суда,—апрача паказаных вышэй,—трэба аднесьці справы аб прызнаньні асоб церпячымі расстройства разумовых здольнасьцяй і ўстанаўленьне над імі апекі, аб усынаўленьні і аб абвяшчэньні асоб марнатраўцамі.

Працадура агледзін душэўна-хворых і слабарозумных, як вядома, па дзеючых савецкіх законах належыць да компэтэнцыі лекарскае камісіі пад старшынствам загадчыка лекарскім аддзелам, якая і выносіць вызначэньні аб прызнаньні асобы душэўна-хвораю і паведамляе апекунскай установе аб назначэньні над яе маемасьцю і асобаю апекі.

Гэта, навееная дарэволюцыйным расійскім законадаўствам, працадура ні ў якой меры ня можа лічыцца здавальняючаю, бо пытаньне аб пераводзе грамадзяніна, які падазраваецца ў псыхічнай хваробе, са стану разумовае даросласьці на ступень недалетняга, настолькі глыбака зачапляе інтарэсы працоўных, што вымагае асобнае гарантыі, якой адміністрацыйны орган даць ня можа. Але проэкт кодэкса законаў аб шлюбе, сям'і і апецы, нават у сваім папраўленым відзе, ня толькі ня ўнёс палепшаньня ў гэту важную справу, але зрабіў яшчэ крок назад у параўнаньні з дзеючым цяперака кодэксам, старанна вытравіўшы ўсякі намёк на ўдзел у справавядзеньні судовага элемэнту [1]). Адзіна правільнаю пастаноўкаю агледзін асоб, якія падазраваюцца ў расстройстве разумовых здольнасьцяй, дзеля таго, каб прызнаць іх пазбаўленымі дзеяздольнасьці, можа быць такая працадура, у якой урачы выконвалі-б толькі ролю экспэртаў, а пытаньне аб тым, ці павінен аглядаемы пераводзеньню ў разрад нядзеяздольных, як пытаньне праву, цалком вырашаўся-б толькі судом.

Другая група спраў, якая, у вынятак дзеючага цяперака парадку, павінна быць перададзена ў веданьне суда, гэта—агалашэньне поў-

[1]) Арт. арт. 93—100 проэкту кодэкса зак. аб шлюбе, сям'і і апецы, ухвалены СНК РСФСР і ўнасімы на зацьверджаньне 2-й сэсіі ЎЦВК XII скліку 1925 г. Пар. дадатак да арт. 193 код. зак. аб актах грамадзянскага стану 1918 г.

налетняга нядзеяздольным, калі ён па сваім надмерным марнатраўстве разарае маемасьць, што знаходзіцца ў яго распараджэньні[1]). З апекаю над марнатраўцамі проэкт кодэкса законаў аб шлюбе, сям'і і апецы, праўда, пасьпяшае скончыць, а ў аб'ясьняльнай запісцы т. Курскага знаходзіцца па гэтаму поваду не пазбаўленае інтарэсу разважаньне. Па яго словах, да мас рабочых, ня маючых маемасных каштоўнасьцяй, якія вымагалі-б асобных мер абароны, разуменьне марнатраўнасьці ўжываць нельга; у сялянстве абарона працоўнае зямляробнае гаспадаркі ажыцьцяўляецца арт. 69 зям. код.; маса савецкіх служачых і іншых працоўных знаходзіцца ў адзінакавым становішчы з рабочымі; такім чынам, застаюцца, гэтак сказаць, толькі колы непрацоўнага насяленьня, асобная абарона інтарэсаў яго ня можа ўваходзіць у заданьне рабоча-сялянскага законадаўства. Да голасу т. Курскага прыслухалася большасьць членаў камісіі Савету Народных Камісараў РСФСР, якая разглядала названы проэкт.

Аднак з гэтымі довадамі бадай што можна згадзіцца. Бо для пролетарскае дзяржавы не ўсёроўна, як карыстаюцца сваімі маемаснымі правамі грамадзяне. Ці мо' пусты гук—вярхоўны прынцып, які робіць аздобу нашага Грамадзянскага Кодэксу,—вымаганьне, каб грамадзянскія правы ажыцьцяўляліся адпаведна іх социяльна-гаспадарчаму прызначэньню?!

Апрача гэтага, ня трэба забываць, што марнатраўства—разуменьне адноснае. З другога боку адмена гранічнае вартасьці маемасьці па спадчыне робіць мажлівым накапленьне сродкаў ня толькі ў непрацоўных элемэнтаў, а пры гэтакіх акалічнасьцях лёгкадумнае матаньне маемасьці з боку асобы, абавязанае па закону клапаціцца аб няпрацаздольных членах сваёй сям'і, цягне за сабою пералажэньня клапот аб іх на колектыў працоўных. А паміж іншым барацьба з бяспрытульнасьцю дзяцей—задача ня лёгкая і не апошнім матывам пры аднаўленьні інстытуту ўсынаўленьня служыць немажлівасьць досыць шырока разгарнуць социяльнае забеспячэньне. Згодна проэкту усынаўленьне праводзіцца на падставе пастановы органа апекі (арт. 50). А ў той самы час, аднак, іск аб адмене ўсынаўленьня можа быць падняты любою асобаю або ўстановаю,—калі гэтага вымагаюць інтарэсы дзіцяці (арт. 57),—у судовым парадку.

У апошняй пастанове ёсьць тры заслугоўваючыя ўвагі моманты. Папершаму, проэктуецца свайго роду „actio popularis"; па другому, няясна, каго проэкт разумее пад выразам „дзіця", бо могуць усынаўляцца ўсе асобы, не дасягнуўшыя яшчэ 18 год, і нарэшце, патрэцяму, устанаўляецца судовы разгляд справы аб адмене ўсынаўленьня, хаця ўстанаўляецца яно ў парадку адміністрацыйным. Нібы гэта ня вельмі паступовa. Але ў тым і справа, што ў даным выпадку мы ізноў сустракаемся з такім інстытутам, які цалкам павінен быць аднесены да веданьня суда, не выключаючы першапачатковых просьбаў аб усынаўленьні [2]).

---

[2]) Г. К. арт. 8, пункт 2.

[3]) Пакідаю ў старане сумненьне, якое падымае разьдзел II проэкту названага кодэксу з пункту погляду матэрыяльна-праўнага. Цікавы і нязвычайны (скажам проста: беспадстаўны) для грамадзянскага кодэксу падзел на малалетніх і недалетніх (арт. 48). Параўн. арт. 49 і 68. Далей, у проэкце няма і намёку на тое, ці павінен усынавіцель знаходзіцца ў азначаным і ў якім іменна веку. Дзеля таго па тэксту проэкта ўсынаўляць можа і 18 гадовы хлапец. Няма таксама ў проэкце ўказаньня на тое, ці павінна быць вядомая, болей або меней значная розьніца ў веку паміж усынаўляным і ўсынавіцелем. Дзеля гэтага, па сэнсу проэкту 18 гадовы хлапец можа ўсынавіць 17 гадовага.
Як відаць з № 51 „Известия" за 3-III—1926 г. Прэзыд. „ВЦИК" прыняў закон аб усынаўленьні ў рэдакцыі проэкту бяз усякіх зьмен.

И. Я. Герцык.

Аграрные реформы в Западной Европе в последнюю четверть XIX столетия и после войны*).

В последние десятилетия до войны и в особенности после войны в хозяйственной жизни культурных стран накапливается ряд явлений, в значительной степени модифицирующих развитие существующего социально-экономического строя. Эти явления затрагивают главные категории экономической науки, которые казались классикам и последующим экономистам основными, наиболее ярко характеризующими и в известной степени оправдывающими современное капиталистическое хозяйство. С появлением гигантских об'единений, как картели, тресты, из которых самые крупные не считаются даже с границами отдельных государств, а стараются полностью вовлечь в свою орбиту предприятия важнейших отраслей мирового хозяйства, необходимо подвергнуть тщательному пересмотру установленные в предыдущий период развития капитализма и соответствующие ему законы стихийного образования рыночных цен, уравнения нормы прибыли и др. Основное явление, на которое необходимо указать при изучении последней фазы капиталистического строя, это стремление к установлению в хозяйственной жизни планомерности, так негармонирующей со свойственной капитализму анархией производства и обмена и обостряющей присущие ему противоречия. Главные факты—это коллективные договоры союзов предпринимателей с союзами рабочих вместо договоров отдельных предпринимателей с рабочими их предприятий; основанное на строгом расчете установление цен крупными об'единениями вместо стихийного выявления их рынком, контроль над промышленностью концернов предпринимателей, финансирующих их банков и государственной власти под напором общественного мнения**).

Все отмеченные явления характеризуют развитие промышленности в настоящее время. Невольно напрашивается вопрос: насколько соответствует указанным тенденциям промышленности развитие сельского хозяйства? Эта проблема и раньше казалась экономистам одною из наиболее трудных в теории народного хозяйства. В особенности ею много интересовались экономисты-марксисты, так как ознакомление с вопросами сельско-хозяйственной экономии, казалось, должно было привести к выводу, что направление развития сельского хозяйства не соответствует промышленному. В развитии сельского хозяйства

---

*) Доклад, читанный в Научном Обществе при Бел. Государств. Университете (в марте 1926 г.).

**) См. мою статью „О некоторых проблемах теории политической экономии“ в этой же книжке „Трудов Белор. Госуд. Университета“.

не удавалось установить ни концентрации владений, ни концентрации предприятий, так характерной для промышленности. Более серьезное изучение этого вопроса мы можем отметить с начала 90-х г. г. прошлого столетия. Богатая марксистская литература, сильно разросшаяся с того времени, дает, мне кажется, возможность, несмотря на различие взглядов отдельных писателей, подвести следующие итоги. В сельском хозяйстве, как и в промышленности, крупное производство в чисто техническом отношении несомненно более выгодно, чем мелкое, так как предоставляет большие возможности повышения призводительности труда, его интенсификации. Оно имеет также огромные экономические преимущества. Но особенности капиталистического хозяйства, основным стимулом которого является извлечение возможно большей прибыли, во многих случаях препятствуют введению крупного производства в сельском хозяйстве: слабая оплата вкладываемого капитала при сезонном использовании машин, трудность надзора и т. д. не всегда дают возможность крупному производству использовать свои преимущества. Мелкое хозяйство устойчиво по отношению к крупному не по своей выгодности, а по нетребовательности земледельца, его готовности предоставить свой труд за самое малое вознаграждение, порою обрекающее его на житье впроголодь. Затруднения еще более возрастают изза остатков феодализма, тяготеющих над деревней в разных странах, следствием чего являются различия в распределении частной собственности на землю, пестрота юридических отношений между помещиками и крестьянами, черезполосица и ряд других неблагоприятных для производительности труда условий.

Уже давно ясно, что требуемое экономическим прогрессом обобществление производства не может быть в сельском хозяйстве достигнуто стихийной борьбой экономических сил, победой сильного над слабым, так характерной для истории развития промышленности. В сельском хозяйстве намечается путь добровольного об'единения, кооперирования населения. Всюду в сельском хозяйстве в последние десятилетия кооперация получает все большее значение, быстро завоевывает почву в крестьянстве, даже при самых неблагоприятных условиях, как у нас при царском режиме. Это получает еще большее значение, если принять во внимание общее стремление к планомерности хозяйства, так характерное для настоящей фазы капитализма, которое я отметил уже выше.

Необходимо в немногих словах остановиться еще на одной проблеме сельского хозяйства. Земля не является продуктом труда; она не есть капитал; цена ее устанавливается по доходу, и плата за землю не производит того эффекта, как вложение капитала в предприятие. Наоборот, уплата за землю лишает капиталиста части нужных для работы средств, заставляет его отказаться от необходимых усовершенствований, часто значительно затрудняет дальнейшее ведение дела. Это обстоятельство еще в 60-тых г. г. прошлого столетия было отмечено Марксом и Родбертусом. И в несоциалистической литературе специалисты останавливаются на этом вопросе, хотя бы потому, что ипотечные банки, выдававшие деньги под залог земли, не способствовали улучшению сельского хозяйства, введению мелиораций, так как полученные деньги не оставались в хозяйстве (выплачивались продавцу имения, сонаследникам и т. д.). Необходимость уплаты долга и процентов лишала сельского хозяина возможности вкладывать средства в хозяйство и развивать его. Основывались поэтому специальные мелиоративные товарищества, предоставлявшие сельским хозяевам целевой кредит; они, впрочем, значительного распространения не получили.

Маркс уже в „Капитале“ и в „Теориях прибавочной стоимости“ указывает, что извлечение земли из менового оборота—национализация ее—не только не противоречит основам капиталистического строя, а даже облегчает дальнейшее развитие его. (В нашей литературе особенно ярко и энергично развивал эту мысль Ленин в целом ряде статей по аграрному вопросу в 1905-1906 г.г. Он доказывал, что его программа национализации земли не только не предполагала немедленного отказа от буржуазного строя, но ставила себе целью предоставление простора более быстрому развитию противоречий этого строя).

Маркс обращает также внимание и на затруднения в проведении этой идеи в странах, где капитализм достиг высокой ступени развития: боязнь затронуть вопрос о собственности, все более тесная связь между представителями феодальной и капиталистической собственности, заинтересованность банков и т. д.

Однако идея национализации земли вызывала, начиная с конца XVIII столетия, в особенности в Англии, целый ряд движений и в несоциалистических слоях общества. Томас Спенс еще в докладе, прочитанном в 1775 г. и напечатанном в 1796 г. под заглавием „Полуденное солнце свободы“, развивал эту идею; после него многие писатели разных направлений: философ Рид, один из крупных чартистов О'Бриен, натуралист Альфред Уоллес; в 60-тых г.г. прошлого столетия с особенным успехом организовывал общества для пропаганды этой идеи американский публицист Генри Джордж, и т. д. Это стремление не получило осуществления по причинам, отмеченным Марксом, как мною уже выше указано.

В период новой фазы развития капитализма этот вопрос должен был быть поставлен и так или иначе разрешен. Главные реформы были проведены после войны. Реформы, проводившиеся в континентальных странах Европы до войны, не имели большого значения, и я на них не останавливаюсь.

Совсем другое в Англии. Англия—страна раннего капитализма, где господствующие классы имеют многовековой политический опыт. Внешне консервативные, приверженные к старым формам и традициям, они до сих пор умели во время пойти навстречу требованиям масс, проводить, хотя бы в минимальной мере, необходимые преобразования и не допускать до взрыва. Маркс в „Теориях прибавочной стоимости“ указывает, как в Англии в XVIII столетии и раньше господствующие классы бесцеремонно нарушали права крестьян, забирали их земли и округляли крупные владения. Но те же господствующие классы при изменившихся условиях умели проводить широкие реформы сверху, предупреждая во время более радикальные снизу. Континентальные правительства только наступившая после войны разруха заставила считаться с требованиями сельского населения и пойти на уступки. В Великобритании же крупные земельные реформы проводятся, начиная с 70-тых г. г. прошлого столетия. Начнем поэтому с Великобритании.

Фактический материал, касающийся аграрных реформ, как в Великобритании, так и в других странах, мною изложен по статьям проф. Венского Университета Вальтера Шифа в Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik*). Им дается об'ективное изложение аграрного законодательства в Западной Европе за период 1870—1924 г. г. и им выяснены результаты проведенных реформ по 1924 г. *).

---

*) 54 Band. I u. II Heft. 1925— W. Schiff Wien. „Die Agrargesetzgebung der europäischen Staaten vor u. nach dem Kriege“.

Англия

Англия с Шотландией (Великобритания) известна, как страна крупных помещичьих владений, страна латифундий. а) В Англии всего 320 тысяч землевладельцев (менее 1 % населения). Из них 740 лицам принадлежит $^1/_4$ всей земли; 7400 помещикам—половина поверхности земли, 58200 собственникам—$^3/_4$ всей земли, а остальным 261800 землевладельцам всего $^1/_4$ всей земли. Таковы статистические данные. Фактически концентрация собственности еще больше, так как записи ведутся по каждому графству отдельно, и имения того же самого лица в нескольких графствах считаются за принадлежащие разным лицам.

б) В Шотландии концентрация еще больше. Как мы уже указали, в Англии 740 собственникам принадлежит $^1/_4$ всей земли, а в Шотландии $^1/_4$ поверхности земли принадлежит всего 12 лицам: 170 человек владеют $^1/_2$ всей земли, 580 лиц $^4/_5$ всей земли.

По статистическим данным 1887 г. в Англии и Шотландии $^4/_5$ всей поверхности земли было сдано в аренду, а по данным 1912 г.—90 проц. всей земли. Арендаторы крупные: сдано 84 проц., свыше 20 ha**) одному лицу; свыше 25 проц. поверхности сдано по 120 ha и более каждому арендатору.

Значительная часть земли выделена из оборота и закреплена за старшим наследником: в Англии $^2/_3$ поверхности земли, в Шотландии $^1/_2$ поверхности (в Ирландии было закреплено $^5/_6$ поверхности).

В виду большого спроса на землю (для спортивных целей, для усиления политического влияния и положения в обществе) и из'ятия, как мы отметили, большей части земли из оборота, цены на землю повышались.

Законодательство до 1875 г. было, по выражению проф. В. Шифа*) либеральное, т. е. признавалась полная свобода договора. Договоры заключались на 1 год с условием, что все вложенные арендатором в ферму капиталы (как здания, мелиорации и всякие сооружения) после срока переходили в собственность помещика. Фактически закон, благодаря феодальной традиции и дальновидности сословия лендлордов, почти не применялся на практике. Договоры обычно возобновлялись без повышения ренты. В тяжелые годы землевладельцы помогали арендаторам; со времени сельско-хозяйственного кризиса 1875 г. рента понижена на 25—50 проц., в особенно трудные времена рента списывалась совсем за $^1/_4$ или $^1/_2$ года. Но эти патриархальные отношения не могли удовлетворить арендаторов: они чувствовали, что находятся в полной зависимости от лендлордов.

В 1875 г. английское правительство не дожидаясь сильного аграрного движения, приступает к урегулированию означенных отношений. Согласно законам, изданным в 1875—1890 г. г., удлиняется срок аренды; при немотивированном отказе от аренды по истечении срока, или при требовании повышения арендной платы, арендатору уплачивается за все причиненные ему убытки; арендатору во всяком случае возвращаются расходы на сооружения, которые могут пригодиться новому с'емщику, и на мелиорации, произведенные с согласия землевладельца.

В Шотландии были проведены более значительные реформы. Законом запрещается лендлорду повысить ренту или отнять аренду, если арендатор аккуратно выплачивает арендную сумму, арендатор же

*) Его освещением и критикой я не мог воспользоваться, так как точка зрения означенного автора совершенно не соответствует моей.

**) 1 ha=1,09 десятины.

имеет право отказаться к концу срока от продолжения договора. Арендатор может закрепить за собою арендуемый участок, с правом передачи аренды в наследство. Последний закон был проведен в 1886 г. в отношении мелких арендаторов северной Шотландии; в 1911 г. он распространен на всю Шотландию на аренды до 50 акров *).

Принятые английским правительством меры к насаждению мелкого землевладения и уменьшению крупного (организация поселений для бывших солдат, покупка земли правительством и графствами и продажа ее мелкими участками земледельцам) не привели к значительным результатам. Организовано всего до 1914 г. новых владений в Англии 12600 на 80 тыс. ha, величина участка 5-12 ha. Кроме того, сдано в аренду 3000 ha обществу мелких земледельцев, которое передало их в пользование 1450 своим членам.

В Шотландии результаты еще менее значительны. До 1920 г. там основано всего 847 новых мелких хозяйств.

В Англии после войны до конца 1920 г. организовано новых мелких владений около 13000 с поверхностью свыше 72 тысяч ha. Достижения очень скромные.

Ирландия.

Земли имеется 20 млн. акров, принадлежавших ирландским земледельцам. В XVII и XVIII столетиях, после подавленных восстаний против английского правительства, земля конфискована и передана английским лендлордам. Бывшие собственники оставлены в качестве арендаторов. До конца XIX столетия земля принадлежала крупным землевладельцам, англичанам. Больше половины поверхности земли было во владении 700 англичан, которые жили в Лондоне, куда им и пересылалась рента. Арендаторами были ирландцы, фермы сдавались на 1 год. Арендная плата часто повышались. По закону, как и в Англии, все вложения арендатора после срока переходили безвозмездно к лендлорду. Отношения были далеко не патриархальные. В 1844-59 гг. было согнано с земли за неуплату ренты 50 тысяч семейств. По описанию исследователей, знакомившихся с жизнью арендаторов, положение их было ужасное. Аренда, благодаря повышению платы землевладельцу, носила характер продовольственнай, т. е. не только не давала прибыли на вложенный капитал, но и заработная плата получалась крайне скудная. Картофель был почти единственной пищей фермера, кровать считалась предметом роскоши. Последствием таких условий была высокая смертность; кто мог, эмигрировал за океан. В 1844 г. было населения 8 млн., в 1901 г. всего 4,4 млн. Когда чаша терпения переполнилась, начинается стихийное движение: восстания следуют одно за другим, аграрный террор становится бытовым явлением. Вся страна, казалось, находится в состоянии перманентной революции, что заставляет английский парламент приступить к проведению реформ, чем далее, тем все более радикальных. По законам, изданным в 1870 96 гг., помещик лишался права отказать в продолжении аренды арендатору без мотивированного основания; во всяком случае арендатор получал полное возмещение за вложенный им капитал. Арендатору предоставлено было требовать установления судом размера арендной платы, понижения существующей и пересмотра ее каждые 15 лет судом (закон 1881 г.). Так как свыше 100 тыс. семейств угрожало изгнание за неплатеж ренты за несколько лет, был проведен специальный закон, согласно которому им разрешалось сохранить аренду, если они вносили следуемую

*) 1 акр—37% десятины.

за 1 год сумму, причем правительство уплачивало помещику также за 1 год из казенных средств. Этим законом воспользовались 130 тыс. семейств. Из общего числа 500 тыс. арендаторов 382 тыс. через суд понизили арендную плату (на 11,3 млн. акров из всего количества в 20 млн. акров) с $7^{1}/_{2}$ ф. стерл. в среднем за ферму до 6 ф. стерл., т. е. на 20 проц., многим фермерам понижена была арендная плата без суда. В 1896 г. кончился период 15 лет после установления судом в 1881 г. размера ренты. Новым решением суда 143 тыс. арендаторов, которые уже уплачивали с 1881 г. вместо общей прежней суммы 3,2 млн. ф. стерл. всего 2,54 млн. ф. ст., опять понижена была рента до 2,1 млн. ф. стерл. Всего понижено с 1881 г. на 34,4 проц. Одновременно правительством принимаются меры к переходу собственности на землю в руки арендаторов. По закону 1870 г. правительство одалживало арендатору, выкупавшему ферму, $^{2}/_{3}$ покупной суммы из 5 проц. с выплатою в 35 лет; по поправкам к закону в 1881 г. арендатор при выкупе уже получал заем на $^{3}/_{4}$ покупной суммы, а законом 1890 г. срок выплаты удлинялся до 70 лет. Но выкуп мог быть совершен лишь с согласия лорда; да и арендаторы, по своей бедности, не могли воспользоваться представленными им сравнительно выгодными условиями. Всего выкуплено было земли 1 млн. ha 73807 арендаторами. Для ускорения перехода земли к арендатаром проводится новый закон в 1903 г., согласно которому земля продается арендатору из расчета по пониженной ренте. Землевладелец же получает сумму, превышающую уплачиваемую арендатором на 12-18 проц. Разницу принимает правительство на свой счет. По этому закону арендатору приходится при покупке земли выплачивать в рассрочку на $68^{1}/_{2}$ лет ежегодно сумму, которая ниже получавшейся с него раньше ренты на 27 $^{1}/_{2}$ проц. Законом 1909 г. отчуждение земли в пользу арендаторов на указанных условиях совершается принудительно. До войны, по законам 1903 и 1909 гг., из всего 18,8 млн. акров помещичьей земли перешло в собственность арендаторов 11,4 млн. акров, т. е. 61 проц.; из 500 тыс. арендаторов 379 тыс.—$^{3}/_{4}$ всего их числа—стали собственниками обрабатываемой ими земли. Во время войны сделки приостановились из-за денежных затруднений правительства. В 1923 г. опять возобновляется переход земли в собственность арендаторов, при чем плата уменьшается на 30-35 проц. В скором времени все земли в Ирландии станут собственностью земледельцев. Возвращаются из-за океана эмигранты, так как по закону 1909 г. бывшие арендаторы также вправе получить обрабатывавшуюся ими раньше землю; охотничьи парки превращаются в луга, урожайность увеличивается, благосостояние населения повышается. Страна, приближавшаяся к гибели, оживает.

Как мы уже выше указали, в других европейских странах крупные аграрные реформы проводятся только после войны.

Мы начнем наш обзор с лимитрофных государств.

Эстония.

Жителей, согласно переписи 1922 г., 1,1 млн. Крупное землевладение преобладало: 58 проц. земли (2,2 млн. десятин) принадлежало крупным помещикам; из указанных 2,2 мил. десятин свыше 1 млн. под лесом. Число крупных землевладельцев составляло 2 проц. всех собственников земли—1147 помещиков из общего числа 52147 земельных собственников; мелких собственников было 51 тысяча, и им принадлежало 42 проц. всей земли. Из крупных имений 23 проц. сдавалось в аренду. Крупные землевладельцы были немцы. На основании закона 1919 г. крупное землевладение немцев конфисковано. Обещана была

неопределенная выкупная сумма, но ничего не уплачено. Всего конфисковано 97 проц.—2,1 мил. десятин. Земли, принадлежавшие эстонцам не забраны. Конфискованный лес, свыше 1 млн. десятин, правительство оставило в своем распоряжении. Земля же—1,1 млн. десят. —передана и передается постепенно крестьянам по 15—20 десятин, что достаточно для обработки собственной семьей с 2-мя лошадьми. Крестьянам, наделяемым землею, правительство оказывает помощь и предоставляет им необходимый кредит. (Более определенных сведений нет) *).

Латвия.

По переписи 1925 г. населения 1,8 млн. Собственность на землю была распределена следующим образом: крупные юнкерские имения (Rittergüter) составляли 48 проц. всей поверхности; число владельцев этих имений меньше 1 проц. всех собственников—1300 лиц из общего числа 143 тыс. Им принадлежало 3 млн. ha; казна владела 10 проц. всей поверхности. Крестьянские земли занимали по размеру 39 проц. поверхности (церковные и др. 3 проц.). По об'явлении независимости половина юнкерских земель была немедленно забрана правительством; часть оставлена была властью в своем управлении, остальное сдано в аренду на короткие сроки.

По законам 1920-24 г. г. конфискуются все дворянские имения. Землевладельцам выделяется среднее крестьянское хозяйство, величиною 45—100 ha. Леса и земли, не подходящие для обработки, остаются в ведении правительства. Земля раздается безземельным и малоземельным крестьянам, не больше 27 ha на семью (из них непахотной земли не более 5 ha) **). В исключительных случаях может быть предоставлено одной семье до 50 ha. Если выделяются сады, то не более 10 ha одному хозяйству.

После проведения закона о конфискации в руках правительства оказалось 3,7 млн. ha—56 проц. всей земли; из них лесу 1,5 млн. ha, пахотной земли 1,7 млн. ha. До конца 1922 г. наделено крестьянам 925 тыс. ha; образовано 43 тыс. новых хозяйств, которые получили 695 тыс. ha земли, в среднем 16,2 ha на хозяйство; 2370 имений, арендовавшихся крестьянами в среднем 38 ha на хозяйство, укреплены за ними; 139 тысяч ha использованы, как отмечается в отчетах, для других целей (вероятно, для дополнительного наделения землею малоземельных). Число мелких хозяйств увеличилось на 30 проц. В распоряжении правительства осталось еще для распределения около 800 тыс. ha.

Литва.

По переписи 1922 г. населения всего 2,4 млн. жителей. Достоверных статистических данных по землевладению не имеется.

Согласно законам, изданным в 1919—22 г. г., в государственный фонд переходят все казенные земли б. Российской империи, б. Дворянского и Крестьянского банков, монастырские и церковные. Из частных

---

*) По сведениям проф. А. Гойхбарга в его брошюре „Очерки преобразования земельного и гражданского права в буржуазных государствах". Москва. Юрид. Издат. Н. К. Ю. Р. С. Ф. С. Р. 1925 г., в Эстонии экспроприированы земли имений, превышающих 300 десятин (19 стр.) Это, очевидно, относилось к имениям эстонцев (так как земли немцев были все конфискованы).

**) В брошюре проф. А. Гойхбарга „Очерки преобразования и т. д.", стр. 18, указан размер 22 ha; вероятно, подразумевается пахотной земли, что согласуется с нашими данными.

земель остается у владельцев в среднем до 80 ha; для особо культурных имений этот минимум может быть значительно повышен. Необрабатываемые земли, если собственник не приступил к их обработке в течение 2-х лет, подлежат полностью отчуждению. За отчужденную землю уплачивается по средним ценам 1910—14 г. г. Наделяются отчужденной землею в первую очередь батраки, работавшие на этой земле, затем безземельные и малоземельные крестьяне; преимуществом пользуются местные жители. До выплаты следуемой суммы получившие наделы не могут ни передавать их, ни сдавать в аренду.

Надел составляет хутор в 8—10 ha. Хуторное хозяйство вообще поощряется: деревня разделяется на хутора, по желанию лишь $^1/_3$ хозяев. Закон предоставляет арендаторам выкупить до 55 ha снимаемой ими земли.

До сентября 1923 г. отчуждено 117 тыс. ha. Роздано 65 тыс. ha 8000 хозяйств. В 1924 г. предполагалось наделение крестьян еще 130 тыс. ha.

Финляндия.

Жителей, по переписи 1921 г., 3,4 млн.; 90 проц. страны состоит из лесов, болот и других неудобных для возделывания земель. Всего пахотной земли около 2 млн. ha; из них 8 проц.—162 тыс. ha—занято имениями, каждое свыше 100 ha. Мелкому и среднему крестьянству—по 10—100 ha на хозяйство,—принадлежат 58 проц. пахотной земли—1171 тыс. ha; остальная пахотная земля занята парцельными владениями.

Уже до войны царское правительство организовывало поселения для крестьян. В 20 лет было организовано на казенных землях 11 тысяч мелких владений с общей поверхностью 360 тыс. ha. В каждом владении было пахотной земли 3,6 ha, лугов 2,8 ha, остальное лес и др. непахотные земли. Был также для арендаторов установлен минимум срока аренды, с целью защиты интересов земледельцев.

После войны и восстания, по законам 1918—22 г. г. арендаторы могли выкупить занимаемую ими землю. До 1923 г. уже этот закон был использован 63 тыс. арендаторов, половиной всего их числа. Правительство, согласно указанным законам, забирает также землю—всего $^1/_2$ млн. ha—у лесопромышленных обществ, так как последние приобрели ее, с правовой точки зрения, весьма сомнительным путем. Отнимается земля у лиц, которые не вели рационального хозяйства, запустили его. Правительству также предоставлено отчуждать некоторую часть земли помещиков, владевших имениями размером более 200 ha (на севере более 400 ha). Чем больше имение, тем относительно большая часть отчуждается; из имений в 5000 ha и выше отчуждается половина. Уплата за отчужденную землю производится по средней цене последних 5-ти лет до войны. Землевладельцы получают следуемую сумму 7 проц. рентой. Крестьяне, приобретающие землю, погашают постепенно свой долг этой же рентой, причем 4 проц. отсчитывается на амортизацию. Земля предоставляется только тем, кто имеет нужный инвентарь или соответствующий кредит и дает обязательство выстроить дом в течение 3-х лет.

К 1924 г. было организовано 64 тыс. новых хозяйств. Величина среднего хозяйства $17^3/_4$ ha; из них пахотной земли—3,1 ha, лугов—1,8 ha, лесу 9,4 ha. Предполагается реформу закончить в 4 года. Специалисты ожидают уменьшения урожайности зерновых продуктов и увеличения молочного хозяйства. Предполагают также, что будет

понижение производительности лесного хозяйства, что отразится на экспорте леса, составляющего основу финляндского народного хозяйства. Последнее опасение едва ли основательно, так как лес, за исключением незначительной части, переданный крестьянам, остается в руках правительства. Лесное же хозяйство принадлежит к числу тех, которые и при капиталистических условиях могут быть в заведывании правительства хорошо поставлены и с большею пользой для населения эксплоатируемы, чем в частных руках *).

Польша.

По переписи 1921 г., населения 27,2 млн. жителей. Во всех областях (б. Российской, Германской и Австрийской империй) одинаковые условия землевладения. Наряду с крупными владениями имеется много парцельных хозяйств, совершенно недостаточных для пропитания занимающих их семейств. Согласно данных 1921 г., крупных помещичьих хозяйств имеется 17665, каждое в среднем размером 746 ha; составляют они в общем 35 проц. всей поверхности. Крупных крестьянских хозяйств всего 25 тыс., в среднем каждое 32 ha; занимают 2 проц. всей поверхности. Средних крестьянских хозяйств 700 тысяч, каждое в среднем размером 10,2 ha, общая площадь 24 проц. всей поверхности. Остальные хозяйства относятся к мелким и парцельным; их много миллионов, точных сведений нет, большинство этих хозяйств, повидимому, запущено. В среднем каждое из них размером 1½ ha, чего, очевидно, недостаточно и для жизни впроголодь. При слабом развитии промышленности (особенно в Галиции), чувствуется сильный земельный голод.

В 1918 г. сейм, большинством одного голоса, принял резолюцию о передаче земли трудовому народу. В 1920 г., когда Красная армия приближалась к Варшаве, был спешно проведен закон о наделении землею владеющих ею в недостаточном количестве и об организации новых крестьянских поселений.

Согласно означенному закону, предполагалось довести количество земли в старых крестьянских хозяйствах до 15 ha и организовывать новые хозяйства таких же размеров; 20 проц. поверхности могло быть использовано для увеличения наделов до 25 ha, в восточных пограничных районах даже до 45 ha. Наделы предоставляются только трудовым хозяйствам.

Для указанной цели постановлено образовать фонд из б. казенных, удельных и церковных земель. Также отчуждаются земли: a) плохо обрабатываемые, b) приобретенные во время войны лицами, не имевшими отношения к сельскому хозяйству, c) переменившими за последние пять лет более 2-х раз своего собственника (не относится к переходу по наследству), d) приобретенные во время войны на средства, полученные от ростовщичества. В остальных помещичьих имениях отчуждается земля свыше 180 ha, в промышленных центрах свыше 60 ha, а в восточном районе лишь свыше 400 ha. Помещикам за отчужденную землю уплачивается половина ее стоимости, причем 30 проц. назначенной землевладельцам суммы отходит в инвалидный и солдатский фонд; следовательно, помещик получает 35 проц. цены земли. Уплата производится облигациями государственных займов.

Закон этот проводился очень слабо. К концу 1922 г. было из 3.244 имений 363 тыс. ha наделено 40.500 лицам; из них в 22.535 слу-

*) Даже Р. Лифман, ярый противник социализма, находит, что „владение и управление лесами предпочтительнее предоставлять государственным организациям“ см. его книгу „Формы предприятий“ изд. В.С.Н. Москва 1924 г. стр. 158.

чаях—56 проц. всех получивших землю—имело место дополнительное наделение мелких земледельцев. Дополнительно получали старые хозяйства по 3,2 ha в среднем, вновь же организованным хозяйствам дано до 10 ha каждому. Новые крестьянские хозяйства оказались по размеру меньше, чем предполагалось по закону.

В 1923 г., по настоянию помещичьей партии, были приостановлены работы по проведению реформы. В 1925 г. был проведен новый закон, изменяющий постановления 1920 г. в пользу помещиков. Как этот закон будет применяться, покажет будущее. В настоящее время Польша является одной из немногих стран в Европе, где остатки феодального прошлого дают себя очень сильно чувствовать.

Румыния.

После войны, как известно, к старой Румынии присоединены Трансильвания, Буковина и Бессарабия. По переписи 1920 г., жителей 20 млн. Страна земледельческая, значительная часть земли в руках помещиков. Были до войны крестьянские восстания, вызванные земельным голодом. Во время войны правительство обещало наделить крестьян землею. Законом 1918 г. проводится в старой Румынии реформа, которая в 1921 г. распространяется и на вновь присоединенные земли.

Согласно указанному закону, крестьянам передаются, в первую очередь, земли казенные, юридических лиц, иностранцев и абсентеистов (отсутствующих более 5-ти лет). Отчуждается также, в общем 2 млн. ha, в имениях свыше 100 ha каждое; чем больше имение, тем больше земли оставляется помещику,—maximum 500 ha из имений размером свыше 10 тыс. ha. За отчужденную землю помещики получают по цене 1912-16 г.г., но не более 20-ти кратной арендной суммы, при чем правительство дает 35 проц., крестьяне, получившие землю—65 проц. Крестьяне вносят наличными 20 проц., остальное выплачивают в течение 20-ти лет. Следуемую сумму землевладелец получает пяти проц. рентой. Земля раздается безземельным и малоземельным крестьянам по 5-7 ha. Полученные наделы можно при переходе их по наследству дробить в горах до 1 ha, в долинах до 2 ha на хозяйство. Неделимость хозяйств до 50 ha может быть юридически укреплена.

Для Буковины эта реформа не имела большого значения, так как там преимущественно леса, большею частью неотчуждаемые по закону. Отчуждено там всего 61 тыс. ha.

В Трансильвании крупными помещиками были немцы и мадьяры, им оставлено не более 114 ha на хозяйство. Отчуждено 2 млн. ha. Не распределено было еще в 1923 г. $^1/_2$ млн. ha.

В старой Румынии отчуждено, по данным 1923 г., 2,2 млн. ha; из них 0,6 млн. ha церковных и 1,6 млн. ha у 4.757 помещиков; роздано крестьянам 1,7 млн. ha.

В Бессарабии подлежало отчуждению 1,8 млн. ha. К 1924 г. отчуждено 1,5 млн. ha и укреплено за 357 тыс. крестьян. Надо заметить, что большую часть крестьяне забрали уже в 1918 г., так что осталось только признать факт.

Всего отчуждено свыше 6 млн. ha.

В старой Румынии перед реформой помещикам принадлежало 3,8 млн. ha—49 проц. всей земли. После реформы у них осталось всего 1 млн. ha; крестьяне же владеют в общем 6,9 млн. ha, но они недовольны, полученные ими наделы в 5—7 ha недостаточны. Они требуют отчуждения оставшихся у помещиков земель. Исполнение этого требования не дало бы значительного увеличения наделов. Способ

обработки мало изменился, так как и раньше большая часть помещичьих земель обрабатывалась крестьянами своим инвентарем (впрочем, некоторые культурные имения были разрушены).

Война и условия переходного времени привели к значительному понижению производительности труда. В 1921 и 1925 г.г. приходилось даже ввозить в большом количестве хлеб (до войны Румыния была вывозящей хлеб страной).

Греция.

Жителей, согласно переписи 1920 г., 5,5 млн.; земля принадлежала мусульманам. Имеется много необработанной земли; хозяйство в крупных поместьях велось не самими владельцами, а их управляющими. Земля обрабатывалась по повинности крестьянами.

После войны в 1920 г. был проведен закон, согласно которому земли собственников, живущих за границею, целиком отчуждаются, остальным владельцам имений оставляется лишь 100 ha. В виде исключения закон может быть неприменен к образцовым культурным имениям. Помещики получают за отчужденную землю цену, равную 20-ти кратной ренте. Земля распределяется между крестьянами по 7—16 ha на хозяйство, уплата рассрочивается на 30 лет. Земля передается только тем крестьянам, которые обязуются обрабатывать ее сами со своей семьей. До выплаты следуемой за надел суммы крестьяне не вправе передавать свой участок. Но и после покрытия долга земля может быть передана только трудовым хозяйствам.

До 1923 г. из 1728 имений, на которые распространялся вышеуказанный закон 1920 г., была отчуждена земля в 823 имениях; образовано новых 7500 хозяйств, в среднем по 13,5 ha каждое.

Болгария.

Жителей, по переписи 1920 г., 4,9 млн.; крупных имений мало. Земля принадлежит преимущественно крестьянам. Имеются безземельные и малоземельные, хотя много невозделанной земли. Препятствием к использованию служит недостаток капиталов.

После войны проведен закон, на основании которого собственникам оставляется не свыше 30 ha, и то только тем, кто сам обрабатывает свою землю. Уплачивается за отчужденную землю по ценам 1905—1915 г. с прогрессивным вычетом из следуемой суммы в пользу государства от 10 до 50 проц., в зависимости от величины имения. Земля передается исключительно хозяйствам, не пользующимся наемным трудом.

До 1923 г. отчуждено было в Болгарии 49 тыс. ha у 1707 собственников; весь земельный фонд казны составлял 81 тыс. ha. В 1924 г. было 13000 не имевших собственной земли лиц, которые не могли получить аренды; 52 тыс. арендаторов, снимавших такие маленькие участки, что не могли своей работой прокормить семью. Для удовлетворения спроса на землю безземельных и малоземельных им необходимо было бы предоставить 400 тыс. ha, а у правительства, как указано выше, в распоряжении всего около 80 тыс. ha. Надеются культивированием девственной почвы пополнить недостаток.

Югославия.

Жителей, по переписи 1921 г., 12 млн. Страна крестьянская, крупных имений мало, невозделанных земель много. Недостаток капиталов, как и в Болгарии, не дает возможности приступить к их обработке.

Согласно закону 1919 г., земля крупных имений подлежит отчуждению; оставляется собственнику 56—280 ha, в зависимости от местных условий. Целиком отчуждаются имения, которые не обрабатывались или обрабатывались лишь частично, земли Габсбургов, земли, пожалованные иностранцам за услуги Габсбургам, также земли, приобретенные во время войны. За отчужденные земли частных лиц, [illegible]имавшихся своим хозяйством (кроме приобретенных во время вой-
за [illegible]полагается уплата, которая должна быть еще установлена.
ны). [illegible] конфискуются без вознаграждения. Леса переходят исклю-
Остальны[illegible]арству.
чительно к госу[illegible]было к отчуждению ½ млн. ha пахотной земли;

Предназначено [illegible]ha лугов, всего 1,1 мил. ha.
0,4 млн. ha лесу, 0,2 млн. [illegible] к 1923 году 329 тыс. ha, т. е.

Отчуждено пахотной земл[illegible] между 216642 семействами,
свыше 60 проц. Земля распределен[illegible] дополнительно предостав-
в среднем 1½ ha на семейство. Из них [illegible] 208 тыс. ha, по 1,1 ha
лено 182 тыс. старых малоземельных хозяйств [illegible] тыс., в среднем
в среднем. Новых хозяйств организовано 126 [illegible]ие невыгодно
по 3,6 ha. Насаждаются карликовые хозяйства, что краи[illegible]тьянского
в отношении производительности труда и не разрешает крес[illegible] пра-
вопроса. Устройство новых хозяйств еще затрудняется тем, что
вительство не предоставляет необходимых для обзаведения средств.
Задачи будущего—организация кредита, повышение техники и использование необработанных земель.

Чехо-словакия.

Жителей, по переписи 1921 г., 13,6 млн. В Богемии, Моравии и Силезии имения свыше 100 ha занимали 37,8 проц. поверхности. Из них владения размером свыше 2000 ha составляли 27,2 проц. поверхности. Крестьянские крупные, мелкие и карликовые участки составляли 62,2 проц. Карликовых всего больше—72 проц. всех хозяйств, а поверхность, ими занимаемая, составляет 6,4 проц. Лес в имениях помещиков занимал 63 проц. всей поверхности их владений.

В Словакии и Карпатской Руси 3459 помещиков, 0,6 проц. всех земельных собственников, владели 48½ проц. всей поверхности этих стран; леса занимали половину их поместий.

Во всей Чехо-Словакии 0,02 проц. всех собственников—1730 хозяйствам с землею свыше 250 ha каждое—принадлежало 4 млн. ha, 28,2 проц. всей поверхности. В крупных имениях велось технически совершенное, интенсивное хозяйство.

По закону 1919 г. оставляется землевладельцам пахотной земли не более 150 ha на хозяйство и не более 200 ha другой земли, и только в исключительных случаях может быть оставлено до 500 ha; остальная земля отчуждается. Уплата производится по ценам 1913—1915 г. г., с вычетом, в зависимости от величины имения, до 70 проц. (уже из цены имений размером свыше 1.000 ha вычитывается 40 проц.). Покрывается следуемая землевладельцам сумма 4 проц. облигациями.

Земля раздается безземельным и малоземельным крестьянам по 6-10-15 ha на хозяйство. Крестьянам за землю засчитывается уплаченная помещику сумма+35 проц. организационных расходов (по закону 1922 г.). Вносят крестьяне 10 проц. наличными, остальное погашается долгосрочной выплатой. Арендаторам, снимавшим отчуждаемую землю свыше 18 лет, предоставляется оставить за собою до 8 ha, с уплатой в рассрочку на 10 лет по цене, определяемой судом.

Назначено к отчуждению 1732 имения, 3,7 млн. ha—28 проц. всей поверхности; из них 1 млн. ha пахотной земли и лугов, 2,5 млн. ha лесов, остальное озера, овраги и др. Кроме того, забрано 60 сахарных заводов—33 проц. всего их числа, 239 пивоварен—41 проц. и 60 винокуренных заводов—36 проц. Об'ясняется это тем, что означенные предприятия принадлежали немцам. Очевидно, Чехо-Словацкое правительство при проведении аграрной реформы руководствовалось не столько точкой зрения социальной и экономической целесообразности, сколько соображениями специфически националистического характера.

Из отчужденной земли к концу 1923 года распределено пахотной 314 тыс. ha; из них передано в собственность бывшим арендаторам 177 тыс. ha, остальные 137 тыс. ha розданы 117 тыс. крестьян, каждый получил в среднем 1,18 ha. В настоящее время крестьянские хозяйства с землею до 2 ha занимают 41 проц. всей поверхности, до 5 ha—68 проц. поверхности, т. е. преобладает мелкое крестьянское хозяйство.

Леса по стратегическим соображениям (они расположены на границе), остаются в распоряжении государства. К концу 1924 г. их забрано 100 тыс. ha.

В 1924 г. забрано еще земли 220 тыс. ha. Предполагается довести до конца реформу в 1926 г.

Венгрия.

Жителей, по переписи 1922 г., 8 млн. Распределение земли крайне неравномерное. Крупным помещикам, владеющим имениями свыше 500 ha каждое, принадлежит $3^1/_3$ млн. ha—37 проц. всей поверхности,
~ руках церкви $2^1/_4$ млн. ha—25 проц., у крестьян средних и мелких
млн. ha—38 проц. Соотношение для крестьян невыгодное, приво-
о войны к неоднократным восстаниям.
ь ционное правительство Карольи, а после него коммуни-
$3^1/_2$ весьма радикальные аграрные законы, но не успели
дившее Настоящее, реакционное правительство защищает
Революц едлагает только поддерживать покупки земли
стическое, издал щиков, обещает в случае крайней необ-
провести их в жизнь. льное отчуждение. Пока никакие бо-
интересы помещиков, пр ы не проведены.
крестьянами с согласия пом
ходимости произвести принудит
лее или менее значительные реформ стью. Аграрный вопрос
помещиков постав-

Германия.

Государство с высоко развитой промышленно елений на
не относится к числу острых. Хозяйство в имениях чению
лено хорошо. и-

После войны изданы законы об организации новых пос
государственных землях; предположено принять меры к осу
болот, отчуждать по средней цене такие земли у частных лиц. Пра
тельствам предоставлено также право принудительного отчуждения земель: а) запущенных, б) скупленных в последние десятилетия у крестьян, в) купленных во время войны не сельскими хозяевами. Могут быть также отчуждены земли у крупных помещиков, если крупное землевладение занимает больше 10 проц. поверхности области. Тяжелые экономические условия, наступившие после войны, не дали возможности провести эти меры в жизнь.

Интересно также отметить мероприятия к уничтожению чересполосицы (особенно в Пруссии) посредством обмена земель, причем таковой может быть проведен властью, независимо от согласия заинтересованных сторон.

Крестьяне могут закрепить за собою свои земли, сделать их неотчуждаемыми: земля не продается за долги, может быть только наложен арест на часть доходов.

В остальных континентальных странах западной Европы аграрный вопрос носил менее острый характер, и в сфере сельского хозяйства значительных реформ проведено не было.

Мы закончили наше изложение главных аграрных реформ в странах западной Европы. Они сводятся, как мы убедились, к принудительному отчуждению земли у крупных помещиков и к расширению прав арендаторов, вплоть до права превращения аренды в собственность. Право частной собственности не было уже непреодолимым препятствием к проведению реформ, как до войны 1914 г. Если правящие классы до Великой Войны считали собственность основою существующего строя и нарушение ее, с их точки зрения, не могло быть оправдываемо никакими соображениями общественной пользы, то во время войны им пришлось отступиться от этого принципа: поставленные ими же правительства показывали пример нарушения этого принципа. Новое отношение к частной собственности, признание права правительства устанавливать границы последней, не приводит однако пока в сфере сельско-хозяйственных отношений к отмене ее, а лишь к увеличению числа собственников, к удовлетворению потребности значительной части сельского неселения владеть землею. Но новая собственность на землю крайне ограничена. Полученная в надел земля может быть передана лишь с разрешения власти и только тем, кто ее будет лично обрабатывать. При небрежном отношении к хозяйству получившего надел земледельца у него власть вправе забирать землю.

Огромное социальное значение имеет переход земли к крестьянам, лишение дворянства его экономической базы. Это означает освобождение хозяйственной жизни от остатков феодализма, которые в некоторых странах до самой войны давали себя сильно чувствовать.

По мнению специалистов, переход собственности к мелким земледельцам может понизить производительность труда в сельском хозяйстве. Но эти опасения более или менее основательны по отношению к одной только стране из подвергшихся крупным аграрным реформам, к Чехо-Словакии, где превалировала не социальная, а националистическая точка зрения—ненависть к немцам. В остальных странах, где проведены крупные реформы, земля обычно раньше сдавалась в аренду и переход ее к земледельцу может иметь только плодотворные последствия, так как земельные магнаты никакой экономической функции не выполняли.

Большое значение имеет, в смысле повышения производительности труда, уничтожение чересполосицы, особенно в Пруссии; но эта мера, к сожалению, пока проводится в недостаточных размерах.

Считаю нелишним, в параллель к нашей теме остановиться в немногих словах на движении арендаторов в Японии, особенно усилившемся после войны 1914-18 г.г. Токийский профессор Кувата, работающий в Японских правительственных комиссиях по исследованию аграрного вопроса, сообщает в своей статье в Archiv für Sozialwissenshaft u. Sozialpolitik *), что помещики массами оставляют имения, уезжают в города, стараются освободиться от своих земель из опасения столкновений,

*) 54 Band, Heft, II 1925 . Prof. Kuwata, Tokio „Die Pächterbewegung in Japan".

доходивших до изгнания землевладельцев и захвата земли. Наш автор уверен, что в течение немногих лет сословие крупных помещиков исчезнет. Весь вопрос, по его мнению, перейдет ли земля к арендаторам (в Японии почти исключительно мелкая аренда) мирным или революционным путем. Почтенный профессор приписывает это движение влиянию большевистских идей и по примеру многих других писателей отмахивается от выяснения об'ективных причин.

Мы можем подвести следующие итоги. Изложенные нами аграрные реформы имеют своим следствием окончательное уничтожение остатков феодального строя, более быстрое развитие капиталистических противоречий. Крестьянство становится большою политическою силою, как сосредоточивающее в своих руках важнейшее средство производства—землю. Его дальнейшее об'единение и кооперирование продолжается; оно старается освободиться от посредников, непосредственно сноситься с мировым рынком.

При более благоприятном соотношении общественных сил, можно надеяться, оно будет постепенно переходить и к об'единению производства.

В. І. Пічэта.

Зямельнае права ў статутах 1529 і 1566 гадоў.

Зямельнае права Вялікага Княжаства Літоўскага ўтваралася звычайным парадкам, шляхам рашэньняў, як вяліка княжаскага і паноў—рады суда, гэтак і мясцовых судовых корпарацый. Неабходнасьць кодыфікацыі зямельнага права ўжо ў пачатку XVI веку была зусім яснаю для шляхецкага стану. Назьбіралася шмат розных судовых рашэньняў, якія неабходна было прывесьці ў сыстэму і дадаць усім юрыдычным зямельным нормам, дзейнічаўшым на тэрыторыі Вялікага Княжаства Літоўскага, адзінакавы характар.

Разьвіцьцё гаспадарчага жыцьця, і ў сувязі з гэтым, мобілізацыя зямельнай уласнасьці, якая цяпер пачалася, настойчыва высоўвалі на першы плян пытаньне аб кодыфікацыі права наогул і зямельнага—ў прыватнасьці. Неабходнасьць кодыфікацыі права выразна вызнавалася земляўласьніцкай клясай, якая выступіла на Віленскім сойме ў 1522 годзе з прапазыцыяй аб кодыфікацыі права наогул. В. К. і паны-рады павінны былі пайці на сустрэньне жаданьням шырокіх колаў земляўласьніцкай клясы. Здавальненьне запатрабаваньняў шляхты выявілася ў выданьні статута 1529 года ў якім правы і прывілеі шляхты, як земляўласьніцкага стану, атрымалі даволі поўнае і выразнае выяўленьне і адбітак. Агалошаны статут, гэтак званае першае рэдакцыі, зьмяшчаў у сабе права выключна земляўласьнікаў. Іншыя вольныя грамадзянскія групы, закрануты ў статуце пастолькі, паскольку яны ў тэй альбо ў другой ступені былі зьвязаны са служылым земляўладаньнем. Статут увёў зямельнае права, якое аднальково дзейнічала па ўсёй тэрыторыі Вялікага Княжаства Літоўскага.

Шляхецкі стан, сабраўшы ў сваіх руках зямельны капітал вялізарнай вартасьці, вельмі раўніва адносіўся да сваіх інтарэсаў і імкнуўся забясьпечыць сябе ад магчымасьці пасяганьняў на свае зямельныя правы з боку чужаземцаў. Шляхта надзвычайна баялася пераходу нават часткі дзяржаўнага зямельнага капіталу ў чужаземныя рукі, праз раздаваньне чужаземцам рознага роду дзяржаньняў. Урад Вялікага Княжаства Літоўскага быў прымушаны ў гэтым пытаньні салідарызавацца з інтарэсамі ўсяго земляўласьніцкага стану. Ужо ў прывілеі Вел. Кн. Казіміра за 2 травеня 1447 году маецца ўрачыстае дэкляраваньне даваць уладаньні і пасады толькі адным тубыльцам [1]). Аналёгічны артыкул маецца і ў прывілеі 1492 г. В. К. Аляксандра, [2]) і ў прывілеі 1506 г. В. К. Сыгізмунда, [3]) які ў падсумавальным выглядзе пацьвер-

---

[1]) *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства, 1910. Приложения. Привилеи 1447 г. § 14.

[2]) Тамже привилеи 1492. г. § 16.

[3]) Тамже привили 1506, § 2.

джвае ўсе правы і прывілеі, атрыманыя шляхецкім станам ад папярэднікаў В. К. Сыгізмунда. Статутавая норма, абвяшчаўшая „Иж в землях наших того Великого Князства земель и городов мест“ дедитства, держанья и уряды будут раздаваться только прирожаным, а тубыльцом тых земль наших Великого Князста“, аканчальна замацавала гэтае права шляхты, яшчэ раней выказанае ў атрыманых ёю прывілеях [4]). Гэтым артыкулам Статуту шляхта забясьпечвала сябе ад магчымага пранікнавеньня ў яе грамаду чужаземных элемэнтаў. Аднак, вышэйпамянуты артыкул Статуту, ня гледзячы на свой катэгарычны тон, ня раз парушаўся вялікім князем. І палякі і маскоўцы, якія пападалі на тэрыторыю Вялікага Княжаства Літоўскага, атрымлівалі ад В. К. староствы і дзяржаньні. На гэтым грунце створваліся непаразуменьні паміж. В. К. і прадстаўнікамі шляхецкага стану.

Неабходнасьць больш сьціслага азначэньня юрыдычнай нормы ў адносінах права чужаземцаў на ўладаньне зямлёю, якая норма знаходзілася ў Статуце 1529 году, была зусім відавочнай. У гэтых адносінах Статут 1566 г. значна дэталізаваў палажэньне вышэйпаказанага артыкулу першага Статуту. У Статуце 1566 г. вышэй паказаны артыкул Статуту 1529 году атрымаў больш выразнае і пашыранае формуляваньне. Асноўны-ж зьмест артыкулу застаўся бяз зьменаў. Статут другога выданья стаяў на тым пункце погляду, „штож в том панстве, Великом Князстве Литовском и во всех землях, ему прислухаючих, достойностей духовных и светских городов, дворов и грунтов староств в держании и поживании, и вечностей жадных чужеземцам и заграничникам, ани суседом того панства давать не маем“ [5]). В. К. дэкляраваў за сябе і за сваіх патомкаў даваць апошнія толькі „Литве, а Руси родичом старожытным и врожанцам Великого Князства Литовского и тых земель, тому Великому Князству належачих“. Статут дапушчае, аднак, магчымасьць такого выпадку, калі, наперакор гэтак катэгарычна выказанай забароне, усё-такі ў руках чужаземца акажацца тое ці іншае дзяржаньне, якое было дадзена В. Князем дзякуючы настойчывым просьбам чужаземца. У такім выпадку, калі выявіцца незаконнае ўладаньне альбо дзяржаньне, „тогды маетность его вся маеть быть взята до столу и скарбу нашего Великого Князства Литовского“. Выключэньне складаюць толькі тыя з чужаземцаў, якія аселі на тэрыторыі гаспадарства „з ласки данины нашое, альбо которым иншым правом“. У гэткім разе асобы „оселости оное уживати мають“, нараўне з іншымі грамадзянамі Вялікага Княжаства, але ў той-жа час яны абавязаны адбываць з тых земляў „службу земскую тому панству“. Дапушчаючы магчымасьць уладаньня зямлей эмігрантамі, законадаўства II Статуту тым ня меней патрабуе, каб чужаземец „на достоинства и всякий вряд духовный и свецкий не маеть быть обиран, а не от нас господаря ставлен“. У выпадку, калі-б які-небудзь чужаземец, што займаў тую ці іншую сьвецкую ці духоўную пасаду, не захацеў-бы ад яе адмовіцца пасьля напамінаньня, то такі „маетнасть свою на нас, В. К. Литовского, тратит“ [6]).

Шляхецкая зямельная ўласнасьць усіх відаў:—вотчынная, выслужаная альбо купленая, як агульнае правіла, недатыкальна. Аднак, з гэтага агульнага правіла ёсьць і выключэньні. Гаспадарскія падданыя, што ўцяклі „до земли неприятельской“, разглядающца як дзяржаўныя

[4]) Статут 1529 (Временник Московского Общества Истории и Древностей Российских; книга 18, М. 1854). Раздел III арт. 3.

[5]) Статут 1566 (Издание Моск. Общ. Ист. и Древ. Рос.). Раздел III арт. 9.

[6]) Статут 1566, Раз. III, арт. 9.

злачынцы і таму „таковый кожный честь свою тратит, а имение его отчизное, и выслуженое, и купленое ни детем ни ближним, только на нас, господаря“ [7]).

На аснове недатыкальнасьці шляхецкага зямельнага ўладаньня пасьля сьмерці бацькоў „сынове и дочки отчизны отдалены быть не мают“. Увашоўшы ва ўладаньне бацькаўскай спадчынай, яны карыстаюцца, нараўне з іншымі зямляўласьнікамі ўсімі „вольностьми и супольным правом, яко княжата и панове хоруговые, шляхта и мещане Великого Князства Литовского посядают и на пажитки свои оборочают“ [8]). Аднак, гэтая агульна-абавязковая юрыдычная норма можа быць парушана, і дзеці трацяць права на нярухомую маемасьць у тым разе, калі-б бацька „от детей втек до земли неприятельское“, а дзеці, што засталіся дома „не были-бы дельные“. Пры існаваньні-ж асобнага ад бацькі ўладаньня, калі, згодна закону, будзе даведзена, што дзеці ня ведалі аб умысьле свайго бацькі, „тогды они части свое не тратят“ і на гаспадара толькі „тая часть отцовская спадывает“. Гэтак сама, у выпадку, калі-б уцёк заграніцу выдзелены сын, а бацька і браты ня ведалі аб яго умысьле і ніяк яму не дапамагалі, з чаго і маглі-б „вывестися присягами телесными, тогды они частей своих не тратят, лечь толко того брата часть, который втек спадывает на нас господаря“ [9]).

Законадаўства другога Статуту поўнасьцю пераймае палажэньні, што маюцца ў першам Статуце, у адносінах конфіскацыі зямлі ўласьнікаў уцёкшых „до земли неприятельское“. Статут 1566 г. толькі дапоўніў законадаўства першага Статуту тым, што маемасьцю, якая не падлягае конфіскацыі, зьяўляюцца ня толькі выдзеленыя часткі дзяцей, але і добранабытая „власного набытья своего“. Разумеецца, што дзеці ня былі асьвядомлены аб умысьле іхнага бацькі і ня прымалі ў ім ніякага ўдзелу [10]). Апроч таго, Статут 1566 году вымагае, каб аддзелены сын „мешкал-бы на том кром отца своего не в одном местцу з ним, а не за одным плотом и небыл подойзренный“ [11]). Таксама, не падлягаюць конфіскацыі ўладаньні і жаночыя „отчизные и материстые“, а таксама атрыманае ад злачынца мужа вена, калі толькі выявіцца, што жонкі „таковых здрайц, которые не будут ли ведали, тое здрады мужов своих, а с того се выведут присегами своими“ [12]). Не падлягаюць, таксама, конфіскацыі землі праданыя і запраданыя да моманту ўцяканьня за граніцу, калі толькі ўласьнік гэткай маемасьці „окажет на то листы и держанья своего доведет“. У разе, калі ён адмовіцца прысягай апраўдаць сваё ўладаньне, „тогды тое купленое, або закупленое имение тратит“ [13]).

Статут першага выданьня, устаўляючы, як агульнае правіла, што дзеці ня могуць быць пазбаўлены спадчыны пасьля сваіх бацькоў, калі толькі апошнія не зрабілі злачынстваў дзяржаўнага характару, аднак, з гэтага агульнага правіла апошні робіць некаторыя выключэньні. Перш за ўсё траціць права на ўладаньне нярухомай маемасьцю кожная дзяўчына, якая „пашла да чужой земли, да Полщи, або до Мазовш або до которое колве земли, маючи именя отчизны, и материстые, в панстве нашем в Великом Князстве Литовском“. Дзяўчына, што вышла замуж за чужаземца траціць сваё права ўладаньня „отчызнымі і мацярыстымі...

---

7) Статут 1529, Разд. I. арт. 2.
8) Статут 1529, Разд. III, арт. 9.
9) Статут 1529, Разд. I. арт. 4.
10) Статут 1566, Разд I, арт. 6.
11) Статут 1566, Разд. I, арт. 11.
12) Статут 1566, Разд. I, арт. 3.
13) Статут 1566, Разд. I, арт. 10.

рыстымі“ землямі, якія адыходзяць „на стрыев рожоных“. У выпадку адсутнасьці гэткіх,—„на яе близких“. Пры тым насьледнікі не павінны даваць гэткай дзяўчыне ніякага „пасагу“[14]. Так сама дзяўчына, якая выйшла замуж бяз волі бацькі і маткі, траціць ня толькі права на пасаг, але зусім адхіляецца наследаваньня мацярынскаю маемасьцю нават у тым разе, калі-б яна была адзінаю дочкаю ў сваіх бацькоў[15]. Уся-ж „отчизна спадывает на близких“. Таксама, калі-б якая небудзь дзяўчына сірата, вышла замуж бяз згоды „стрыев, або брати свавей“, то яна таксама траціць права на ўладаньне законнай сваею часткай маемасьці. Каб абегчы злоўжываньняў, якія пры гэтым маглі-б вынікнуць, Статут 1529 г. дазваляе дзяўчыне, што жадае выйсьці замуж, але якой браты і дзядзькі робяць у гэтым перашкоду, зьвярнуцца за дапамогай „дальшых кровных своих, або до враду“. У гэткім выпадку, яна ня траціць права на маемасьць. У праціўным выпадку, калі яна ня зьвернецца да ўраду альбо да блізкіх і была-б дарослай усё такі пойдзе замуж, „тогды имене тратит“[16]. Статут прадбачыць магчымасьць абражаньня дзецьмі бацькі альбо маткі. У такім разе „если бы сын отца вдарил, або зсоромотил, або которые втиски и пренегебанья ему чинил“, то бацька мае права адхіліць сына ад правоў на спадчыну. У разе, калі-б у бацькі быў адзін сын, тагды дзьве часьці маемасьці пераходзяць да сваякоў, а трэцюю частку ён можа „обернути“ па ўласнаму жаданьню. У аналёгічных выпадках і матка можа адхіліць сваю дачку „от свае части материстого“[17]. Аддаленьня ад права на спадчыну праз духоўную запісь Статут першай рэдакцыі не дазваляе. Каб абегчы злоўжываньняў, Статут патрабуе, каб тая старана, што мае замер адхіліць сваіх дзяцей ад спадчыны, „пришодши перед господарем, або перед урадником, поведити и дати на него слушные причины“, тагды, калі з гэтым згодзіцца ўрад, альбо гаспадар, парушыўшага пачцівасьць да бацькоў можна „за его выступ злый записом от именя отдалити“[18].

Статут другое рэдакцыі закранае тыя-ж самыя пытаньні, якія былі ўзьняты ў Статуце першага выданьня. Стоячы на пункце гледжаньня неаддальвальнасьці дзяцей ад наследаваньня бацькаўскае і мацярынскае маемасьці, Статут другога выданьня дапушчае таксама рад выключэньняў, часткай аналёгічных першаму Статуту, часткай уводзіць новыя выпадкі, дзякуючы якім бацька мае права адхіліць сваіх дзяцей ад маемасьці. Статут 1566 г, адмовіўся аддальваць ад права на ўладаньне нярухомасьцю тых дзяўчат, якія вышлі замуж за чужаземцаў. Статут патрабуе толькі „иж бы каторыи колвек, оселый и неоселый оженился в Литве и побрал по жене именья“, у выпадку „войны и каждое потребности Великого Князства Литовского“, быў абавязаны адбываць з тых маёмасьцяў вайсковую службу, не адмаўляючыся тым, што яму жонка тае маемасьці не запісала. У выпадку, калі запатрабаваньне гэтае ім будзе парушана, то тагды ён і яго жонка „тратят тые именья“[19]. Статут 1566 г. поунасьцю падзяляе пункт гледжаньня першага Статута, згодна якога дзяўчыны, што вышлі бяз згоды бацькоў замуж, трацяць права на атрыманьне пасагу і адхіляюцца ад маемасьці етчызнай и мацярыстай[20]. Таксама статут 1566 г. стаіць і на тым пункце

---

[14]) Статут 1529. Разд. IV, арт. 10.
[15]) Статут 1529. Разд. IV, арт. 11.
[16]) Статут 1529. Разд. IV, арт. 12.
[17]) Статут 1529. Разд. IV, арт. 14.
[18]) Статут 1529. Разд. IV, арт. 14.
[19]) Статут 1566. Разд. V, арт. 6.
[20]) Статут 1566. Разд. V, арт. 7.

гледжаньня, што дзяўчына, якая вышла замуж бяз волі на тое братоў і сваякоў, альбо бяз згоды ўраду, калі браты робяць перашкоды гэтаму шлюбу, адхіляецца ад насьледаваньня[21]). Статут 1566 г. прадбачыць яшчэ новы выпадак, калі дзяўчына альбо ўдава можа быць адхілена ад бацькаўскай альбо мацярынай маемасьці. Гэтак, калі дзяўчына, альбо ўдава, будучы шляхецкага пахаджэньня, выйдзе замуж за простага стану чалавека, то яна аддальваецца ад усіх маёмасьцяў, якія пераходзяць да сваякоў. Аднак тыя, што атрымалі спадчыну, павінны гэткай „девце, або вдове за тые именья ее, отложити суму пенезей, подле шацунку Статутового, але по паловицы т. е. даючы за каждую службу людей 5 коп. грашей, а иншие грунты сумы по половицы“[22]). Апроч таго, гэткія ўдовы і дзяўчаты, што вышлі замуж за простага стану людзей, трацяць сваё вена. Усякія абавязанасьці дзяцей і кроўных трацяць у гэтым выпадку сваю сілу. Статут другога выданьня прадбачыць, таксама, рад выпадкаў калі бацькі, зразумела за згодай адпаведнай улады, маюць права аддаліць сваіх дзяцей ад насьледаваньня. Ён зазначае магчымасьці: 1) калі „сын кгвалтовне руку поднесет на родичов, альбо имение за живота з рук отцовских кгвалтовней отыймает“. 2) Калі сын учыніць „значную кривду“ свайму бацьку, альбо якім небудзь спосабам зробіць замах на яго жыцьцё. 3) Калі сын ці дачка праз злосьць і ненавісьць будуць рабіць заходы на жыцьцё бацькі альбо маткі. 4) Калі сын адмовіцца ўзяць на сябе паруку па сваім бацьку, хоць справа закранала жыцьця апошняга, альбо наогул адмаўляўся ўзяць на сябе які-небудзь абавязак у адносінах да свайго бацькі. 5) Калі дзяўчына, ня вышаўшы замуж, ня гледзячы на тое, што кроўныя ня чынілі ёй у гэтым ніякіх перашкод, вядзе непачцівым спосабам жыцьцё, а хаця і дасягнула 25 гадоў, усё такі ня вышла замуж, але жыла старым спосабам, „тогды родичове могут от именя выдетечить, а то для того, аж их послушна быть и в малженство пойти не хотела“. 6) Калі сын вызначваецца псыхічнай ненармальнасьцю в „земстью розума“. 7) Калі хто небудзь з бацькоў аказаўся ў палоне, а сын адмовіўся іх выкупіць, уладаючы пры гэтым сваёю ўласнаю маемасьцю. 8) Сыны, што адступіліся хрысьціянскае веры. Зразумела, адхіленьне сыноў ад насьледаваньня можа быць зроблена на духоўніцаю, але толькі ў прысутнасьці ўлады. Апошняя павінна выслухаць зробленую, заяву праверыць яе асновы, і тагды запісаць у адпаведную кніжку[23]).

Права ўладаньня нярухомай маемасьцю грунтуецца на гаспадарскам падараваньні, замацаваным лістом, альбо даўнасьці часу. Усякае зямельнае дзяржаньне павінна адпавядаць таму, што запісана ў лісьце гаспадарскім. Земляўласьнік, які атрымаў ад В. К. ліст на зямельнае ўладаньне, але пры ўводзе ва ўладаньне захапіў больш „нижли просил“ у такім выпадку „тую выслугу и данину тратит“. Роўна-ж, каліб земляўласьнік захапіў без даніны зямлю і далучыў яе да сябе, то такая асоба траціць сваю выслугу і „тое забрание“, якая спадае на гаспадара. Так-жа сама, калі хто небудзь „ку отчизному своему имению люди або земли, пущи, або ловы возера без данины забрал“, дык у такім разе з мэтай пакараньня, з яго маемасьці выдзяляецца частка роўная па каштоўнасьці забранай ім маемасьці, якая „спадывает на господаря“. У разе калі земляўласьнік захапіў толькі людзей з зямлёй або без зямлі, альбо захапіў пустую зямлю, то з яго зямельных уладаньняў робіцца адпаведная компенсацыя. „мает

[21]) Статут 1566. Разд. V, арт. 8.
[22]) Статут 1566. Разд. V, арт. 11
[23]) Статут 1566. Разд. VIII, арт. 7.

каждого человека колько будет взял своими отчызнами навязываит, из землями, а земли кождую землю землей". [24])

Урад Вялікага Княжаства Літоўскага строга пільнаваўся вышэй паказанага артыкулу першага Статуту. Пры ўтварэньні аграрнай рэформы Сыгізмундам Аўгустам у заходніх частках Вялікага Княжаства Літоўскага, адбывалася паверка праў на землю. У разе, калі дзяржальнікі зямлі ня мелі адпаведных дакумантаў на права ўладаньня зямлёй, то ўсе гэтыя бездакумантныя землі адпісваліся на гаспадара [25]). Земляўласьнікі Вялікага Княжаства Літоўскага маглі аказацца ўласьнікамі зямляў, на якія яны к моманту выданьня Статуту 1529 г. ня мелі ніякіх дакумантаў, і права ўладаньня якімі грунтавалася толькі на даўнасьці часу. Ужо ў шляхецкіх прывілеях гаварылася аб такога рода зямельных уладаньнях і прывілеі фактычна замацоўвалі іх за ранейшымі ўласьнікамі. Статут 1529 году гарантаваў шляхце недатыкальнасьць гэткіх дзяржаньняў. Гэтак, калі-б хто-небудзь уладаў спакойна маемасьцямі і паселенымі землямі яшчэ ад часоў Казіміра, хаця-б на іх ня было ніякіх апраўдальных дакумантаў і ніхто-б на іх не заяўляў пратэнзій „и о том до короля Олександра будет ся никто ся не привпоминал бы“ то гэткія асобы захоўваюць за сабою права ўладаньня. [26]) У выпадку-ж падняцьця іску адносна незаконнага ўладаньня В.К. павінен быў „справедливость чинити без отволокі.“ [27]) Калі-ж хто адбярэ ад гэткага ўладальніка землі а патым выявіцца, што гэтая зямля знаходзілася ва ўладаньні сям'і ад часоў Вітоўта, Сыгізмунда і Казіміра, то гэткі ўладальнік захоўвае поўнае права на сваю зямлю. [28])

Статут першага выданьня, замацоўваючы за ўладаньнікамі землі, якімі яны валадалі ад старых гадоў без дакумантаў, пры адсутнасьці якіх бы то ні было сустрэчных спрэчных іскаў на прычыне ўладаньня зямлёю, павінен быў азначыць пунктуальна таксама і тэрмін даўнасьці, пасьля якога ніякія іскі ў адносінах да нярухомай маемасьці ня будуць дзейснымі. Статут першага выданьня аканчальна азначае тэрмін даўнасьці 10 гадамі. Па выхадзе 10 гадоў усякія іскі зьяўляюцца ня дзейснымі, і нярухомае ўладаньне застаецца ў руках тае асобы, якая трымала зямлю на працягу гэтага часу. Аднак гэты тэрмін даўнасьці не пашыраецца на недарослых да моманту іх сталага ўзросту, калі дарosламу „младенцу“ выйдзе 18 гадоў, а „девце 15 лет“. Аднальково, тэрмін даўнасьці ня мае свайго юрыдычнага значаньня для тых асоб, што знаходзіліся заграніцай, зразумела, з дазволу В.К., аж да павароту гэткай асобы назад да дому. Для тых, што вярнуліся з заграніцы, тэрмін земскае даўнасьці пачынаецца „от того часу, как с чужой стороны к своей земле приедеть“. [29])

Статут першага выданьня прадбачыць магчымасьць гэткага выпадку, калі дзьве асобы заяўляюць пратэнзыі на адну і тую-ж зямлю, і калі кожны з тых, што даходзіць на яе права, мае пэўную аснову сваіх дамаганьняў. Гэткія спрэчныя пытаньні могуць узьнікнуць толькі ў тым выпадку, калі ўрад выдасьць два дакуманты на права ўладаньня аднэй і таеюж зямлёю і людзьмі. Зразумела, выданьне двух дакумантаў зьўляецца вынікам памылкі Ураду і злоўжы-

[24]) Статут 1529 разд. I арт. 8

[25]) **Пичета**. Аграрные реформа Сигизмунда-Августа в литовско-русском государстве ч. I Москва 1917 г.

[26]) Статут 1529 г. разд. I арт. 14.

[27]) Статут 1529 г. разд. I арт. 14.

[28]) Статут 1529 разд. I арт. 19.

[29]) Статут 1529, разд. I, арт. 18.

ваньня з боку таго, хто прасіў аб падарэньні, ведаючы, што гэтае ўладаньне знаходзіцца ў другіх руках. У такім выпадку захоўвае сваю сілу „першы привилей або лист колко лет поживал и в держаню был". Статут падымае, так сама пытаньне аб тым, як быць з тымі землямі, што былі падараны земляўласьнікам, якія ня гледзячы на тое, што атрымалі ад гаспадара лісты на ўладаньне зямлёй, на працягу 10 гадоў не ўвашлі ва ўладаньне данымі ім землямі. У гэткім разе, за выключэньнем тэрміну даўнасьці, яны трацяць права на ўладаньне надаранай В.К. зямлёю [30]). Статут другога выданьня закранае тыя-ж пытаньні, але ў вырашэньне апошніх ён ня ўносіць ніякіх зьмен [31]).

Ужо шляхецкія прывілеі дазволілі ўласьнікам нярухомай маемасьці распараджацца ёю па ўласнаму жаданьню [32]). Урад павінен быў контраляваць вольнасьць звароту зямельнай уласнасьці з тым, каб ад гэтага не пацярпелі інтарэсы дзяржавы, з тае прычыны, што кожнае зямельнае дзяржаньне было зьвязана з адпраўленьнем ваеннай павіннасьці дзяржаве.

Статут 1529 году, захоўваючы за земляўласьнікамі права вольнага распараджэньня сваімі землямі, аднак абмяжовывае апошняе права ў адносінах фамільных і выслужаных маемасьцяй „вольную моц имения своего третью часть отдати, продати, даровати и в пожитки добровольные привести", зразумела з прыняцьцем пад увагу вызначаных законам фармальнасьцяй, і атрыманьня ад цэнтральнай альбо правінцыяльнай улады дазволу на права заключэньня адпаведных грамадзянскіх зьдзелак [33]). Разумеецца, што гаспадарская адміністрацыя не магла рабіць ніякіх перашкод у тым выпадку, калі адчужэньню падлягала толькі адна трэцяя ўладаньня. Самы-ж зварот зямляўласьніка да адміністрацыі быў выклікан неабходнасьцю кантроля з боку дзяржаўнай улады, якая сьлядзіла за тым, каб закон ня быў парушаны дзяржальнікамі зямельнай уласнасьці. Аднак, Статут, даючы земляўласьніку права прадаць на вечнасьць толькі трэцюю частку маемасьці, у той-жа самы час дазваляе апошняму ў выпадку неабходнасьці, „естли б была б потреба на службу нашу земскую пенези, две части заставити и толку", пры ўмове, што застаўная сума ня будзе большаю вартасьці адданых у заставу двух частак. У выпадку парушэньня гэтага патрабаваньня, кроўныя, пры выкупе застаўнае маемасьці „не павинны больш дати одно, чого стоят тые две части". Асоба, што ўзяла маемасьць у заставу і давала пазыку, якая перавышае вартасьць маёмасьці, траціць гэтую лішку беззваротна [34]).

Статут 1529 году, дазваляючы адчужваньне пэўнага ліку зямлі, а таксама дапушчаючы магчымасьць заставы і апошняй непраданай зямлі, ішоў на сустрэньне тагочасным запатрабаваньням жыцьця. Народная гаспадарка, якая ўжо разьвілася, і асабліва сельска-гаспадарчы пад'ем, што тагды адбываўся, утваралі крайнюю неабходнасьць мобілізацыі зямельнай уласнасьці. Пагоня за зямлёю, з боку асобных прадстаўнікоў шляхецкага стану, была прычынай значнага запрапанаваньня асобнымі земяўласьнікамі сваіх земляў на продаж [35]).

Абмяжаваньне першага Статуту адносна права распараджэньня знаходзілася ў супярэчнасьці як з запатрабаваньнямі народнай гаспадаркі, гэтак і з шляхецкімі правамі і прывілеямі. Калі шляхецкія пра-

---

[30]) Статут 1529 Разд. I арт 24.
[31]) Статут 1516, Разд. I стр.15, 28, 29 Разд. III арт. 38.
[32]) Любавский. Очерки истории, Привилей 1413. арт. 4., Привилеи 1447, арт' 1.
[33]) Статут 1529 Разд. I, арт. 15.
[34]) Статут 1529, Разд. I арт. 16.
[35]) Пичэта. Эпоха городское гаспадаркі Беларусі. (Полымя. 1925, № 6.)

вы давалі шляхцічам права вольнага распараджэньня сваею маемасьцю, але апошняе ўсё такі абмяжоўвалася дзейным законадаўствам, то зусім зразумела, што кляса земляўладальнікаў павінна была імкнуцца да таго, каб дабіцца зьмены адпаведнага артыкулу першага Стутуту. Спачатку ўсе абмежаваньні першага Статуту былі захованы ў Статуце1566 году[36]), што, зразумела, знаходзілася ў поўнай супярэчнасьці з артыкулам гэтага-ж самага Статуту, які дазваляў „всим станам шляхецкага народу, яко людем вольным... имениями своими отчизными, материстыми и якимже кольвек обычаем набытыми шафовати, водле потребе воли и подобаньня своего отдати, продати, даровати, записати, заставити в долгу и в сумах завести заменяти“[37]). Нязьмененая юрыдычная норма Літоўскага Статуту сустрэла супярэчаньні з боку шляхты на Берасьцейскім Сойме 1566 г., які адмяніў вышэй паказаны артыкул Статуту. Згодна вырашэньня Берасьцейскага Сойму, кожны земляўласьнік мае права распараджэньня сваімі айцоўскімі, земскімі, матчынымі, выслужанымі і купленымі маемасьцямі, бяз усякага абмежаваньня. Кожны земляўласьнік мае право „водле доброе воли своее и мысли, отдати, продати, даровати и записати, заставити, от детей и близких отдалити подле бачэнья своего тым шафовати“ Для ўтварэньня гэткае зьдзелкі ўжо цяпер не патрабуецца дазволу дзяржаўнай улады. Шляхціч, які ўтварае тую ці іншую грамадзянскую зьдзелку, павінен аб гэтым паведаміць уладу для занясеньня яго заявы ў належныя актавыя кніжкі аб тым, што такая-то маемасьць перайшла ва ўладаньне другое асобы[38]).

Статут першага выданьня, дазваляючы адчужваньне пэўнай часткі маемасьці, аднак не пашырае гэтага права на апякуноў. Апошні „не моцон есть отчизны детиное продати, або яко кольвек стратити, а ни тэж того именя их граничити“. У выпадку парушэньня апякуном гэтай пастановы, дзеці, дасягнуўшы сталасьці, заховываюць за сабою права праз суд дабівацца аднаўленьня парушаных іхных інтарэсаў. Прычым, у гэткім разе, земская даўнасьць вядзе свой пачатак толькі з таго моманту, калі дзеці дасягнуць „супольных лет“[39]). Таксама, старэйшы сын ці старэйшы брат, што быў апякуном сваіх братоў і ў той жа час суўласьнікам непадзеленай маемасьці, ня можа, за выключэньнем толькі часткі, якая на яго прыпадае, „задолжити, продати, заставити, отдати, стратити“. У выпадку калі суўласьнікам прыдзецца адказваць за даўгавыя абавязнасьці бацькоў, якія знаходзяцца на маемасьці, то старэйшы брат, „с ведома и з волею, и с порадою старших приятелей дому своего, тогды моцон будет именья брати своей в пенезях завести, а тые долги отцовские, або матчины со своих частей мают заплатити, с тых же пенезей“. пры тэй аднак умове, што сума, атрыманая за адданьне маемасьці ў заставу, ня будзе перавышваць велічыні даўгоў[40]).

Статут 1566 г. ня ўнёс ніякіх зьмен у пастановы першага Статуту[41]). Статут першай рэдакцыі, абмежаваўшы права распараджэньня ўласьніка сваею отчызнай зямлёй, увёў таксама абмежаваньні і ў права земляўласьнікаў на духоўныя запісы. Паколькі права адказных было зусім вольным і частка зямлі магла быць перададзенай, праз адказаньні у чужыя рукі, пастолькі Статут першай рэдак-

---

[36]) Статут 1566, Разд. III, арт. 4.
[37]) Статут 1566, Разд. III, арт. 33.
[38]) Статут 1566, Разд. VII, арт. I.
[39]) Статут 1529, Разд. V арт. 5.
[40]) Статут 1529. Разд. V арт. 7.
[41]) Статут 1566. Разд. VI арт. 10 и 11.

цыі абмежаваў аднэй трэцяй часткай маемасьці фамільнай і выслужанай, якую можна аддаваць па адказаньню [42]).

Статутавае права ведае яшчэ асобны від земляўладаньня гэтак званае „заставное землевладение“, якое ўжо к XV веку мела пэўнае пашырэньне. Пад застаўным земляўладаньнем Статут разумее землі, адданыя за доўг у забесьпячэньне апошняга. Звычайна, застаўленыя двары пераходзілі ва ўладаньне і эксплёатацыю крэдытора. Прыбытак ад эксплёатацыі зьяўляўся свайго роду працэнтамі за пазычаныя грошы. Права заставы шырока практыкавалася ў канцы XV і пачатку XVI веку, як самім гаспадаром, так і прыватнымі асобамі. Вялізарны лік вялікакняжаскіх такіх дамэнаў знаходзіўся ў заставе ў літоўска-беларускіх магнатаў [43]). Звычайна застаўленым уладаньнем распараджаўся крэдытор. Аднак, бывалі выпадкі калі застаўленая маёмасьць заставалася ў карыстаньні ўласьніка. Разумеецца, гэта зьяўляецца выключэньнем. Застаўныя зьдзелкі маглі быць на тэрмін і без вызначэньня апошняга.

Пры передачы ў часовае ўладаньне заставы, уласьнік ня трацiў права ўласнасьці на застаўленую нярухомую маемасьць. Дзякуючы гэтаму земская даўнасьць не пашыраецца на застаўныя ўладаньні, бо крэдытор, які атрымаў землю ў заставу, не зьяўляецца поўным распарадчыкам уладаньня. Дзякуючы адсутнасьці права земскай даўнасьці ў адносінах да бяз тэрміну застаўленай маёмасьці, уласьнік апошняе мае права „отложивши перед врядом пенези“, патрабаваць звароту сабе назад „заставленых держний дедицства своего... так за правом своим прирожоным, так яко колве инак набытым“. Дзяржальнік заставы ня мае магчымасьці адмовіць уласьніку ў звароце яму назад адданай ў заставу нярухомасьці. У выпадку калі-б дзяржальнік заставы, пры падняцьці іску не зьявіўся-б у суд, то ўласьнік уваходзіць ва ўладаньне застаўленай маемасьцю, а застаўная сума пакідаецца ў распараджэньні ўраду для перадачы яе дзяржальніку застаўнай маемасьці, які ў суд не зьявіўся [44]). Затым Статут перадбачыць магчымасьць гэткага выпадку, калі сыходзіць тэрмін застаўнае зьдзелкі, а сам уласьнік ня мае магчымасьці выкупіць свае маемасьці. У гэткам разе Статут дае ўласьніку маёмасьці палёгачны гадавы тэрмін, па выхадзе якога маемасьць можа быць выкуплена [45]). У разе, калі, па выхадзе гэтага тэрміну сам уласьнік маемасьці, альбо яго сваякі, да якіх павінен зьвярнуцца ўласьнік застаўленай маёмасьці з прапановай выкупіць апошнюю ня зробяць гэтага на працягу палёгачнага гадавога тэрміну, то застаўленая маемасьць робіцца ўласнасьцю крэдытора [46]). У выпадку, калі асоба, якая аддала маемасьць у заставу, памрэ да выкупу, то Статут дае права сыну альбо сваяку выкупіць маемасьць не чакаючы канца палегачнага тэрміну [47]).

Статут першае рэдакцыі, абараняе інтарэсы, як уласьніка застаўленай маемасьці, гэтак і яго блізкіх, ад незаконнага прыўлашчваньня дзяржальнікам застаўленай маемасьці; без захаваньня тых надворных формаў, прысутнасьць якіх павінна была абараняць інтарэсы сям'і і ў той-жа час ставіць пад ахову закона таксама і інтарэсы дзяржальнікаў застаўных маемасьцяў. Статут 1529 году не дапушчае звароту застаўленай на тэрмін маемасьці да сканчаньня тэрміну заставы. Статут адносіцца адмоўна да спробаў гэткага роду і разглядае апош-

---

[42]) Статут 1529. Разд. V, арт. 18.
[43]) Пичета, Аграрная реформа, ч. I стр. 37.
[44]) Статут 1529. Разд. X, стр. 5.
[45]) Статут 1529. Разд. X арт. 5.
[46]) Статут 1529. Разд. X, стр. 9.
[47]) Статут 1529, Разд. X, арт. 5.

нія як дзеяньні крімінальнага характару, за якія вінаватая асоба падлягае пакараньню. Гэтак, калі-б хто-небудзь заставіў каму маемасьць альбо людзей сваіх на пэўны тэрмін, а затым ня выплаціўшы грошы да выхада тэрміну, адабраў застаўленую маемасьць альбо людзей, то вінаваты ў гэткім дзеяньні павінен заплаціць за гвалт 12 рублёў-грошаў і столькі-ж на карысьць В. К. Апроч таго, калі-б застаўленыя людзі не захацелі рабіць на свайго часовага дзяржальніка і тым самым зрабіліб яму ўшчэрбак, тагды ўласьнік застаўленай маемасьці павінен „за кождый тыдзень мает платити навязки шесть грошей за того, каторый будет мети волы а клячу, а за того, который пеш будет, мает платити тры грошы“. Роўна-ж, калі-б скончыўся тэрмін заставы, і дзяржальнік застаўленай маемасьці не захацеў бы ўзяць належную яму суму грошаў і вярнуць уласьнікам застаўленую маёмасьць, то ў гэткім разе, уласьнік павінен зьвярнуцца да паватовага віжа, які павінен аддаць другой старане належныя ёй грошы. Калі-б дзяржальнік застаўленае маёмасьці ў гэткам разе адмовіўся ўзяць грошы, то тагды віж павінен аддаць грошы ў гаспадарскі скарб і ўвесьці ва ўладаньне ўласьніка маемасьці, што была ў заставе [48]). Статут другое рэдакцыі фактычна ня ўнёс ніякіх зьмен у сутнасьць статутавага застаўнага права [49]).

Звычайна, у заставу аддаваліся толькі землі, якімі ўласьнікі валадалі на правох поўнае ўласнасьці і неабмежаванага распараджаньня[50]). І жонка магла аддаваць у заставу, атрыманае ад мужа вена. Усякага роду дагаворы аб заставе маемасьці павінны былі быць пісанымі. Застава маемасьці спынялася ў выпадку выплаты доўгу альбо ўтварэньня выкупу. Маемнасьць, нявыкупленая ў тэрмін, пасьля адбыцьця ўсіх фармальнасьцяў пераходзіць ва ўласнасьць крэдытора [51]).

Права ўладаньня зямлёй, як агульнае правіла, сапраўаджвалася з абавязкам для ўласьнікаў адбываць ваенную павіннасьць. Статутавае права ня ведае права ўладаньня зямлёю, не зьвязаннага з адпраўленьнем ваеннай павіннасьці. Статут 1529 году ўскладае на кожнага земляўласьніка абавязак адбываць ваенную павіннасьць згодна земскае ухвалы „яко на тот час будет потрэба указывати“. Кожны шляхціц павінен выходзіць на вайну асабіста і апроч тога выстаўляць на вайну пэўны лік узброены людзей ў залежнасьці ад велічыні свайго ўладаньня, прычым той лік службаў, з якіх выстаўляецца адзін узброены чалавек, вызначвацца ўхвалай. Статут 1529 году, вымагаючы, каб кожны земляўласьніка асабіста адбываў ваенную службу, дапушчае аднак магчымасьць незьяўленьня на ваенную службу у выпадку хваробы, належным спосабам засьведчанае. У гэткім разе, хворы земляўласьнік павінен выставіць замест сябе ўзброенага чалавека. Таксама, калі-б здаровы шляхціц, маючы дарослага сына, ня выдзеленага, захацеў бы выслаць яго на вайну замест сябе, то за згодай гэтмана, гэткая замена бацькі сынам дапушчаецца[52]). У разе адсутнасьці згоды, на войну павінны ехаць бацька. Шляхціц, які адмовіўся адбываць ваенную службу, траціць права на ўладаньне зямлёй. Статут пагражае гэткаму шляхціцу конфіскацыяй яго маемасьці [53]). Аднак, калі-б які шляхціц ня прыехаў на вайну па законных

---

[48]) Статут 1529, Разд. X, арт. II.

[49]) Статут 1566, Разд. VII, арт. 14, 15, 16, 18 и 19.

[50]) Статут 1566, Разд. VII стр. 7.

[51]) Статут 1566, Разд. VII стр. 18.

[52]) Статут 1529, Раз. II стр. I, 5 и 6.

[53]) Статут 1529 Разд. II, стр. I, 7.

прычынах, то, зразумела, гэткая незьяўленьне ня лічыцца незаконным і ня цягне за сабою конфіскацыі маемасьці[54]). Статут другое рэдакцыі ня ўнёс ніякіх зьмен у агульны характар абавязкаў служылых земляўласьнікаў, за выключеньнем толькі таго, што ўсякага роду пытаньні, якія дакранаюцца абароны земскай, абавязкова вырашаюцца на Вольным Сойме[55])

Што належыць застаўленых маемасьцяў, то пытаньне аб тым, хто павінен быў адбываць з апошніх ваенную службу, быў абмінуты ў Статуце першай рэдакцыі. Узьнікшыя на гэтым грунце непаразуменьні вымагалі тлумачэньня і нават юрыдычнага афармаваньня. Гэта было зроблена ў Статуце 1566 году. Апошні зазначае, як агульнае правіла, што дзяржальнікі застаўленых маемасьцяў, павінны „службу земскую того заступовати“, калі толькі ў застаўным дакумэнце не абгаворана, што абавязак адбываньня ваеннай службы застаецца за яго юрыдычным уласьнікам. Апошнія павінны былі адбываць ваенную службу і ў тым разе, калі дзяржальнікам заставы былі асобы, якія ня мелі права па свайму юрыдычнаму стану адбываць ваенную службу „гды бы оселости яковое и можности не мог меть“[56]).

---

[54]) Статут 1529, Раз. II, арт. 6.
[55]) Статут 1566, Разд. II, арт. I, 2, II, 12 и 13.
[56]) Статут 1566, Разд. II, арт. 4.

В. И. Пичета.

Крестьянское и рабочее движение на Белоруссии в эпоху 1905 года.

I. Аграрная политика и земледелие сельского населения накануне 1905 года.

Положение 19 февраля 1861 г. ликвидировало внешне-формальным образом крепостное право на Белоруссии. Согласно Общему Положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, освобождение крестьян сопровождалось обязательным наделением землей. Впрочем, помещики сохраняли право собственности на землю, вследствие чего крестьяне становились постоянными пользователями находившейся в их распоряжении земли, и при том связанными обязательными поземельно-повинностными отношениями со своим помещиком. Только покупка отведенного надела в собственность прекращала временно обязанные отношения и превращала крестьянина в земельного собственника. Впрочем, сельское население могло сразу ликвидировать свои обязательственные отношения к помещикам. Стоило только принять так называемый даровой надел. Последний вместе с усадьбой должен был равняться одной четверти высшего надела.

Для определения размера крестьянского надела на территории Европейской России устанавливались так называемые высшие и низшие наделы, причем последний надел равнялся одной трети высшего надела. Для губернии Могилевской были приняты высшие наделы: 4 десятины в Мстиславльском уезде, 4 десятины 120 кв. саж. в уездах: Гомельском, Кремовицком, Копысском, Могилевском, Оршанском, Сеннинском, Чаусском и Чериковском, 5 дес. 200 кв. саж. в уездах: Быховском и Рогачевском[1]). В Витебской губернии, в уездах: Городецком, Полоцком и Суражском высший надел равнялся 5 десятинам. В Велижском уезде 5 десятин 1200 кв. сажен, а в уездах: Витебском, Лепельском, Невельском и Себежском—4 дес. 1200 кв. саж[2]). В уездах: Динабургском, Дриссенском и Люцинском Витебской губернии, а также в губерниях: Минской, Виленской и Гродненской за крестьянами остаются все те усадьбы и полевые земли с угодьями, которыми последние владели до утверждения Положения[3]). Те же земли, которые находились у крестьян во временном владении за плату деньгами или сельскохозяйственными произведениями, возвращались обратно помещику[4]).

Крестьяне, освобожденные от крепостной зависимости, назывались временно обязанными, и только в случае выкупа ими отведенной земли становились собственниками, при чем расценка земли была принята значительно выше действительной рыночной цены на землю. Благодаря этому, в плату за землю была включена и плата за свободу от

[1]) Положение 19 февраля 1861 г. г. Москва, изд. ВЖК, 1916 г., стр. 208.
[2]) Положение, стр. 207.
[3]) Положение, стр. 321, § 7.
[4]) Положение, стр. 321, § 5.

крепостного права. Выкуп был добровольный, но по требованию помещика становился обязательным, даже если бы держатель земельного надела не выражал желания превратиться в собственника[5]). Повинности крестьян, как плата землевладельцу за пользование отведенным наделом, делились на две группы: на оброк и барщину. За пользование высшим наделом в губерниях: Могилевской и части Витебской был назначен душевой оброк в 8 рублей. Если крестьянин получал надел меньше высшего количества десятин на душу, то крестьянский оброк соответственно понижался[6]). При распределении оброка по десятинам была принята система градации. За первую десятину платилось больше, чем за все остальные. При 8-ми рублевом оброке на долю первой десятины приходилось 4 рубля, остальные 4 раскладывались равномерно на всю остальную часть надела[7]). В барщинных имениях предполагалось отправление барщины за высший надел в размере 40 дней мужских и 30 женских[8]). В губерниях: Виленской, Гродненской и Минской для определения оброка принималась во внимание означенная деньгами в инвентаре общая ценность повинностей, приходящихся на тот или другой крестьянский участок[9]). Впрочем, губернскому по крестьянским делам присутствию разрешалось, при известных условиях, повышать оброк, который, однако, не мог быть выше той общей денежной оценки повинностей, которая значится в инвентаре[10]). Что же касается другой части Витебской губернии, то все имения, в зависимости от густоты населения, делятся на несколько разрядов, применительно к плотности населения каждого имения. В зависимости от этого оброки с каждой десятины колебались между 1 р. 65 коп. и 2 рублями[11]). Переход земли по оброчному положению из одного разряда в другой зависел от усмотрения мирового посредника. При определении барщинной повинности в губерниях: Виленской, Гродненской и Минской принимается во внимание издельная повинность, установленная инвентарем имения, но притом общее количество рабочих дней, приходящихся на одну десятину удобной земли, не должно превышать 23 дней в году, причем $^{3}/_{5}$ рабочих дней отбываются в течение летнего времени, а $^{2}/_{5}$ в течение зимы[12]). Что касается Динабургского, Дриссенского, Люцинского и Речицского уездов Витебской губернии, то размеры барщины, приходящейся на десятину земли, колебались между 23 и 12 днями в году, в зависимости от густоты населения[13]).

В эпоху крепостного права в губерниях: Виленской, Гродненской, Минской, а также в 4 уездах Витебской губернии крестьяне пользовались так называемым пастбищными и другими сервитутами. Эти сервитуты выражались в праве крестьян пасти скот на полях помещика после уборки хлеба или до вспашки полей, косить в лесу траву, собирать топливо, грибы, ягоды и т. д. Без этих сервитутов крестьянское хозяйство в эпоху инвентарных правил не имело возможности существовать. Однако, несмотря на громадное значение сервитутов для нужд хозяйства сельского населения, в местных положениях 19 февраля 1861 г. вопрос о сервитутах был обойден. Разумеется,

---

5) Положение, стр. 66, § 32.
6) Положение, стр. 175.
7) Положение, стр. 175, § 169.
8) Положение, стр. 215—216.
9) Положение, стр. 344—345, § 128—129.
10) Положение, стр. 345, § 130.
11) Положение, стр. 345, § 132,
12) Положение, стр. 345, § 150.
13) Положение, стр. 350, § 153.

при составлении уставных грамот, коими определялись постоянные поземельные отношения крестьян к помещикам, о сервитутах не упоминалось. Пока крестьяне были на правах временно обязанных, они отправляли повинности в пользу своих помещиков и пользовались по старому сервитутами. Когда же, под влиянием восстания 1863 года, указом 1 марта 1863 г. уставные грамоты были превращены в выкупные платежи и крестьяне стали собственниками[14]), то на почве пользования сервитутами стали возникать между крестьянами и помещиками постоянные недоразумения. Последние принимали настолько значительный характер, что в них пришлось вмешаться правительству.

Желая иметь на своей стороне крестьянскую массу, правительство раз'яснило распоряжение Виленского генерал-губернатора Муравьева от 15 февраля и 1 июля 1865 г., что за крестьянами сохраняется право на пастбище с необходимым прогоном для скота и что последнее подлежит включению в выкупные акты[15]). В случае, если помещик не согласится вставить вопрос о сервитутах в выкупной акт, крестьяне должны были за это получить вознаграждение[16]). На самом деле сервитутные угодья не попали в выкупные акты, и крестьяне должны были пользоваться пастбищными и другими угодьями не в силу закона и своего права, а только по распоряжению и милости помещика. Для сельского населения особенное значение имел пастбищный сервитут, так как пользование помещичьими полями, за отсутствием собственных крестьянских лугов, давало крестьянам известную возможность содержать скот в несколько большем количестве, вследствие чего крестьянские поля могли подвергаться лучшему удобрению. Неурегулированность вопросов о сервитутах в дальнейшем будет иметь громадное значение как для крестьянского хозяйства, так и для взаимоотношений крестьян и помещиков. Последние, по мере перехода к предпринимательскому хозяйству, будут стремиться к уничтожению крестьянского права пользования сервитутными угодьями. Подобная политика поставит крестьянское хозяйство в невыносимо тяжелые условия, и на этой почве постоянно будут возникать различные недоразумения с помещиками.

Сельское население в момент ликвидации крепостных отношений делилось на два разряда: на кр-н помещичьих и государственных, причем последние на территории Белоруссии не получили значительного распространения. Так, в Витебской губернии на 25,6 проц. бывших государственных крестьян приходилось 74,4 проц. бывших помещичьих крестьян. В Минской губернии на 15,8 проц. первых приходилось 84,2 вторых. В Могилевской губернии на 13,7 проц. государственных крестьян приходилось 86,3 проц. помещичьих крестьян. [17]) Кроме того, в белорусских губерниях были также и другие разряды сельских обывателей, к которым относились: панцырные бояре, однодворцы, вольные люди, чиншевики, бобыли и батраки. Панцырные бояре сохранились главным образом в Витебской губернии. Это были потомки тех бояр, которые в Литовское время освободились от несения натуральных повинностей, получили землю на вечные времена, и за это были обязаны отправлять военную службу. Панцырные бояре имели право селить крестьян на своих землях. Указ 1866 года передавал панцыр-

---

[14]) ПСЗ, 2-е, т. 38, № 39.337.

[15]) Материалы к оценке недвижимостей в Минской губернии. Надельные земли, Минск, 1906 г., стр. 35.

[16]) ПСЗ, 2-е, т. 42, № 46.701.

[17]) Пичета. История белорусск. народа. Курс белоруссоведения. М. 1918-1920, стр. 65.

ных бояр в ведение общегубернских по крестьянским делам учреждений, а указом 27 марта 1873 г. панцырные бояре сливались с городскими и сельскими обывателями [18]). Сами же бояре, сидевшие на земле, приобретали права крестьян-собственников. Безземельные приписывались к городскому сословию. И однодворцы сохранились в Белоруссии, как наследие Литовско-Польской эпохи. Законом 19 февраля 1868 г. однодворцы, водворенные на казенных землях, подчинялись действию правил для бывших государственных крестьян. Однодворцы, водворенные на собственных землях, считались собственниками, а проживавшие на частно-владельческих землях—арендаторами последних по частному договору [19]). В белорусских губерниях был еще один разряд сельского населения, так называемые вольные люди. Этот разряд отличался пестротою своего состава. Он состоял из колонистов-иностранцев, шляхтичей, не доказавших своего шляхетства, и крепостных крестьян, показанных помещиками вольными. Закон 25 июля 1864 г. причислял их в разряд сельских обывателей [20]). Наконец, так называемые вечные чиншевики, сидевшие на землях на чиншевом праве, принадлежавшие к нешляхетскому сословию и владевшие землею пожизненно и наследственно, 9 июня 1886 г. были признаны имеющими право на землю, если только они владели чиншевой землей до 1870 года. В течение 3-х лет они могли вступать в соглашение о приобретении чиншевого участка в собственность или перемене чинша на аренду. По истечении 3-х лет выкуп чиншевой земли являлся обязательным [21]). Наконец, в Белоруссии имелась довольно значительная группа населения великороссийского происхождения. Это так называеме старообрядцы, которые стали селиться на территории Белоруссии еще с XVII века. Обычно они владели землею на правах аренды. Во время польского восстания 1863 г. отношения между старообрядцами-арендаторами и помещиками-поляками были весьма обостренными. Генерал-губернаторское распоряжение от 17 июня 1863 г. воспретило удалять арендаторов с арендуемых участков, а также увеличивать арендную плату выше 3-х рублей с десятины. Преемник Муравьева, Потапов отменил распоряжение Муравьева, но 14 мая 1870 г. оно было вновь подтверждено. Наконец, указ 22 мая 1876 г. предоставил старообрядцам, поселившимся до 17 июня 1863 г., право бессрочной аренды, которую они могли выкупать на общих основаниях [22]). Одновременно был поднят вопрос об устройстве быта православных арендаторов, но только 19 января 1893 г. было опубликовано положение, разрешавшее православным арендаторам выкупать арендуемые ими участки при содействии правительства с выдачей всей выкупной суммы [23]).

Общее количество всех ревизских душ, наделенных землею либо в силу положения 19 февраля 1861 г., либо положения 24 ноября 1866 г., которым на крестьян государственных распространялось положение о поземельном устройстве бывших помещичьих крестьян, выражалось в Виленской губернии—294,5 тыс., в Витебской—283,9 тыс., Гродненской—291,9 тыс., в Минской—339,6 тыс. и в Могилевской—305,8 тыс. [24]) Количество же ревизских крепостных душ выражалось по отдельным губерниям в следующем виде: в Виленской 193,1 тыс. крестьян, Витеб-

---

[18]) Там же.
[19]) ПСЗ., 2-е, т. 43 № 45505
[20]) ПСЗ., 2-е, т. 39 № 41.109
[21]) ПСЗ., 3-е № 3789.
[22]) ПСЗ., 2-е т. 48 №55974.
[23]) ПСЗ., 3-е № 9261.
[24]) Ходский. Земля и Земледелец. т. II, СПБ 1891. стр. 244

ской—211,4 тыс., Гродненской—178,3, Минской—286,0 и в Могилевской—264,4 тыс. [25]). При наделении обоих разрядов землею крестьяне государственные и помещичьи находились в далеко не одинаковых условиях. Крестьяне государственные оказались наделенными землею в большем количестве, чем крестьяне частно-владельческие. Так, в Виленской губернии 26 проц. всех крестьян были наделены щедро, 62,4 проц. достаточно и 11,6 проц. недостаточно. В Витебской губернии первая категория была представлена 13,8 проц., вторая категория 48,1 проц. и 3 категория—38,1 проц. В Гродненской губ. щедро наделенных было 28 проц., достаточно наделенных 47,6 проц. и недостатачно наделенных 24,4 проц. В Минской и Могилевской губерниях в процентном отношении соответствующие разряды были представлены следующим образом: 38,7, 4,0 и 57,3 проц., 38,7 проц., 44,9 проц., 16,4 проц. [26]). Таким образом, в губернии Минской более половины всех государственных крестьян оказались недостаточно наделенными. В Витебской губернии в том же положении оказалось более трети крестьян и в Могилевской губернии $^1/_6$. В Гродненской губернии недостаточно наделенными оказалась $^1/_4$ и в Виленской губернии $^1/_9$. Если взять только одних крестьян бывших владельческих, то картина наделения крестьян землею представится в еще более резком виде. Так, в Виленской губернии 10,3 проц. были наделены землею щедро, 74,2 проц., достаточно и 15,5 проц. недостаточно. В губернии Витебской к первой категории относятся 2,5 проц., ко второй категории 47,1 проц., и к третьей категории 50,3 проц. В губернии Гродненской щедро наделенными оказались 1,9 проц., достаточно наделенных 52,6 проц, недостаточно наделенных 35,5 проц. В губернии Минской было только две группы населения—щедро наделенных и недостаточно наделенных: 37% и 63 проц. В губернии Могилевской к категории щедро наделенных принадлежало 34,7 проц., достаточно наделенных 48,1 проц., недостаточно—17,2 проц. Таким образом, в трех губерниях помещичьи крестьяне в большинстве оказались недостаточно наделенными, и только в Виленской и Могилевской губерниях крестьяне оказались более наделенными землей [27]). Таким образом, в момент ликвидации крепостного права среди крестьянства следует отметить наличие классового расчленения, которое с течением времени должно было еще более расшириться. В момент ликвидации крепостного права известная часть сельского населення была пролетаризирована, а некоторая часть принадлежала к разряду зажиточной группы. В дальнейшем, по мере роста населения, будет увеличиваться пролетаризация населения, и часть достаточно наделенных крестьян окажется пролетаризированной.

Согласно Общему Положению 19 февраля 1861 г., временно обязанные крестьяне могли перейти в разряд собственников только при условии выкупа своих наделов. Закон и в этом отношении стоял на стороне помещичьей власти, так как переход на выкуп был обязателен для крестьян, если только пожелает этого собственник [28]). Польское восстание 1863 г. заставило правительство, в силу политических соображений, поскорее ликвидировать обязательные отношения крестьян к помещикам. Указ 1 марта 1863 г. переводил с 1 мая всех крестьян на оброк со скидкой 20 копеек с рубля против того оброка, который был назначен в уставных грамотах. Платежи вносились крестьянами в казначейства и затем оттуда отдавались помещикам. Организован-

[25]) Ходский. Там же, стр. 245.
[26]) Ходский. Земля и земледелец, т. II стр. 244.
[27]) Ходский. Там же, стр. 244.
[28]) Положение, стр. 66, § 32.

ные проверочные комиссии должны были проверить правильность крестьянского оброка. Затем такой акт утверждался. Помещики переставали получать деньги из казначейства и должны были получать выкупные платежи по выкупным актам на основании изданных по этому поводу правил[29]. Указ 2 ноября 1863 г. прекратил обязательные отношения между помещиками и крестьянами в Могилевской губернии и в остальных уездах Витебской губернии[30].

Политические соображения заставили правительство взять с крестьян Виленской, Гродненской и Минской губерний меньшую в сравнении с банковской оценкой земли выкупную сумму. Так, в Виленской губернии выкупные платежи были определены в количестве 535607 р.; между тем, по банковской оценке пришлось бы уплатить 1,254,462 р., т. е. на 718855 рублей больше. В Гродненской губернии крестьяне уплатили 438518 руб. вместо 1.047.360 рублей, т. е. на 608850 рублей меньше, и в Минской губернии—вместо 1319144 руб. было уплочено 745107 рублей, т. е. на 574037 руб. меньше. В Витебской и Могилевской губерниях не приходилось заботиться о крестьянских интересах, Здесь польское землевладение не являлось преобладающим. Следовательно, не приходилось особенно беспокоиться об интересах крестьянства. В этих двух губерниях выкупные платежи были значительно выше действительной банковской оценки. Так, в Витебской губернии было уплочено 1008268 руб., тогда как банковская оценка выражалась всего лишь в сумме 797322 рубля. Крестьянам пришлось заплатить больше на 210946 рублей. В Могилевской губернии вместо 957795 руб. по банковской оценке крестьяне заплатили на 570285 руб. больше, т. е. 1528080 рублей[31]. Однако, и при пониженных платежах эти выкупные платежи, при наличии разного рода других государственных и земских податей и повинностей, были не под силу крестьянам. Рост недоимок по выкупным платежам становился настолько угрожающим, что правительство было вынуждено указом 28 декабря 1881 г. произвести общее понижение выкупных платежей.

Крестьянская реформа поставила бывшее крепостное крестьянство в очень тяжелое положение. Она дала крестьянам небольшие наделы, вследствие чего известная часть крестьянства в момент ликвидации крепостных отношений была обречена на нищенское, голодное существование. Недостаток лугов и выгонов заставлял крестьян особенно дорожить сервитутами. В случае отсутствия таковых крестьянам приходилось подумать об аренде помещичьей земли. Наконец введенная круговая порука по уплате податей и отправлению повинностей создала для сельского населения весьма тяжелую обстановку. Круговой порукой обеспечивалось правильное поступление податей с того или другого села. При наличии круговой поруки крестьяне, даже достаточно наделенные землей, не особенно интересовались тем, чтобы иметь больше скота и тем самым улучшить состояние своего хозяйства, так как в случае недоимок более материально обеспеченным крестьянем приходилось уплачивать за несостоятельных крестьян. Крестьянская реформа не снабдила сельское население дешевым кредитом. При отсутствии таковово были невозможны какого бы то ни было рода технические улучшения, а при недостатке земли крестьянам приходилось арендовать у помещиков землю, а также и продавать почти за бесценок свою рабочую силу. При таких условиях крестьянин попадал в новую кабалу к своему помещику. Совершенно

[29]) ПСЗ 2-е, т. 38 № 39332.
[30]) ПСЗ 2-е т. 39 № 40,498.
[31]) Ходский. Там-же, таблица XX.

правильно было отмеченно В. И. Лениным, что крестьянская реформа представляла собой акт, в силу которого одна система эксплоатации была заменена другой.

Крестьянская реформа поставила помещичьи имения в новые хозяйственные условия. Высокие цены на хлеб, благодаря начавшему развиваться заграничному вывозу, заставляли землевладельцев перейти к капиталистическому ведению своего хозяйства. При наличии дешевых рабочих рук, а также накопленных раньше отдельными землевладельцами средств, явилась полная возможность перехода к такому капиталистическому хозяйству. Впрочем, те помещичьи имения, которые накануне крестьянской реформы были задолжены в отдельных кредитных учреждениях, оказались без всяких средств, так как выкупные платежи, выданные им, были зачтены в виде погашения выданной им ссуды. Такие хозяйства, оставшиеся без свободных капиталов, либо ликвидировались, либо прибегали к помощи полуобработочной аренды. Вторая половина 70-х годов создала снова неблагоприятные условия для помещичьего сельского хозяйства. На английском рынке появился в большом количестве американский хлеб. Если в 1867 г. русский хлеб составлял 44% всего ввезенного в Англию хлеба, американский только 14%, то в 1874 г. русский хлеб был представлен только 12%, американский 55,4%. Благодаря конкуренции американского хлеба, хлебные цены стали падать. Если в период 1868-72 г. средняя цена четверти пшеницы в Лондоне равнялась 12 руб. 37 коп., то в период 1878-82 г. средняя цена упала до 10 рубл. 22 коп., а в период 1883-87 г. до 7 руб. 89 коп.[32]). Благодаря падению хлебных цен, помещики уже не располагали оборотными капиталами. Там, где помещики перешли к интенсивному ведению хозяйства, они должны были отказаться от этого и снова перейти к системе сдачи своих земель крестьянам в аренду, либо обрабатывать свою землю силами и инвентарем крестьян за определенную плату. Отсутствие оборотных средств заставляло землевладельцев обращаться к помощи кредита. Часть же имений оказались совершенно неспособными к ведению самостоятельного хозяйства и подверглись ликвидации. Дворянская земля стала постепенно переходить в чужие руки, главным образом, в купеческие. Впрочем, утечка дворянской земли в Белоруссии происходила довольно медленно. По данным 1887 г., частная земельная собственность сосредоточивалась по преимуществу в руках дворянства. Так, в Виленской губернии 89,5%, в Витебской губернии 82,4%, в Гродненской губернии 84,2%, в Могилевской—82,3% и Минской 93,4% всей площади частного землевладения находилось во владении дворянства.[33]) Через десять лет, к 1897 г. площадь дворянского землевладения по всему району сократилась на 15%. Статистика землевладения 1905 г. указывает на дальнейшее сокращение площади дворянского землевладения. Так, площадь последнего в Виленщине составляла только 81,2%, в Витебской губ. 60,8%, в Гродненщине—65,7%, Минщине 76,9% и в Могилевщине 60,8% [34]). При сравнении с данными обследования 1887 г. статистика землевладения 1905 г. показывает уменьшение дворянской земельной площади по всему району. Самое незначительное уменьшение приходится на Виленщину и Минщину, в которых крупные хозяйства сумели удержаться. Те земли, которые продавались разорявшимися дворянами-землевладельцами, частично попадали и в руки

---

[32]) Д. Батуринский. Аграрная политика цар. правительства и крест. позем. банк, М. 1925 стр. 19.

[33]) Статистич. справочник по аграрному вопросу. М. 1917, стр. 8.

[34]) Беларусь. Менск, 1924, стр. 82 (ст. Пичета).

дворянства. За счет сокращения небольших хозяйств размером до 100 десятин постепенно увеличивались крупные дворянские имения. Известная часть помещичьей земли попадала в руки купечества, почетных граждан и, отчасти, селянства, которые покупали земли на правах частной собственности, как в личное владение, так и обществами и товариществами. Впрочем, эти покупки были весьма незначительны. Так, по данным 1887 г., во владении крестьянской массы находилось 5,8% площади частного землевладения в Виленщине; 4,4% в Витебщине, 5,4% в Гродненщине, 8,1% в Могилевщине и 1,4% в Минщине[35]). Вполне понятно, что земельные покупки крестьян были минимальными в Минщине, в которой 63% всех помещичьих крестьян были наделены недостаточно.

По размерам владения частную земельную собственность можно разделить на три категории: на мелкую—до 100 десятин, среднюю—от 100 до 1.000 десятин и на крупную—свыше 1.000 десятин. Если взять эти соображения во внимание, то Белоруссия в отношении распределения частной земельной собственности по категориям владений, по по данным обследования 1887 г., явится территорией мелкого землевладения, так как мелкие землевладельцы составляли около 70 проц. общего количества землевладельцев. В отношении-же распределения земли по категориям владения самое большое количество земли, свыше 70 проц., приходится на крупное землевладение, тогда как на долю мелкого землевладения падает только 4 проц. всей площади частных владений. Таким образом, по данным обследования 1887 г., Белоруссия является территорией, на которой преобладает крупное землевладение при наличии абсолютного большинства мелких землевладельцев. Картина, представленная данными 1887 г. остается почти без перемен и в дальнейшем. Крупное землевладение является преобладающим в Могилевщине, Минщине и Витебщине. В остальных двух губерниях крупное землевладение сохраняет за собою относительное большинство. Распределение земельной частной собственности по категориям владений, на основании данных 1905 г., представляется в следующем виде:[36])

Губернии:	Мелкие до 100 дес.	Средние—от 100 до 1000	Крупные—свыше 1,000
Виленская	15,5 %	35,3 %	49,2 %
Витебская	10,1 „	27,0 „	62,9 „
Гродненская . . .	20,1 „	36,0 „	43,9 „
Минская	5,8 „	14,6 „	79,6 „
Могилевская . . .	14,4 „	28,0 „	57,6 „

Таким образом, по данным 1905 г., Белоруссия оставалась территорией, в которой абсолютно и относительно преобладала крупная земельная собственность, которая получила наибольшее развитие в Минской губернии. Если Минская губерния является территорией крупного землевладения, то наибольшее количество мелких землевладельцев приходится на долю Гродненской губернии. Крупное землевладение попрежнему сосредоточивается, главным образом, в руках дворянства. Так, в Минской губернии в руках дворянства находится 83,9 проц.; в Гродненской губернии—55,7 проц., в Виленщине 55,1 проц. всей частно-владельческой земельной площади. Что касается Витебской губернии, то

[35]) Стат. справочник, стр. 8.
[36]) Беларусь, ст. Пичета, стр. 83.

здесь получило сильное распространение, рядом с дворянским крупным землевладением, также и купеческое: 95,7 всей площади купеческого землевладения следует отнести к крупному землевладению[37]).

При наличии пролетаризированного крестьянства, большая часть крупных хозяйств эксплоатировалась с помощью местных рабочих, а также батраков, которых приходилось в среднем на каждое большое хозяйство от 15 до 25 мужчин и женщин. Следовательно, количество батраков в каждой губернии надо определять десятками тысяч. Наличие значительного количества пролетаризированного крестьянства создавало соответствующие условия для борьбы между батраками и крупным землевладельцем, что особенно резко выявится в революционный 1904-1905 год.

Ликвидация крепостного права на основании акта 19 февраля 1861 г. создала так называемое надельное землевладение. В отношении всей земельной площади, наибольшое количество надельных земель приходилось на Гродненскую губернию: 46,3 проц. Второе место занимала Виленская губерния: 40,3 проц. На третьем месте идет Могилевская губерния: 39,5 проц., затем в Витебской губернии количество надельных земель составляло 39,3 проц. Наименьшее количество надельного землевладения приходится на долю Минской губернии—24,3 проц. В момент ликвидации крепостного права средний надел бывших государственных крестьян равнялся: в Витебской губернии 6 десятин на одну ревизскую душу, в Виленской—5,9 десятин, в Гродненской—5,5 дес., Минской 6,6 и в Могилевской—5,7 дес. Что касается крестьян помещичьих, то в Виленской губернии приходилось на одну душу 3,9 д., в Витебской—4,1 дес., в Гроденской—3,6 дес., в Минской 5,1 дес. и в Могилевской—4,8 десятины. Если принять во внимание число наличных душ мужского пола, то среднее количество земли, приходящееся на одну душу, уменьшится для государственных крестьян: в Виленской губернии до 4,3 д., в Витебской до 4,4 д., в Минской до 5,0 д., в Могилевской до 4,8 и Гродненской 4,2 десятины. Если взять реальное количество душ мужского пола, то на одну наличную душу бывших крестьян частно-владельческих придется: в Виленской губернии 2,9 д., Витебской 3,0 д., Гроденской 2,7 дес., Минской 4,0 д., и Могилевской 3,6 десятины. Таковы были средние наделы бывших государственных и помещичьих крестьян, приходившиеся на одну реальную душу[38]).

После ликвидации крепостных отношений необходимо отметить быстрый рост населения, что, разумется, еще более обострило земельный вопрос в деревне. Правительство отчетливо сознавало всю тяжесть положения в деревне; но, разумеется, несмотря на всероссийские недоразумения крестьян с помещиками, оно стояло на точке зрения неприкосновенности частной земельной собственности и, конечно, не допускало даже мысли о расширении крестьянского землевладения путем нового, дополнительного наделения крестьян землей. Идя на встречу интересам дворянства, правительство, желая внести некоторое успокоение во взволнованное крестьянское население, опубликовало 18 мая 1882 г. Положение о крестьянском поземельном банке. Правительство предполагало с помощью ссуд, выдаваемых из банка, облегчить крестьянам всех наименований возможность покупки земли в тех случиях, когда „владельцы земель пожелают продать, а крестьяне при-

---

[37]) Статистика землевладения 1905 г., в. XXVII, стр. 24.
[38]) **Ходский. Op. cit**, таблица V

обрести оную". Учреждая крестьянский поземельный банк, правительство в то же время как бы подчеркивало неприкосновенность частной земельной собственности и указывало на покупку земли, как на единственную возможность расширения крестьянского землевладения. Впрочем, деятельность крестьянского банка не оправдала возлагаемых на него надежд. Крестьянский поземельный банк брал высокий проц. по ссуде, $7^{1}/_{2}$—$8^{1}/_{2}$ проц. [39]). Но, по выражению официального источника, крестьяне жадно накинулись на землю. Впрочем, действительными покупщиками земли могли быть только более или менее состоятельные крестьяне, которые могли раздобыть средства для уплаты за землю той суммы, которая оставалась недоданной из банка. Поэтому малоземельные и безземельные крестьяне, конечно, не могли воспользоваться ссудами крестьянского поземельного банка и тем улучшить свое положение. Деятельность крестьянского поземельного банка нисколько не улучшила положения крестьянской массы вообще, а наоборот, содействовала развитию в последней еще более значительной классовой дифференциации. Земли через банк покупались как сельскими обществами и товариществами, так и отдельными домохозяевами. Так, в Виленской губернии за первые шесть лет существования банка было куплено 16-ю товариществами и 6-ю крестьянами 2.581 десятина. В Витебской губернии 24 сельских общества, 27 товариществ и 31 отдельный крестьянин купили 4232 десятины. В Гродненской губернии 7 сельских общин, 40 товариществ и 11 отдельных крестьян купили 9.916 десятин земли. В Минской губернии 40707 десятин земли было куплено 27 сельскими обществами, 60 товариществами и 37 отдельными крестьянами. В Могилевской губернии 169 сельских общин, 200 товариществ и 53 отдельных крестьянина купили 94.107 десятин[40]). Условия банка по выдаче ссуды были невыгодны еще тем, что в случае неуплаты во время процентов по ссуде и несвоевременного погашения последней земли крестьян отбирались банком, подлежали продаже, что влекло за собой полное разорение крестьянства. Если в первые шесть лет крестьяне всех категорий набросились на покупку земли то в скором времени все неимущие должны были отказаться от возможности прикупить земли. Прежде всего, выросли цены на землю [41]). С другой стороны, в 1885 г. был открыт дворянский банк в целях поддержания дворянского землевладения. Правительство, желая сократить утечку дворянских земель, предоставило дворянству большие льготы в получении денежных ссуд. Разумеется, первое время сократилась деятельность крестьянского банка и уменьшилась продажа дворянами своих земель[42]). Посредническая деятельность крестьянского поземельного банка по покупке крестьянами земель содействовала общему вздутию цен на землю. Обезземеленные крестьяне старались приобрести землю, не смотря ни на что, хотя им часто приходилось уплачивать банку такие ежегодные взносы, которые превышали половину арендной платы за соответствующее количество земли. Приобретение крестьянами земли через банк независимо от ее цены не создавало благоприятных условий для развития мелкого и среднего хозяйств. Обычно такие домохозяева или сельские общества оказывались безнадежными недоимщиками, так что, в конце концов, их хозяйство окончательно падало и сами они разорялись[43]).

---

[39]) Д. Батуринский. Op. cit, стр. 34—37.
[40]) Ходский Op. cit. Таблица XXVII.
[41]) Батуринский. Op. cit. стр. 45.
[42]) Ibidem, стр 43
[43]) Ibidem, стр. 44.

Несмотря на развивавшуюся деятельность дворянского земельного банка, дворянское землевладение не было спасено от разорения. Дворянский земельный фонд все-таки сокращался. Правительство, желая пойти на помощь падающему дворянскому землевладению, произвело реформу крестьянского банка в 1895 г, разрешив последнему покупать дворянские земли для распродажи[44]). Обострившийся сельскохозяйственный кризис первой половины 90 годов, который повлек за собою падение цен на внутреннем и внешних рынках, с другой стороны, повышение пошлин на русские сельско-хозяйственные продукты в западных странах заставляли дворянство ликвидировать свои хозяйства. Как ни боялась часть дворянства деятельности крестьянского банка, как учреждения, которое будет иметь отрицательное влияние на помещичье хозяйство, тем не менее, широкие дворянские круги должны были воспользоваться услугами банка. Цены на землю, несколько упавшие в средине 90-х годов, с 1895 г. неуклонно стали расти, вследстве чего покупки через крестьянский поземельный банк стали доступными только богатым лицам[45]). Если, с одной стороны, рост населения влек за собою сокращение норм душевого крестьянского землевладения и увеличение пролетарских групп крестьянства, то, с другой стороны, деятельность крестьянского поземельного банка давала возможность состоятельным крестьянам расширить свои владения, что усиливало классовую дифференциацию крестьянства внутри самой деревни.

Если разделить крестьянское землевладение на пять групп и к первой группе отнести хозяйства, в которых приходится на один двор до 5 десятин, ко второй группе хозяйства от 5 до 10 десятин на двор, к третей от 10 до 15 дес., к четвертой от 15 до 20 и к пятой свыше 20 десятин на двор, то картина распределения по дворам крестьянского землевладения представляется в следующем виде по категориям владений[46]).

ГУБЕРНИИ.	Число дворов.	От 1-5 дес. на двор.	От 5-10 дес. на двор.	От 10-15 дес. на двор	От 15-20 дес. на двор.	Свыше 20 дес. на двор.
Виленская	94,420	3,3	28,5	29,0	25,2	14,0
Витебская	98,608	1,6	46,6	29,6	7,4	14,8
Гродненская	99,198	4,5	10,6	31,7	30,2	23,0
Могилевская	198,283	9,9	68,2	17,5	2,0	2,4
Минская	213,905	11,7	61,9	13,8	6,9	5,7

Хозяйства первой категории надо отнести к пролетарским, так как владелец такого двора, конечно, не мог прокормить себя и своей семьи своим собственным хозяйством. Ему приходилось зарабатывать на стороне. Само-же хозяйство только мешало ему в его работе на стороне. Хозяйства второй категории можно причислить к полупролетарским. Владельцы дворов были вынуждены продавать только часть своей рабочей силы. Хозяйства третьей категории можно считать хозяйствами трудового типа, так как они могли обойтись без наемной рабочей силы. Хозяйства четвертого типа следует назвать полукапита-

[44]) Ibidem, стр. 55-65.
[45]) Ibidem, стр. 71.
[46]) **Пічета.** Клясавыя супярэчнасьці ў Беларусі (в сб. Беларусь), стр. 75.

листическими и хозяйства пятого типа капиталистическими. Эти хозяйства не могут обойтись без нанятых рабочих рук. Данные выше приведенной таблицы свидетельствуют, что пролетаризированные и полупролетаризированные хозяйства составляют, за исключением Виленской и Гродненской губерний, преобладающий контингент населения губерний. Таким образом, в Минской и Могилевской губерниях около трех четвертей всех крестьянских дворов, а в Витебщине около половины, были пролетаризированными или полупролетаризированными. Наибольшое количество трудовых хозяйств приходится на Гродненскую губернию и, отчасти, на Виленскую. Трудовые крестьянские хозяйства наименее распространены там, где крестьянские массы оказались наиболее пролетаризированными. Крестьянские дворы полукапиталистического типа получили наибольшее распространение в губерниях: Виленской, Витебской и Гродненской. Это распределение земельной площади по дворам свидетельствуе о глубокой классовой дифференциации белорусской деревни. Обнищалые крестьяне, бывшие батраками у зажиточного крестьянства и помещиков, относились одинаково враждебно как к помещичьему, так и к крестьянскому землевладению.

II. Народное хозяйство в Белоруссии накануне 1905 года.

Накануне первой русской революции Белоруссия была страной сельского хозяйства с мало развитой промышленностью. Если основываться на данных всеобщей переписи 1897 года, то, несмотря на все ее недостатки, сельско-хозяйственный характер Белоруссии выступает совершенно ясно. Так, на 1000 человек сельским хозяйством и лесным промыслом было занято в Виленской губернии 734, в Витебской —744, в Гродненской—690, в Могилевской—795 и Минской—748. Таким образом, наименьшее количество лиц, занятых земледелием, приходится на Гродненскую губернию. Зато, в свою очередь, Гродненская губерния оказывается наиболее развитой в промышленном отношении. В последней губернии ремеслом и фабрично-заводской работой занимались на 1000—113 человек, тогда как в Виленской—88, в Витебской—82, в Могилевской—71, Минской—89. Торговое население было представлено наиболее ярко в Виленской губернии: 173 ч. на 1000, в Гродненской—82 ч. на 1000, в Минской—49 ч. на 1000 и в Могилевской—50 ч. на 1000. Остальное население занималось службой на железной дороге, частной и государственной службами. Известная часть населения служила в армии, небольшая часть относилась к представителям культа. Довольно значительно была распространена частная служба. В Виленской губернии на 1000 человек—52 служили на частной службе, в Гродненской—43, Витебской—38, Могилевской—24 и в Минской—38. Государственная служба, как источник существования, была одинаково представлена во всех губерниях. Таким образом, в конце XIX и начале XX века Белоруссия, несмотря на известную индустриализацию, оставалась территорией с преобладанием сельского хозяйства в народно-хозяйственной жизни.

Условия для развития сельского хозяйства в Белоруссии мало благоприятны. Почва Белоруссии, несмотря на свое видимое разнообразие, в общем неудобна для земледелия. Обилие болот, нуждающихся в осушке, также тормозит развитие земледельческой культуры. Зато наличие значительного количества лугов открывало большие возможности для развития скотоводства. Белоруссия—территория громадных лесных площадей, что позволило, в известной степени, развиться на Белоруссии лесному хозяйству. По устаревшим данным 1887 г., наибольшая лесная площадь приходится на Минскую губернию—42,2 проц. всей

земельной площади; в Могилевской—37,1 проц., в Витебской—31,8 проц., в Виленской—28,1 проц. и в Гродненской—21,7 проц.[1]). Лесные площади по преимуществу находились либо во владении государства, либо в руках частных лиц. Леса, находившиеся в пользовании сельского населения, были весьма незначительны. Они были довольно скоро вырублены после 1861 года, и лесные площади были распаханы под пашню. Быстрое уничтожение лесов поставило сельское население в очень тяжелое положение, так как крестьянам приходилось покупать лес на стороне, обычно у своих землевладельцев. В первое время особенных затруднений на этот счет не было. Цены на лес были невысоки. Крестьяне покупали лес либо в рассрочку, либо за отработку. К конце XIX века положение несколько изменилось. В силу развивавшегося лесного хозяйства помещики предпочитали продавать свой лес на сруб крупному предпринимателю. Благодаря этому, сельское население либо было совсем лишено возможности покупать лес, либо было вынуждено покупать его по очень высокой цене, недоступной для обычных крестьянских заработков. Крестьяне не имели леса ни для топлива, ни для своих домашних построек. Не удивительно, что на этой почве между крестьянами и помещиками возникали постоянные недоразумения. Лесные порубки были обычным явлением на территории Белоруссии. Поскольку эти порубки не носили массового характера, они разрешались мирным путем, и на их почве не создавалось резко выраженных антагонистических отношений крестьян к помещикам. Последний год XIX века, когда материальное положение сельского населения стало значительно хуже в связи с общим состоянием народного хозяйства страны, лесные порубки участились, и для об'ективных наблюдателей народно-хозяйственной жизни такие явления становились опасными, чреватыми чрезвычайными последствиями. Впрочем, землевладельцы в губернии были настолько уверены в неприкосновенности собственности и в защите их интересов со стороны государства, что не обращали никакого внимания на крестьянские настроения, за игнорирование которых им пришлось дорого поплатиться в революционный 1905 год.

Усиленная эксплоатация леса землевладельцами и освобождение крестьянских лесных площадей от дерева способствовали расширению посевной площади как в помещичьих имениях, так и на надельных землях. Если по данным 1887 г. посевная площадь в Виленской губернии была представлена 847,5 тыс. десятин, то в период 1901-1905 года посевная площадь выразится 1087,6 т. десятин. Аналогичная картина за тот же промежуток времени замечается и в других губерниях. Так, в Витебской губернии посевная площадь с 655,8 т. десятин увеличилась до 854,2 т. десятин. В Гродненской губернии посевная площадь увеличилась с 779,4 до 871,3 т. десятин. В Минской губернии с 1096,4 до 1335,7 т. десятин. Наконец, в Могилевской губернии посевная площадь—с 731,5 т. десятин увеличилась до 1021,7 т. десятин[2]). Таким образом, по всей Белоруссии происходит значительное увеличение посевной площади. На крестьянских землях это увеличение особенно производилось за счет лугов. Сокращение лугов, в свою очередь, должно было оказать весьма отрицательное влияние на состояние скотоводства сельского населения.

Отрицательные стороны земельного наделения крестьян на основании Положения 19 февраля 1861 г. были ясны уже в момент окон-

---

[1]) Статистический справочник по аграрному вопросу, в. I, стр. 19.
[2]) Беларусь, сборник, стр. 31.

чания реформы. По мере роста населения эти отрицательные стороны стали еще отчетливей. Земельный надел крестьян на одну наличную душу значительно уменьшился. Пролетаризованное сельское население, не находя себе заработка в деревне ни на своих землях, ни в хозяйствах и экономиях, уходило в города, где развивавшаяся промышленность давала известный заработок. Благодаря этому, городское население заметно увеличилось. Наибольшее увеличение последнего приходится на Гродненскую и Витебскую губ. и наименьшее—на Минскую. Благодаря росту городского населения в Гродне и Витебске, здесь индустрия могла получить наибольшее развитие в крупном масштабе. Значительная часть населения ходила на заработки в Петербург и Москву и присылкой в деревню своих заработков давала возможность оставшимся в деревне кое-как существовать. Известная часть населения белорусской деревни должна была выселиться с родной земли. Часть переселилась в Сибирь и другие места колонизации, а некоторая часть, правда незначительная, выселилась в Америку.

Крестьянское землевладение не могло обеспечить полностью продовольственные нужды крестьян. Получившие небольшие наделы должны были обращаться к аренде помещичьих земель. Впрочем, эта аренда на территории Белоруссии не могла получить широкого распространения, так как помещичье хозяйство в Белоруссии обычно носило предпринимательский характер. Даже в тех местностях, где землевладельцы известную часть своего имения сдавали в аренду, они предпочитали сдавать свои земли в руки крупных арендаторов. В те же местах, где арендаторов не было, землевладельцы предпочитали сдавать свои земли отдельным домохозяевам, а не товариществам и обществам. Благодаря этому, арендой могли воспользоваться наиболее состоятельные крестьяне, которые, с помощью аренды, расширяли свое хозяйство и могли его поставить в более хорошие условия. Разумеется, арендные цены несколько повысились. Обычно аренда была годовая, трехлетняя, и свыше трех лет. Наиболее высокие арендные цены приходились на землю, которая арендовалась товариществами. По данным 1901 года, при годовой аренде арендная плата с одной десятины в Витебской губернии колебалась между 3,1 рубля и 4 рублями. При аренде на 3 года арендные цены колебались между 4,3 и 6 руб. и при сроке большом 3 лет от 3,1 рубля до 4,5 руб. В Виленской губернии арендные цены колебались при аренде на 1 год между 4,5 и 5,3 рубля; при аренде на 3 года—между 4,4 и 5,6 руб.; при аренде свыше 3-х лет—3,9 и 6,1 руб. В Гродненской губернии; при годовой аренде—между 2,4 и 2,5 руб.; при аренде на 3 года—между 5,9 и 11,9 руб. и при аренде свыше 3-х лет—между 4,5 и 6,3 руб. В Могилевской губернии: при годовой аренде цены колебались между 11,6 и 13,7 руб.; при трехлетней аренде—между 4,3 и 6,5 руб.; при аренде свыше 3 лет между—4,0 и 4,9 руб. В Минской губернии: при первом сроке аренды—средние цены выражались в 2,9 руб., при втором сроке аренды они колебались между 3,0 и 4,7 руб. и, наконец, при третьем сроке аренды они колебались между 3,0 и 4,0 руб.[3]). Впрочем, следует отметить, что вопрос об аренде земли на территори Белоруссии является менее всего изученным. Картина же распространения аренды, за отсутствием точных проверенных данных, отчетливо представлена быть не может. Исследователь аренды земли в России А. А. Мануилов главным образом обратил внимание на изучение вопроса об аренде в центральных губерниях.

---

[3]) Логанов. Статистика землевладения Евр. России. СПБ. 1906. стр. 121-123.

Помещичье хозяйство в конце XIX и начале XX столетия носило капиталистический характер. Обилие дешевых рабочих рук, широкое развитие винокурения содействовали развитию предпринимательского хозяйства на территории Белоруссии. Известным показателем капитализации хозяйства является развитие многопольной системы и травосеяния. Так, в Виленской губернии 94 проц. всех частновладельских хозяйств перешли к многополью, в Витебской—90 проц., в Гродненской—88 проц., в Могилевской—91 проц. Равным образом увеличился процент площадей кормовых трав. Если сравнить данные 1881 г. с данными 1901 г., то рост травосеяния в процентном отношении представится в таком виде: травосеяние в Виленской губернии увеличилось с 3,8 до 25,4 проц. в Витебской—с 4,4 проц. до 17,5 проц.; в Гроденской—с 4,4 проц. до 23,9 проц., в Минской губернии травосеяние увеличилось с 3,9 до 28,1 проц. и, наконец, в Могилевской губернии травосеяние увеличилось с 1,8 до 11,9 проц.[4]). Разумеется, прогрессивные явления в сельском хозяйстве имели место в тех крестьянских хозяйствах, которые вели свое хозяйство полукапиталистическим или капиталистическим способом.

Интенсификация помещичьего хозяйства, конечно, давала лучшие результаты по сравнению с хозяйством крестьян. Так, в Виленской губ. в конце XIX и начале XX века с одной десятины надельной земли собирали 34 пуда, а с помещичьей земли—38. В Витебской губернии—с первой собиралось 34, со второй—42; в Гроденской губернии урожайность хлебов с надельных земель выражалась в 37 п., а с частновладельческой десятины земли собиралось 40 пудов. Такая же разница была в Минской и Могилевской губерниях. В первой с десятины надельной земли собиралось 36 пуд., а с десятины частно-владельческой земли—41. В Могилевской губернии с первой собиралось 38, а со второй собиралось—43 п.[5]).

Эти средние цифры, конечно, не могут дать точного и ясного представления об урожайности крестьянских земель. Урожаи отличались большими колебаниями. На крестьянских хозяйствах пролетарских и полупролетарских, в которых не было скота, урожайность значительно была меньше по сравнению с теми крестьянскими хозяйствами, которые вели свое хозяйство полукапиталистическим или капиталистическим способом.

Еще Погодин, наблюдая быт белорусских крестьян, писал: „Несчастнее, беднее белорусских крестьян и вообразить нельзя. Многие едят с солью только по воскресеньям". Современный наблюдатель крестьянского хозяйства на территории Белоруссии также признает неудовлетворительное положение крестьянского хозяйства. В белорусских губерниях крестьяне, по его мнению, имеют или недостаточное количество хлеба для личного потребления, или едва достаточное, где урожаи значительно разнятся от неурожаев. Картина крестьянских хозяйств в Витебской губернии представляется наблюдателю в отчаянном виде. И яровые, и озимые поля находятся в печальном состоянии. Кормовые средства крестьян крайне скудны. Крестьяне должны зимой продовольствовать свой скот только одной соломой. Скот настолько тощает, что его приходится „вытаскивать" на пастбища. Отсутствие собственного хлеба и невозможность приобрести последний за отсутствием оборотных средств заставляли множество крестьян питаться

---

[4]) Беларусь, стр. 30.
[5]) Логанов. Op. cit., стр. 127-128.

суррогатами. Так, в Лепельском уезде крестьяне питались ржаным тестом, смешанным с бурачными листьями и запаренным в печи [6]).

Ксендз Иоанн Куликовский, призванный, в качестве свидетеля по делу о крестьянских беспорядках, имевших место в феврале 1905 г. в Двинском уезде, отметил весьма тяжелое экономическое положение крестьянства, у которого хлеба хватает только до февраля [7]). Гродненский губернатор был вынужден также отметить, что крестьяне имеют хлеб только до Рождества [8]). Современные наблюдатели, агрономы, прекрасно понимали, что выдачей ссуд и другими палиативными мерами восстановить хозяйство невозможно [9]).

В начале столетия продовольственное положение крестьян значительно ухудшилось. Первые годы XX столетия были неблагополучны по урожаю. Общий недобор хлебов и картофеля был весьма значителен, в особенности если сравнить его с благополучным в смысле урожайности 1894 г. Совсем было неблагополучно и в 1905 году. На территории всей Белоруссии было собрано в общем 96.301,5 тыс. пудов озимых хлебов, тогда как средний сбор за пятилетие 1900-1904 г. г. равнялся 102.909,2 тыс. пуд., т. е. недобор выразился в 6.607,7 т. п. Ели же сравнить с данными 1904 года, то только в одной Виленской губернии получится излишек в 380,3 тыс. пудов, а в остальных губерниях был недобор. Последний выражался в Витебской губернии—2428,2 тыс. пудов, в Гродненской—3488,6 тыс. пудов, Могилевской—3496,2 тыс. пудов и Минской—6173,2 тыс. пудов. Таким образом, урожай ржи озимой был весьма неблагополучен, а ведь рожь составляла главный предмет питания населения [10]).

Особенно было тяжело положение в Витебской губернии, где с десятины было собрано озимой ржи 28,1 пудов, тогда как в Минской губернии было собрано 37,4 пуд., в Гродненской—45,6 пуд., в Виленской—37,6 и в Могилевской—41,8 пуд. [11]).

Наибольший недобор хлеба падал на Витебскую губернию и на уезды: Двинский, Люцинский, Режицкий, Дриссенский, Себежский и Невельский—как раз те уезды, в которых осеннее аграрное движение приняло весьма значительный характер. Экономические положение крестьянства стало еще тяжелее от того, что, благодаря русско-японской войне, сократились отхожие промыслы. Крестьяне Витебской губернии, в своей значительной массе, уходили на земляные работы. Вырученные деньги давали возможность вести полуголодное бытие. С другой стороны, промышленный кризис начала XX века выбросил обратно в деревню множество безработных. Эти безработные, которые раньше отсылали в деревню некоторые средства, легли тяжелым бременем на деревню и создавали еще более тяжелые условия жизни для всего сельского населения. Правда, вернувшиеся в деревню безработные впоследствии примут самое деятельное участие, в качестве руководителей тех аграрных движений, которые 1905 году широкой волною разольются по всей Белоруссии. Энергическая железнодорожная политика правительства в эпоху промышленного под‘ема, содействуя общему оживлению народно-хозяйственной жизни, в то же время тяжело ударила по крестьянству. В тех местах, где прошли железные

---

[6]) Труды первого Областного С‘езда сельских хозяев в г. Двинске в 1903 г., стр. 6.
[7]) Дело Земского Начальника по разграблению имения С.
[8]) Дело по циркуляру № 4-1905 стр. 75-76. Архив б. М. В. Д.
[9]) Труды пер. Об. С‘езда, стр. 9-10.
[10]) Урожай 1905 (Стат. Рос. Имп. XI) стр XXVI.
[11]) Статистика Рос. Им. IX, стр. XXXII.

дороги, был убит извозный промысел сельского населения. Последнему приходилось все больше и больше рассчитывать на свое сельское хозяйство, а продукция последнего была такова, что крестьянам приходилось вести полуголодный образ жизни. Действительно, остаток чистого урожая от всех хлебов был в Белоруссии весьма ничтожным по сравнению с тем, сколько необходимо для удовлетворения продовольственных нужд населения. Так, в период 1895-1900 годов в среднем чистого остатка всех хлебов приходилось на одну душу в губерниях: Виленской—11,6 пудов, Витебской 10,6 пудов, Гродненской—11,1 п., Минской—10,9 пуд. и Могилевской—9,9 пудов. При таком количестве пудов не хватает собственного хлеба для прокормления, и последний приходится привозить из других местностей. Продукция хлебов в Белоруссии дает только 94-95 проц. необходимой ржи и ячменя, 90-93 проц. необходимого овса и $^1/_5$ проц. пшеницы и проса, и это только при наличии средних урожаев. Урожаи 1904-1905 годов были ниже среднего, а по отдельным уездам совсем низкими, так что процент недостающего хлеба приходится увеличивать. Так, в Витебской губ. чистого остатка озимой ржи на 1 душу приходилось 4,18 пуд., в Виленской губ.— 7,55 пуд., в Гродненской—8,10 пуд., в Минской—6,89 пуд. и в Могилевской—7,80 пуд.[13]). Только картофеля получался известный избыток. Распространение культуры картофеля об'ясняется, конечно, тем, что в Белоруссии в помещичьих имениях было сильно развито винокурение. Культура картофеля, главным образом, была распространена на помещичьих землях.

Белоруссия — территория широких природных кормовых пространств, представляющих полную возможность для ведения скотоводства. После ликвидации крепостных отношений, когда вопрос о сервитутах еще не стоял так остро, как он станет впоследствии, сельское население имело возможность выгонять на сервитутные пастбища свой скот. У крестьян совсем не было лугов, да и те, что были, впоследствии распаханы под пашню. Распашка лугов, пролетаризация крестьянского хозяйства, борьба помещиков с сервитутами—создавали весьма тяжелые условия для развития крестьянского скотоводства. Правда, абсолютная численность скота в Белоруссии увеличилась, но это увеличение отставало от роста населения. К тому же, наибольшее количество скота приходится на помещичьи имения, которые располагали лучшим кормом и естественным пастбищем. В 1900 году на 100 жителей приходилось в Виленской губернии 50 голов рогатого скота, в Витебской—48, в Гродненской—40, в Минской—55, Могилевской—40. Единственное, чем богата Белоруссия, это свиньями, общее количество которых значительно увеличилось и абсолютно, и относительно[15]). Для крестьянского хозяйства культурное развитие птицеводства, распространение культур технических растений, а также развитие маслобойного производства и винокурения—все, что имеет такое громадное значение для помещичьего имения, не имело никакого значения. Тяжелое экономическое положение белорусского крестьянства выражалось в росте недоимок, в особенности по выкупным платежам. Так, на 1-ое января 1906 года только в одной Витебской губернии недоимки выражались в 1.033.004 руб. 38 к., не говоря о недоимках по земским и частным сборам, а также по разным взысканиям. Та же картина недоимок представляется и по другим губерниям[16]). Рост недоимок в

[12]) Беларусь стр. 33.
[13]) Стат. Рос. Им. XL, стр. XXVIII.
[14]) Беларусь, стр. 41.
[15]) Беларусь, стр. 44.
[16]) Обзор Витебской губернии за 1905 г. Ведомость № 13.

Гродненской губернии был настолько значителен, что гродненский губернатор обратил на это внимание в своем отчете и ставил недоимки в связь с тяжелым экономическим положением крестьянства [17]). Минский губернатор Курлов, который будет беспощадно расправляться с крестьянами и военной силой будет останавливать всякое нарушение крестьянами частной собственности, однако, должен будет признать, что крестьянство Минской губернии находится в тяжелом экономическом положении. Оно почти закрепощено местными помещиками. Если удавалось администрации убедить помещика или арендатора пойти на некоторые уступки, то крестьянская масса немедленно успокаивалась[18]). Полуголодное белорусское крестьянство мирилось с теми небольшими уступками, которые ему сделали напуганные помещики и арендаторы. Таким образом, в начале XX столетия значительно ухудшилось экономическое положение крестьянства. Малоземелье и голод были основной причиной, заставлявшей подыматься забитое белорусское крестьянство и, несмотря на угрозу расстрела солдатами и судебного наказания за нарушение права собственности, захватывать имущество, принадлежащее помещикам. Распространившаяся агитация со стороны Белорусской Социалистической Громады, Бунда, РСДРП, а затем, осенью, и крестьянского союза, оказала громадное влияние на политическое миропонимание крестьянства и стихийному крестьянскому движению придала кое-какой организованный характер.

Белорусская промышленность—ремесленного и мелкого характера, за исключением Белостока, на фабриках которого работало 10.000 человек. Все остальные предприятия были сравнительно небольшие по размерам. По количеству рабочих первое место занимала Гродненская губерния. Главными фабричными центрами были: Белосток, Брест, Вильно, Минск, Витебск—как раз те центры, где революционное рабочее движение примет наиболее значительные размеры. В Могилевской губернии предприятия были разбросаны как по отдельным уездным городам, как Гомель, так и по местечкам. Поэтому в смысле широты захвата рабочего движения Могилевская губерния, кажется, была представлена наиболее широко. Экономическое положение белорусских рабочих было очень тяжелым, и неорганизованная борьба с эксплоататорами проводилась давным-давно. До конца 90-х годов Белорусское рабочее движение, как и общероссийское движение, преследовало экономические цели, и только с конца 90-х годов в рабочем движении начинает преобладать политический момент. Последний стал особенно значительным в рабочем движении с начала XX столетия. Первомайские забастовки 1900 г. и последующих годов, происходившие в Вильне и других городах, являлись показателем настроения белорусских рабочих. Разгон первомайской демонстрации 1901 года виленскъм губернатором фон-Валем, порка, произведенная над арестованными, вывели из равновесия рабочий класс. Такое отношение к арестованным заставило рабочего Гиршу Лекерта произвести покушение на губернатора, которое, впрочем, кончилось неудачно и за которое Гирша Лекерт расплатился жизнью. Белорусский пролетариат в начале русской революции, достаточно организованный Бундом и РСДРП, был проникнут общеклассовым сознанием и убеждением, что без политической борьбы, свержения самодержавия и организации нового государственного строя борьба с капиталом и буржуазией является невозможной [19]).

---

[17]) Дело по циркуляру № 4. (Ар. М. В. Д. стр. 75-76.

[18]) 1905 г. у Беларусі, Менск, 1925 г. стр. 69.

[19]) Беларусь, стр. 98.

С. Я. Вольфсон.

Факультэт права і гаспадаркі Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту.

У ліпні 1925 году адбыўся другі і апошні выпуск Факультэту Грамадзкіх Навук Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту, пасьля якога пасьледавала, у адпаведнасьці з пастановаю Народнага Камісарыяту Асьветы БССР за 12 жніўня 1924 г., ліквідацыя гэтага факультэту.

Разам з гэтым перад ворганамі, закліканымі падгатаўляць кваліфікаваных работнікаў у розных галінах спэцыяльных ведаў, паўстала пытаньне аб неабходнасьці ўстанаўленьня на Беларусі вышэйшае школы, на якую можна-б было ўскласьці падгатоўку работнікаў у галіне гаспадаркі, кіраўніцтва і суда. Гэтакаю вышэйшаю школаю павінен быў зьявіцца Факультэт Права і Гаспадаркі, аб устанаўленьні якога управа унівэрсытэту і падняла хадайніцтва перад адпаведнымі інстанцыямі.

Думка аб утварэньні Факультэту Права і Гаспадаркі знашла жывы водгук з боку зацікаўленых Наркаматаў, у першую чаргу з боку Камісарыяту Юстыцыі і Камісарыяту Замежнага Гандлю.

Пасьля дакладнага абмеркаваньня гэтага пытаньня, Народны Камісарыят Асьветы прызнаў адчыненьне факультэту пажаданым, і ў верасьні 1925 г. адбылася пастанова Савету Народных Камісараў БССР аб адчыненьні факультэту.

Матывы, якія абумовілі ўтварэньне новага факультэту, былі наступныя.

Хутка разьвіўшаеся гаспадарчае жыцьцё Рэспублікі, пад'ём яе вытворчых сіл, рост прамысловасьці і гандлю, а таксама коопэратыўных і крэдытных устаноў патрэбавалі як утварэньня кадру навукова-падгатаваных, высока кваліфікаваных дзеячоў, так і напружанага і дакладнага вывучэньня ўсіх пералічаных зьявішч гаспадарчага жыцьця.

У БССР паказаная патрэба адчувалася асабліва востра, дзякуючы таму, што прыродныя, гаспадарчыя і бытавыя асаблівасьці Беларусі дасьледаваны і вывучаны яшчэ ў далёка невыстарчальнай ступені, а дасягнута можа быць гэта вывучэньне толькі пры ўтварэньні кадраў кваліфікаваных спэцыялістаў, моцна злучаных з Беларусьсю і сваім пахаджэньнем, і веданьнем мясцовага жыцьця.

Побач з патрэбаю ў работніках гаспадаркі вышэйшай кваліфікацыі (экономісты, статыстыкі, коопэратары, фінансістыя, банкаўцы і інш.) БССР адчувае і ня менш вострую патрэбу ў кваліфікаваных работніках у галіне савецкага будаўніцтва, кіраўніцтва і суда.

Складанасьць і рознастайнасьць грамадзкага звароту прад'яўляюць да работнікаў у гэтай галіне вельмі высокія вымаганьні ў сэнсе уменьня зразумець многаграннасьць адносін, што разьвіваюцца зараз, і разабрацца у іх, узважыць гаспадарча-палітычнае і праўнае значэньне іх. З другога боку, выкрышталізаваная ўжо ў многалікіх буйных актах законадаўства і вярхоўнага кіраўніцтва савецкая праватворчасьць вымагае пунктуальнага разуменьня і ўжываньня законадаўчых норм, абумоўленага сыстэматычным, навукова-практычным вывучэньнем права

СССР і ў прыватнасьці—БССР, якое выяўляе сабою цэлы шэраг самастойных асаблівасьцяй.

Усе паказаныя меркаваньні былі падлічаны кіруючымі органамі, прыняўшымі пастанову об адчыненьні з пачаткам 1925-26 акад. году у складзе Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту Факультэту Права і Гаспадаркі.

Асноўныя даныя, якія характарызуюць чыннасьць факультэту за мінулы акадэмічны год, першы год яго жыцьця, выяўляюцца ў наступным.

Факультэт функцыянаваў у складзе аднаго-першага курсу. На факультэце займалася 180 асоб, з якіх 108 асоб на экономічным адзяленьні і 72 асобы на праўным.

Цыфравыя даныя, характарызуючыя студэнцтва факультэту, наступныя:

Разьмеркаваньне па полу: 152 мужчын і 28 жанчын. Па ўзросту: ад 18—21 году—22 асобы, ад 21—25 гадоў—68 асоб, ад 25—30 год —51 і ад 30—40 г.—39.

Па соцыяльнаму становішчу: рабочых—42, сялян—66, служачых—68 і розных—5.

Па партыйнасьці: членаў КПБ—67, ЛКСМ—56, беспартыйных—57.

Па нацыянальнасьці: беларусаў—86, яўрэяў—78, рускіх—12 і палякаў—4.

Студэнцкі склад факультэту ва ўсіх адносінах утвараў умовы, максымальна спрыяючыя для работы. Выключна паважныя адносіны да справы характэрны для пераважнае большасьці студэнтаў. Да жалю, вялікая партыйная, грамадзкая і службовая нагрузка перашкаджала некаторай часьці студэнцтва ўдзяляць заняткам на факультэце патрэбны час і энэргію.

Профэсарска-настаўніцкі склад факультэту пабудаваўся ў асноўным з выкладчыкаў быўшага факультэту Грамадзкіх Навук. Гэта наступныя асобы: Доцэнт А. М. Арцімовіч (статыстыка), асыст. В. В. Вяршук (хімія), проф. С. Я. Вольфсон (дыалектычны матэрыялізм), доц. І. Я. Гэрцык (political экономія), проф. М. В. Грэдынгэр (грамадзянскае права), асыст. Ф. І. Гаўзэ, асыст. М. М. Гутковскі (тлумачэньне нормаў права), доц. С. М. Гохман (агульная тэорыя права), асыст. І. В. Гэрчыкаў (гісторыя народнага быту Эўропы), проф. М. В. Доўнар-Запольскі (гісторыя народнае гаспадаркі Расіі), асыст. Н. А. Канаплін (крымінальнае права), праф. В. Н. Перцаў (гісторыя народнае гаспадаркі Эўропы), праф. В. І. Пічэта (гісторыя народнае гаспадаркі Беларусі і беларускага права), праф. Н. А. Прылежаеў (хімія), доц. Н. А. Шалаураў (фізыка), праф. В. Н. Шыраеў (крымінальнае права), доц. В. В. Якунін (рахункаказнаўства), праф. Б. В. Чрэдзін (гісторыя інстытутаў прыватнага права), выкладчык беларускае мовы—М. Красінскі, выкладчыкі чужаземных моў—Г. Блох, Л. Буржуа, К. Паланоўская і Л. Сыркіна.

Адміністрацыйна-вучэбнаю чыннасьцю факультэту кіраваў Дэканат у складзе дэкана, проф. С. Я. Вольфсона, членаў дэканату: Народнага Камісара Юстыцыі М. А. Сегаля і Народнага Камісара Фінансаў т. Васілевіча—і сакратара, студэнта Т. Пракопчыка.

Пры факультэце функцыянавалі, у якасьці вучэбна-дапаможных устаноў: габінэт права і экономікі, габінэт статыстыкі і габінэт марксызму і ленінізму. Габінэты сыстэматычна папаўняліся падручнікамі, і вучэбны інвэнтар габінэту марксызму і ленінізму дасягаў 1600 томаў.

У галіне мэтодыцы выкладаньня прыходзіцца адзначыць, што пытаньне гэта вырашалася асабліва асьцярожна, бо Дэканат лічыў па-

трэбным дакладна ўзважваць тыя конкрэтныя мажлівасьці, якія меліся у факультэту адносна кожнай навуковай дысцыпліны, і ў залежнасьці ад гэтага вырашаць пытаньне аб мэтадзе яе выкладаньня. Пры гэтым падлічаўся і той максымальны час, які мела студэнцтва факультэту для вучэньня. Як прыкладавыя цыфры, тутака браліся 28 тыднёвых гадзін унівэрсытэцкай і 18 гадзін пазаунівэрсытэцкай вучэбнай працы.

У адпаведнасьці з паказанымі прынцыпамі некаторыя прадметы выкладаліся па ляборатарна-групавому мэтаду. Сюды належыць—дыялектычны матэрыялізм, статыстыка, асновы грамадзянскага права, рахункаводзтва, а таксама фізыка і хімія. Прадметы, якія выкладаліся лекцыйным парадкам, праводзіліся разам з практычнымі заняткамі просэмінарскага тыпу.

Паказаная сыстэма у вогуле сябе апраўдала і з належнымі корэктывамі будзе ўжывацца і ў будучым акадэмічным годзе.

Пераходзячы да апошняга, трэба раней за ўсё зазначыць, што ў надыходзячым годзе пачне функцыянаваць другі курс факультэту. У сувязі з новым прыёмам, вызначаным ў 200 особ, агульны лік студэнтаў дасягне прыкладавае цыфры 360 асоб.

Як на асноўнае заданьне, якое сёньня стаіць перад факультэтам, трэба паказаць на організацыю пры ім вучэбна-дапаможных устаноў—музэю таваразнаўства і габінэту па вывучэньні злачынства.

Паставіўшы сабе мэтаю організаваць музэй, мы выхадзілі з таго палажэньня, што самае выкладаньне таваразнаўства ня можа быць ні рацыянальна пастаўлена, ні карысна, калі яно не падмацоўваецца і не ажыўляецца аглядам рэальных узораў сырызны, напалову фабрыкатаў і гатовых фабрыкатаў, а таксама машын, апаратаў і да г. п., якія відавочна паказваюць вучням увесь ход вытворчасьці, усе стадыі перапрабленьня некаторы раз нічога не каштуючае сырызны ў высокаякасны першаклясны тавар.

Наш таварны музэй павінен быць колекцыяю ўсіх узораў тавараў і прадуктаў нашае сельскае гаспадаркі, прамысловасьці і гандлю. Трэба, каб гэты музэй сабраў самыя лепшыя экзэмпляры гэтых узораў і такім чынам служыў як бы справачнікам усіх нашых тавараў,—стандартнаю меркаю дзеля азначэньня якасьці тавараў.

Такім чынам ён будзе служыць ня толькі патрэбам школы, але і разьвіцьцю і ўдасканаленьню нашае вытворчасьці і ўпарадкаваньню гандлю; асабліва-ж важнае значэньне музэй будзе мець у практыцы копэрацыйных організацый.

Добраякаснасьць тавараў, правільная іх закупка мажлівы толькі пры наліччы ў кіраўнікоў і ў работнікаў копэрацыйнага ганлю ведаў аб тавары, якія веды адбіліся ў іх памяці, дзякуючы пастаяннаму агляданьню стандартызаваных узораў у музэі.

У аснову організацыі музэю маюць легчы наступныя кіруючыя падставы:

У першую чаргу ў музэі павінны знаходзіцца ўсе галіны гаспадаркі і прамысловасьці, атрымаўшыя разьвіцьце на Беларусі, а пасьля гэтага вытворчасьці, г. з. тыя тавары, якія, хаця і не вырабляюцца на Беларусі, а ў іншых часьцях саюзу, але прымаць удзел у таваразвароце нашага краю, і, нарэшце, тавары чужаземнага пахаджэньня.

Музэй будзе складацца з наступных аддзелаў:

1. Аддзел сельскае гаспадаркі і сельска-гаспадарчае прамысловасьці.

2. Аддзел лесапрамысловы (дрэвадабываўчая і дрэваапрацоўная прамысловасьць, фанера, сярнічкі, саломка, прадукты сухое перагонкі дзерава, скіпідар, смала і г. д.).

3. Выраб будаўнічых матар'ялаў мінэральнага пахаджэньня (цэгла, чарапіца, кахлі, вяжучыя матэрыі).

4. Харчовыя продукты (сьпірт, піва, дрожжы, алеі, крахмал, патака).

5. Валакністыя матэрыі (лён, канапля, папяровая вытворчасьць).

6. Жывёла-тэхнічныя тавары (скураная вытворчасьць, салатопная, клеяварная, пушны тавар, шчаціньне, мылаварні).

7. Москацельныя і хімічныя тавары (сярнічная вытворчасьць і шкляная вытворчасьць).

Падрабязныя пляны гэтых аддзелаў будуць распрацаваны асобна. Загадваньне музэем даручана праф. па катэдры таваразнаўства Г. А. Каплану.

Што датычыць габінэту па вывучэньні злачынцы і злачынства, дык яго організацыя абумоўлена наступнымі меркаваньнямі.

У БССР няма падобнага тыпу установы, між тым як гэтакія габінэты ўжо ёсьць і вядуць вялікую работу ня толькі заграніцаю, але і ва ўсіх буйных цэнтрах СССР (Масква, Ленінград, Кіеў, Растоў/Д., Адэса, Баку і інш.).

Існаваньне габінэту выклікаецца жыцьцёвая неабходнасьцю; яго мэта—усебаковае вывучэньне праванарушнікаў у БССР, як з боку соцыяльных умоў і быта, так і з боку паталёгіі асобы праванарушніка. Падрабязнае вывучэньне праванарушнікаў ляжыць у аснове папраўча-працоўнай політыкі Савецкага Саюзу і ўяўляе сабою ясны вывад з палажэньня папраўча-працоўнага кодэксу.

Габінэт уяўляе сабою ўстанову для ўдасканаленьня будучых дзеячоў у галіне савецкага суда, сьледства і органаў папраўленьня. Ён павінен таксама служыць мэтам навуковай падгатоўкі спэцыялістых па крыміналёгіі, крымінальнай соцыялёгіі, крымінальнай псіхіатрыі і крымінальна-псіхіатрычнай экспэртызы.

Габінэт мае быць цэнтральнаю, вучэбна-паказальнаю ўстановаю праўнага аддзяленьня, якая асьвятляе мэтады барацьбы са злачынствам у сучаснай іх пастаноўцы, што ляжаць у аснове савецкай папраўча-працоўнай політыкі (быўш. пэнітэнцыяльнай політыкі). Вывучэньне асобы злачынцы, якое будзе ажыцьцяўляцца габінэтам, заключае ў сабе азнаямленьне перш за ўсё з соцыяльнымі момантамі злачынства і з умовамі быту са зьвярненьнем асаблівае ўвагі на мясцовую беларускую акалічнасьць, з падлікам клясавых і нацыянальных асаблівасьцяй і выяўленьнем рыс, характэрных для злачыннасьці БССР.

З другога боку, работа габінэту дасьць карціну ўплыву умоў насьледсьцьвенасьці і ўсіх біолёгічных фактараў злачыннасьці, як алькоголізму, наркоманіі рознага роду, інфэкцыйных хвароб, невыстарчальнага харчаваньня, душэўных і нэрвовых хвароб і іншых умоў, якія паніжаюць супраціўляльнасьць асобы і нарушаюць соцыяльна-працоўнае прыспасабленьне.

Апошняя, надзвычайна важная задача габінэту заключаецца ў практычнай рабоце—адшуканьні спосабаў хутчэйшага і моцнага прыспасабленьня праванарушніка да нормальнага працоўнага жыцьця, у выніку чаго зьявіцца далучэньне злачынцы да грамады ў якасьці яго соцыяльна-карыснага члена.

Побач з навукова-дасьледчаю і навучальна-пэдагогічнаю работаю сярод студэнтаў факультэту, габінэт павінен сконцэнтраваць наакола сябе практычных работнікаў БССР у галіне барацьбы са злачыннасьцю, дзеля чаго яго дзейнасьць павінна быць злучана з органамі Юстыцыі, дазнаньня, вышуку, з органамі працоўнага папраўленьня, з установамі моральнай дэфэктыўнасьці і г. д.

Паказаныя заданьні прадбачаць такую будову габінэту, пры якой спэцыялістыя кіруюць паасобнымі галінамі дасьледаваньня, дзеля чаго габінэты падзяляюцца на адпаведныя сэкцыі, на чале якіх стаіць кіраўнік габінэту—спэцыялісты ў галіне крымінальнае псіхіатрыі і псіхалёгіі, і мае ў складзе спэцыялістых па крымінальнай соцыялёгіі і пэнітэнцыарнай справе, а таксама навуковыя супрацоўнікі, выпаўняючыя заданьні кіраўнікоў усіх сэкцый.

Загадваньне габінэтам ускладзена на прафэсара псіхіатрыі А. К. Ленца.

У заключэньне лічу патрэбным прывесьці выканальны навучальны плян факультэту на наступны 1926-27 акадэмічны год.

Пляны пабудованы з мэтаю выпаўніць асноўную задачу, якая стаіць перад факультэтам: на праўным аддзяленьні гатовіць кваліфікаваных работнікаў Савецкага праву БССР у галіне суда, пракуратуры, юрыдычнай консультацыі і кіраўніцтва, на эканамічным аддзяленьні гатовіць такіх самых работнікаў у асноўных галінах гаспадарчага будаўніцтва БССР: кіраўнікоў і адміністратараў гаспадарчых прадпрыемстваў, работнікаў банкава-фінансавае справы, дзяржаўнага гандлю і коопэрацыі, статыстыкі. Гэта задача патрабуе організацыі адпаведных цыклаў, але гэта ўжо справа наступных гадоў, калі факультэт разгорне свае астатнія курсы.

Выканальны навучальны плян

Праўнага аддзяленьня факультэта Права і Гаспадаркі на 1926-27 ак. г.

І-шы курс (90 асоб).

№№ па чар.	Назва дысцыплін.	І-шы сем.	ІІ-гі сем.
1.	Дыялектычны матэрыялізм	2	2
2.	Політэкономія	4	2
3.	Тэорыя права	4	—
4.	Гісторыя рускага права	2	2
5.	Гісторыя беларускага права	—	2
6.	Сэмінарый па гісторыі рускага або беларускага права (па выбару)	2	2
7.	Гісторыя інстытутаў прыватнага права	—	4
8.	Тлумачэньне нормаў права	2	2
9.	Гісторыя нар. гаспадаркі Расіі і Беларусі	2	2
10.	Беларуская мова	2	2
11.	Чужаземная мова	4	4
12.	Ваенізацыя	2	2
		26	26

ІІ-гі курс (56 асоб).

№№ па чар.	Назва дысцыплін.	І-шы сем.	ІІ-гі сем.
1.	Дыялектычны матэрыялізм	2	2
2.	Дзяржаўнае права СССР і БССР	4	4
3.	Грамадзянскае права	4	4
4.	Крымінальнае права	4	4
5.	Зямельнае права	2	2
6.	Ленінізм	2	2
7.	Сэмінарый па дзяржаўнаму праву	2	2
8.	Сэмінарый па грамадзянскаму праву	2	2
9.	Сэмінарый па крымінальнаму праву	2	2
10.	Беларуская мова	2	2
11.	Чужаземная мова	4	4
12.	Ваенізацыя	2	2
		32	32

Увага. Для тых, хто спэцыялізуецца, сэмінарый па гісторыі Беларускага права.

Выканальны навучальны плян

Эканамічнага аддзяленьня факультэту Права і Гаспадаркі на 1926-27 ак. г.

№№ па чарзе.	Назва дысцыплін.	I-шы сем.	II-гі сем.
	I-шы курс, 130 асоб.		
1.	Дыалектычны матэрыялізм	2	2
2.	Агульнае вывучэньне аб праве і дзяржаве	3	—
3.	Гісторыя гаспадарч. разьвіцьця Эўропы	4	—
4.	Гісторыя гаспадарчага разьвіцьця Расіі	—	4
5.	Сэмінарый па гісторыі народнае гаспадаркі Эўропы або Расіі	2	2
6.	Гісторыя гаспадарчага разьвіцьця Беларусі	—	4
7.	Сэмін. па гісторыі нар. гаспадаркі Беларусі	2	2
8.	Статыстыка	4	—
9.	Фізыка	2	2
10.	Хімія	2	2
11.	Фінансавыя вылічэньні	–	2
12.	Беларуская мова	2	2
13.	Чужаземная мова	4	4
14.	Ваенізацыя	2	2
15.	Энцыклёпэдыя матэматыкі	2	2
		30	30
	II-гі курс.		
1.	Дыалектычны матэрыялізм	2	2
2.	Агульная тэорыя права і дзяржавы	3	—
3.	Гісторыя эканамічных вучэньняў	—	2
4.	Політэкономія [сэмінарый].	2	2
5.	Эканамічная політыка СССР і БССР.	4	—
6.	Камэрцыйн. вылічэньні і агульн.рахункаводзтва	2	2
7.	Сэмінарый па статыстыцы	2	2
8.	Тэхнолёгія і таваразнаўства	4	4
9.	Грамадзянскае права.	—	4
10.	Ленінізм	2	2
11.	Беларуская мова	2	2
12.	Чужаземная мова	4	4
13.	Энцыклёпэдыя матэматыкі	2	2
14.	Ваенізацыя	2	2
		31	30

Увага. Для тых, хто спэцыялізуецца, сэмінарый па гісторы народн. гаспадаркі Беларусі.

Содержание предыдущих номеров „Трудов Б. Г. У.“.

№ 1.—От редакции.—**М. Б. Кроль.** Мышление и речь.—**В. Н. Ивановский.** Логика истории, как онтология единичного.—**С. Я. Вольфсон.** Диалектический материализм в творчестве Г. В. Плеханова.—**Г. С. Гурвич.** Право и нравственность, с точки зрения материалистического понимания истории.—**И. М. Соловьев.** Школа и задачи научной педагогики.—**В. Н. Перцев.** Социально-политическое мировоззрение Платона.—**Н. М. Никольский.** Феодальные отношения в древнем Израиле.—**М. Г. Сыркин.** Донателло и раннее Возрождение.—**А. Н. Вознесенский.** Метод изучения литературы.—**Н. В. Шаров.** Стихотворения Г. Гейне в переводах Ф. И. Тютчева.—**В. И. Пичета.** Волочная Устава королевы Боны и Устава о волоках. — **А. А. Савич.** Западно-русские униатские школы XVII—XVIII веков. Униатские школы для западно-русского юношества до Брестской церковной унии (1596 г.)—**Ф. Ф. Турук.** Летопись Белорусского Гос. Унив-та.—Хроника Бел. Гос. Унив-та.

№ 2—3.—От редакции.—**В. В. Лепешкин.** О свертывании белка.—**М. П. Соколовский.** К вопросу об элиминации бактерий из брюшной полости.—**В. Н. Ивановский.** Логика истории, как онтология единичного.—**В. Н. Перцев.** Социально-политическое мировоззрение Платона.—**Д. А. Жаринов.** Шляхетское представительство в конституционных проектах 1730 г.—**Н. В. Шаров.** Стихотворения Г. Гейне в переводах Ф. И. Тютчева.—**М. Г. Сыркин.** Донателло и раннее Возрождение.—**А. А. Савич.** Западно-русские униатские школы XVII—XVIII веков.—**Н. М. Никольский.** Керубы по данным библии и восточной археологии.—**В. И. Пичета.** Наказ старостам и державцам и Волочная Устава —**В. Н. Ивановский.** Ассоциационизм у А. Бэна.—**Н. В. Шаров.** Николай Андреевич Янчук (некролог).—**С. Я. Вольфсон.** Маркс и Лассаль в переписке с Г. Гейне.—**И. Ю. Маркон.** Страна „Шабат“ в „Хожении за три моря“ Афанасия Никитина в 1466—1472 г.г. —**С. З. Каценбоген.** Белор. Госуд. Университет в 1921-22 акад. году (Итоги и перспективы).—Хроника Белор. Госуд. Университета.

№ 4—5.—От редакции.—**И. И. Замотин.** Некрасов-художник (1821—1921 г.) К истории демократизации русского слова.—**Н. М. Никольский.** Следы магической литературы в книге Псалмов.—**В. Н. Ивановский.** Ассоциационизм у А. Бэна.—**В. Н. Перцев** К вопросу об общинной собственности у древних германцев.—**В. И Пичета.** Состав населения в господарских дворах и волостях западной Белоруссии в пореформенную эпоху.—**М. П. Соколовский.** К вопросу об элиминации бактерий из брюшной полости.—**М. Г. Сыркин.** Донателло и раннее Возрождение.—**Н. Н. Щекатихин.** Иллюстрации Дан. Ходовецкого к „Буре“ Шекспира.—**Л. П. Розанов** I. Действие крови, как пищевого материала на деятельность пепсиновых желез. II. Случай исследования спиномозговой жидкости при **Encephalitis lethargica** на присутствие глюкозидазы.—**Е. Е. Сиротин.** Интегрирование уравнения Riccati вида $y^0 + y^2 + \frac{a}{x} = 0$.—**А. В. Федюшин.** К вопросу о фаунистическом исследовании Белоруссии.—**П. А. Мавродиади.** „Косое“ деление у инфузорий.—**И. И. Замотин.** Накануне Островского.—**С. Я. Вольфсон.** Плеханов—народник.—**Е. И. Боричевский.** О природе эстетического суждения.—**И. Ю. Марков.** Город Янболи.—**С. Я. Вольфсон.** Г. М. Марков (некролог).—**С. З. Каценбоген.** Белорусский Гос. Университет.—**Он же.** Спорные вопросы генеономии.—**Он же.** Сложная форма брака в Абиссинии.

ЦЕНА 1 р.

№ 6—7.—От редакции.—С. З. **Каценбоген**. Ленин о государстве.—**С. Я. Вольфсон.** К вопросу марксизма и государства.—**М. М. Піотуховіч**. Францішак Багушэвіч, як ідэолёг беларускага адраджэньня і як мастак.—**И. И. Замотин**. Вечно юное в поэзии Пушкина.—**Е. И. Боричевский**. „Памятник" Пушкина.—**А. Н. Вознесенский.** Классификация методов историко-литературной науки.—**Вл. Н. Ивановский**. Пушкин в истории русской общественности.—**В. Воўк-Левановіч**. Гістарычнае вывучэньне беларускай мовы ў славянскай філёлёгіі.—**И. М. Соловьев**. Школоведение, как предмет науки.—**Н. М. Никольский**. Талмудическая традиция об Иисусе.—**В. Н. Перцев**. Историческая идеология Бисмарка.—**И. Д. Сосис**. К истории антиеврейского движения в царской России.—**С. З. Каценбоген**. Правовое положение евреев в Белоруссии накануне революции 1917 г.—**И. В. Герчиков**. К идее государства у Лассаля.—**В. Д. Дружчыц**. Палажэньне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасьля Люблінскай вуніі.—**Д. А. Жаринов**. Крестьянская дифференциация перед падением крепостного права.—**М. О. Грёдингер**. Проблема возложения обязанности загладить вред и отношение ее к обязательству возмещения причиненного вреда.—**И. Я. Герцык**. Теория ренты в связи с трудовой теорией стоимости.—**В. И. Пичета**. Состав населения в господарских дворах Зап. Белоруссии в пореформенную эпоху.—**М. Б. Вейнгер**. Исследуйте еврейские диалекты! (на евр. яз.).

№ 8—9—10.—От редакции.—**А. В. Федюшин**. 1. Материалы к изучению орнитофауны Мурмана. 2. К биологии **Tadorna rutila Pall.**—**Н. А. Збитковский.** Материалы к флоре Белоруссии.—**Е. М. Зубкович**. К планктону водоемов Минского округа.—**Л. П. Розанов**. 1. О действии тиреоидина на функции коры головного мозга. 2. О влиянии тиреоидина, церебрина и кордина на анаэробное дыхание дрожжей. 3. Новые данные по вопросу о влиянии тиреоидина на алкогольное брожение.—**А. П. Бестужев**. К вопросу о возбуждающем действии угольной кислоты.—**С. М. Рубашев**. Нервная система мочеполового аппарата у мужчин.—**М. П. Соколовский**. К вопросу об элиминации бактерий из брюшной полости.—**Е. А. Федорова**. К вопросу о формах бешенства у человека.—**В. А. Леонов**. Опыт образования и угашения простого условного рефлекса у рахитика.—**А. Е. Мангейм и Б. Н. Цыпкин**. Материалы к изучению хрящевой пластики.—**Н. А. Прилежаев**. Окисление лимонена гидроперекисью бензоила.—**Вл. Н. Ивановский**. Из лекций по методологии наук. Гл. I.—**Е. Е. Сиротин**. О температурном градиенте в атмосфере и барометрической формуле.—**С. И. Лебедкин**. К технике графических реконструкций.—**Хроника Б. Г. У.**

B000000 1929600